

LET'S PRESERVE
MEMORY

Please share with us any relevant documentation you may have from the protests, including but not limited to graphic, audio, audio-visual, and text:

70 420 653

Lebanon2019@umam-dr.org

WWW.MEMORYATWORK.ORG

2020

2nd International Conference - Openness of State Archives and Memory Studies

Вторая международная конференция

- Открытость государственных архивов
и исследования памяти

2020

2nd International Conference

- Openness of State
Archives and Memory Studies

**Вторая международная
конференция**

- Открытость государственных архивов
и исследования памяти

The conference was organized and Thesis published with financial support by the Open Society Institute Budapest Foundation (OSI) within the frame of the project “Enhancing Openness of State Archives in Former Soviet Republics and Eastern Bloc Countries”.

The opinions expressed in this document belong to the Institute for Development of Freedom of Information (IDFI) and its partner organizations, and do not reflect the positions of Open Society Institute Budapest Foundation (OSI). Therefore, this organization is not responsible for the content of this report.

Конференция была организована и сборник опубликован при финансовой поддержке Института открытого общества - будапештского фонда в рамках проекта «Повышение открытости государственных архивов в бывших советских республиках и странах восточного блока».

Мнения, выраженные в этом документе, принадлежат Институту развития свободы информации (IDFI) и его партнерским организациям и не отражают позиции Института «Открытое общество Будапештский фонд (OSI). Поэтому эта организация не несет ответственности за содержание этого отчета

Compiler: Anton Vatcharadze

Editor: Thomas Welsford

Translator (from English to Russian): Tevdore Miridjanashvili

Translator (from Russian to English): Megi Kartsivadze

Designer: Nata Kubaneishvili

Thank you for your support: Giorgi Kldiashvili, Levan Avalishvili

The conference was organized and Thesis published with financial support by the Open Society Institute Budapest Foundation (OSI).

Составитель: Антон Вачарадзе

Редактор: Томас Уэлсфорд

Переводчик (с английского на русский): Тевдоре Мириджанашвили

Переводчик (с русского на английский): Меги Карцивадзе

Дизайнер: Ната Кубанейшвили

Спасибо за Вашу поддержку: Георгий Клдиашвили, Леван Авалишвили

Конференция была проведена и сборник тезисов издан при финансовой поддержке Будапештского фонда Института Открытого Общества (OSI).

Table of contents

Foreword	7
Theses	
First Session: Access to Archives - Best International Practices	10
From Memory to Action: Archives as Sites of Conscience	10
<i>Linda Norris, Global Networks Program Director, International Sites of Conscience</i>	
The Opening up of the Czechoslovak Secret Service Archivers	14
<i>Pavel Žáček, MP of the Czech Republic/ Lecturer in CEVRO Institute</i>	
On the question of the level of openness and transparency of historical archives in France. Unfinished openness and transparency	17
<i>Giorgi Mamulia, Doctor, School of Higher Studies in Social Sciences (EHESS) of France</i>	
KGB Records Accessibility and Publication in Latvia during Recent Years: Experience and Problems	19
<i>Gints Zelmenis, Researcher, National Archives of Latvia</i>	
Second Session: Legal Regulations and Practice of Access to Archival Documents	21
Legal Regulations on Access to Archives in the Russian Federation	21
<i>We are not disclosing author's name upon his/her request</i>	
Access to Archival Documents in Georgia	27
<i>Nino Merebashvili-Fisher, Senior Lawyer, Institute for Development of Freedom of Information (IDFI)</i>	
Third Session: Challenges to the Access to State Security Archives	30
Rehabilitation of Stalinism and Access to Archives in the Republic of Belarus	30
<i>Dmitriy Drozd,</i> <i>Researcher of the Belarusian Documental Center</i>	
Secrecy of the Soviet Archives as an Instrument for Forming the New History	35
<i>Eldar Zeynalov, Journalist, Director of the Human Rights Center, Azerbaijan</i>	
Fourth Session: The Role of Archives in Memory Studies	36
Politics of History and Memory about the Past of the Russian Federation	36
<i>Ian Rachinsky, Head of the Board of the International Memorial, Russian Federation</i>	
Secrecy of the Soviet Archives as an Instrument for Forming the New History	39
<i>Eldar Zeynalov, Journalist, Director of the Human Rights Center, Azerbaijan</i>	
Role of the IPN Archive in the process of verification of "totalitarian memory". Results – threats – mission	40
<i>Stanisław Koller, Department of Archival Research and Source Edition, National Remembrance Institute, Poland</i>	
The Formation of Collective Memory in Armenia (Based on the all-Soviet and National Examples)	42
<i>Hranush Kharatyan, Ph.D., Institute of Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia</i>	
Project: Deconstruction. KGB Archives for Media	45
<i>Anna Oliinyk, Center for Research on the Liberation Movement, Ukraine</i>	

Fifth Session: State Memory Politics in the Former Soviet and Eastern Bloc Countries	47
Politics of Memory and Research Institutions on Communism in Romania	47
<i>Alexandru-Murad Mironov, History Department Faculty Member, University of Bucharest</i>	
'Progressive' changes and 'stagnant' continuity: research experience in the Central State Archive of Uzbekistan	49
<i>We are not disclosing author's name upon his/her request</i>	
Recovery of the 'forgotten' past – the Polish experience	51
<i>Ewa Ochman, Senior Lecturer in East European Studies, the University of Manchester, UK</i>	
State Memory Politics in Georgia after 1991 and Similarities with the Other Post-Soviet Countries	55
<i>Megi Kartsivadze, Analyst of Archives, Soviet & Memory Studies Direction, Institute for Development of Freedom of Information (IDFI)</i>	
The Activity of the Commission for the Study and Evaluation of Totalitarian Communist Regime in the Republic of Moldova: Why Has It Partially Failed?	58
<i>Igor Casu, Director, Center for Study of Totalitarian Regimes & Cold War, Faculty of History and Philosophy, State University of Moldova</i>	
Sixth Session: Shared Memory after the End of the Totalitarian Communist Era	60
The Limits of Iconoclasm: Soviet War Memorials since the End of Socialism	60
<i>Mischa Gabowitsch, Einstein Forum, Potsdam, Germany</i>	
Contemporary art as a medium for memory	67
<i>Alexandra Tsay, Cultural studies researcher, "Open Mind", Kazakhstan</i>	
Cultural Opposition - Courage – Connecting collections. The COURAGE project	71
<i>Sándor Horváth, Institute of History, Hungarian Academy of Sciences</i>	
Shared Memory after the End of the Totalitarian Communist Era in Latvia	73
<i>Edgars Engizers, Faculty member, Baltic International Academy, Latvia</i>	
Seventh Session: Forgetting the Crimes of Totalitarian Regimes and How to Avoid It	76
Archives, Conspiracies, Conspiracy Theories: the Case of the Bulgarian Orthodox Church	76
<i>Momchil Metodiev, Researcher, the Institute for Studies of the Recent Past, Bulgaria</i>	
How to avoid the Forgetting of the Crimes of Totalitarian Past: The Case of Estonia	80
<i>Meelis Saueauk, Senior Researcher, Institute of Historical Memory, Estonia</i>	
Historical memory, de-Communization, and de-Sovetization: the role of current Russian Government and post-Soviet elites	82
<i>Parviz Mullojonov, Visiting researcher of the University of Uppsala</i>	
Esimde (I remember) - memory: science, activism and citizenship	86
<i>Elmira Nogoibaeva, Director of the analytical center "Policy Asia"</i>	

Содержание

Предисловие	8
--------------------------	---

Тезисы

Первая Сессия: Наиболее успешная международная практика открытости архивов	88
От памяти к действиям: Архивы мест совести	88
<i>Линда Норрис, Директор программы глобальных сетей</i>	
Открытие архивов спецслужб Чехословакии	92
<i>Павел Зачек, Депутат Парламента Чешской Республики; Преподаватель в институте CEVRO</i>	
К вопросу об уровне открытости и транспарентности исторических архивов во Франции. Несовершенная открытость и транспарентность	96
<i>Георгий Мамулия, Доктор Школы высших исследований общественных наук (EHESS) Франции</i>	
Доступность и публикация документов КГБ в Латвии за текущий год: опыт и проблемы	98
<i>Гинтс Зелменис, Исследователь, Национальный архив Латвии</i>	
Вторая Сессия: Правовое регулирование и практика доступа к архивам	100
Правовые регуляции доступа к архивам в Российской Федерации	100
<i>Мы не разглашаем имя автора по его / ее запросу</i>	
Доступ к архивным документам в Грузии	105
<i>Нино Меребашвили-Фишер, Старший юрист, Институт развития свободы информации (IDFI)</i>	
Третья Сессия: Доступ к архивам государственной безопасности	108
Реабилитация сталинизма и доступ к архивам в Республике Беларусь	108
<i>Дмитрий Дроздь, Исследователь Белорусского документационного центра</i>	
Секретность советских архивов как инструмент формирования новой истории	113
<i>Ельдар Зейналов, Журналист, Директор Центра прав человека, Азербайджан</i>	
Четвертая Сессия: Роль архивов в изучении памяти	114
Историческая политика и память о прошлом в РФ	114
<i>Ян Рачински, Председатель правления Международного мемориала, Российская Федерация</i>	
Роль архива (IPN) в процессе верификации «тоталитарной памяти».	
Результаты, опасности, миссия	117
<i>Станислав Коллер, Отдел архивных исследований и источниковедения, Национальный институт памяти, Польша</i>	
Формирование коллективной памяти в Армении (На общесоветских и национальных примерах)	120
<i>Грануш Харатян, к.и.н., Ин-т Археологии и этнографии НАН РА</i>	
Проект: Deconstruction. Архивы КГБ для медиа	123
<i>Анна Олийник, Центр исследования освободительного движения, Украина</i>	

Пятая Сессия: Государственная политика памяти в постсоветских странах.....	125
Политика памяти и учреждения по изучению коммунизма в Румынии	125
<i>Александру-Мурад Миронов, Преподаватель исторического факультета, Университет Бухареста</i>	
«Прогрессивные» изменения и «стагнация» непрерывности: опыт исследования в Центральном государственном архиве Узбекистана	127
<i>Мы не разглашаем имя автора по его / ее запросу</i>	
Восстановление «забытого» прошлого – польский опыт	129
<i>Ева Охман, Старший преподаватель восточноевропейских исследований, Манчестерский университет, Соединенное Королевство</i>	
Политика государственной памяти в Грузии и сходства с другими постсоветскими странами	133
<i>Меги Карцивадзе, Алалитик, Институт развития свободы информации (IDFI)</i>	
Деятельность Комиссии по изучению и оценке тоталитарного коммунистического режима в Республике Молдова: почему она оказалась частично неудачной?.....	136
<i>Игорь Кашу, Центр исследования тоталитарных режимов и Холодной войны, Факультет истории и философии, Государственный университет Молдовы.</i>	
Шестая Сессия: Общая память после окончания тоталитарной коммунистической эры.....	138
Пределы иконоборчества: советские военные мемориалы с времен падения социализма	138
<i>Миша Габович, Исследователь, Форум Эйнштейна в Потсдаме, Германия</i>	
Искусство как медиум памяти	144
<i>Александра Цай, Культуролог, куратор, “Open Mind”, Казахстан</i>	
Культурная оппозиция – Смелость – Объединение коллекций. Проект COURAGE (СМЕЛОСТЬ)	149
<i>Шандор Хорват, Институт истории, Венгерская академия наук</i>	
Общая память после окончания тоталитарной коммунистической эры в Латвии	151
<i>Эдгарс Энгизерс, Преподаватель, Балтийская международная академия, Латвия</i>	
Седмая Сессия: Забвение преступлений тоталитарных режимов и как его избежать.....	154
АРХИВЫ, ЗАГОВОРЫ, ТЕОРИИ ЗАГОВОРА: ДЕЛО БОЛГАРСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ	154
<i>Момчил Методиев, Исследователь Институт исследований недавнего прошлого, Болгария</i>	
Как избежать забвения преступлений тоталитарного прошлого: пример Эстонии	158
<i>Меелис Сауаеук, Старший научный сотрудник, Институт исторической памяти, Эстония</i>	
Историческая память, декоммунизация и десоветизация: роль нынешнего правительства России и постсоветских элит	160
<i>Парвиз Мулоджанов, Приглашенный исследователь Упсальского университета</i>	
Эсимде (я помню) - память: наука, активизм и гражданственность	164
<i>Елмира Ногоибаева, Директор аналитического центра “Полис Азия”</i>	

Foreword

On 5-6 December 2019, the Institute for Development of Freedom of Information (IDFI) with the financial support of the Open Society Institute Budapest Foundations (OSI) held the 2nd International Conference - Openness of State Archives and Memory Studies.

The conference was mainly focused on the issue of the openness of state archives in the former Soviet and Eastern Bloc countries. The openness of state archives and accessibility of archival documents is an especially important issue in the countries that have experienced totalitarian past and still deal with its problematic legacy on political and economic as well as social level. Researchers, scholars, students and journalists deal with the negative legacy of secrecy and face different obstacles while working in state archives of former totalitarian states. The open archives are primary facilitators of research aimed at rethinking of totalitarian past and state politics focused on the prevention of the re-emergence of totalitarian ideologies and rehabilitation of victims of the repressive regime. For this, since the day of its establishment in 2009, the Institute for Development of Freedom of Information (IDFI) has been endeavoring to enhance the openness of state archives and the flexibility of their policy and services for researchers in Georgia and beyond. The attendants of the conference discussed the best and worst international practices in this direction.

The members of the Network of Open Archives participated in the conference. The network is supported by the Open Society Foundation and covers 18 former Soviet and Eastern Bloc countries – Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Czech Republic, Hungary, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Lithuania, Latvia, Moldova, Poland, Romania, Russia, Tajikistan, Ukraine, Uzbekistan and Georgia. Also, the experts of the field from different countries attended the conference. They talked about the progress and challenges related to the accessibility of archives in their respective countries and shared their experience with the auditorium.

Additionally, apart from the state archives, the conference was focused on memory politics related to the totalitarian past of the represented countries. Memory Studies is a new component in IDFI's project, aimed at creating a common methodology for assessing the effectiveness of memory politics in different countries and publishing articles about the memory studies related to the Soviet past. This new component is important for attracting public interest toward the necessity to rethink the totalitarian past and discuss the role of state archives in this process. Within the frame of the conference, the participants discussed various approaches to memory politics in different countries, challenges in this direction and the best international practices.

During the two days of the conference, many interesting topics were covered, the importance of the openness of archives for the modern society together with the different memory instruments and the necessity to study them in the region and beyond were discussed. The participants agreed on the updated common methodology for assessing the openness of archives in different countries based on which the joint report will be created.

For more detailed information about the conference and the topics covered by the participants, IDFI publishes a collection of the brief theses submitted by the presenters. This collection includes the short analysis of the issues discussed within the frame of the conference.

Предисловие

5-6 декабря 2019 г. Институт развития свободы информации (IDFI) при финансовой поддержке Будапештского фонда (Институт Открытого Общества) провел 2-ю Международную конференцию «Открытость государственных архивов и исследования памяти».

Открытость государственных архивов и доступность архивных документов является особенно важной проблемой в странах, которые пережили тоталитарное прошлое и до сих пор сталкиваются с его наследием как на политической и экономической, а также социальной основе. Исследователи, ученые, студенты и журналисты испытывают негативное наследие секретности и сталкиваются с различными препятствиями при работе в государственных архивах бывших тоталитарных государств. Открытые архивы являются основными проводниками исследований, направленных на переосмысление тоталитарного прошлого и государственной политики, направленной на предотвращение возрождения тоталитарных идеологий и реабилитацию жертв репрессивного режима. Для этого, со дня своего основания в 2009 году, Институт развития свободы информации (IDFI) стремится повысить открытость государственных архивов для исследователей в Грузии и за ее пределами.

Исследователи Сети открытых архивов приняли участие в конференции. Сеть открытых архивов, поддерживаемая Фондом Открытого Общества, охватывает 18 стран бывшего Советского Союза. В 2019-ом в проекте участвуют: Армения, Азербайджан, Беларусь, Болгария, Чехия, Венгрия, Казахстан, Кыргызстан, Литва, Латвия, Молдова, Польша, Румыния, Россия, Таджикистан, Украина, Узбекистан и Грузия.

Помимо государственных архивов, конференция также была сфокусирована на политике памяти, связанной с тоталитарным прошлым в представленных странах. Этот новый компонент важен для привлечения общественного интереса к необходимости переосмыслить тоталитарное прошлое и обсудить роль государственных архивов в этом процессе.

В течение двух дней конференции обсуждались многие интересные темы, важность открытости архивов для современного общества вместе с различными инструментами памяти и необходимость их изучения в регионе и за его пределами. Участники согласились с обновленной общей методологией оценки открытости архивов в разных странах, на основе которой будет создан совместный отчет.

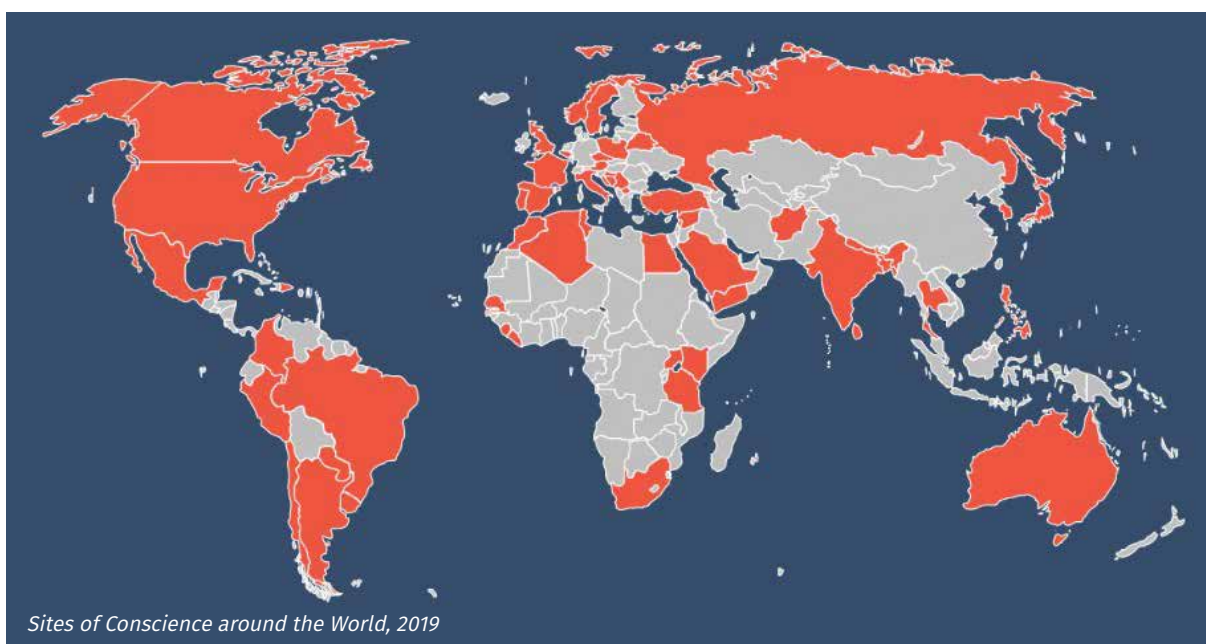
Для получения более подробной информации о конференции и темах, освещаемых участниками, IDFI публикует сборник кратких тезисов, представленных докладчиками. Этот сборник включает краткий анализ вопросов, обсуждаемых в рамках конференции.

Theses

First Session: Access to Archives - Best International Practices

From Memory to Action: Archives as Sites of Conscience

Linda Norris,
*Global Networks Program Director,
International Sites of Conscience*

The International Coalition of Sites of Conscience is the only worldwide network dedicated to transforming places that preserve the past into spaces that promote civic action. Archives—both governmental and citizen-based—form a vital part of many members' work.

The Coalition recognizes that the power of sites of memory is not inherent; it must be harnessed as a deliberate tactic in the service of human rights and citizen engagement. This conscious effort to connect past to present and memory to action is the hallmark of the Sites of Conscience movement. As a network of more than 275 Sites of Conscience in 65 countries, we engage tens of millions of people every year in using the lessons of history to take action on challenges to democracy and human rights today. Through powerful participatory programs that bring people together across difference, we advocate for every community's right to preserve places where struggles for human rights and democracy have occurred, to talk openly about what happened there, and to harness the strengths of memory, heritage, arts and culture to build ethical societies that envision and shape a more just and humane future.

A Site of Conscience is a place of memory – a museum, historic site, archives, memorial or memory initiative– that confronts both the history of what happened there and its contemporary legacies.

Whether remembering an era centuries or decades ago, Sites of Conscience begin by facing all aspects of our history: stories of great cruelty, great courage or everyday life. Then they go a step further, activating the historical perspective with dynamic public dialogue on related issues we face today and what we can do about them. Founded in 1999, we are now more than 275 members in 65 countries around the globe.

Sites of Conscience are places that:

- Interpret history through site;
- Engage the public in programs that stimulate dialogue on pressing social issues;
- Share opportunities for public involvement and positive action on the issues raised at the site;
- Promote justice and universal cultures of human rights.

By highlighting the work of several Sites of Conscience, it's our hope that it can inspire the work of others.

Governmental Archives

Archivo Historico de la Policía Nacional, Guatemala

In July of 2005, the Human Rights Ombudsman of Guatemala uncovered a secret trove of historical and administrative documents belonging to the former National Police of Guatemala. This collection relates to Guatemala's period of internal armed conflict in which families, victims, and human rights organizations identified the National Police as major violators of human rights. Archivo Historico de la Policía Nacional is in the process of organizing and digitizing this massive collection, allowing citizens free and open access to this previously secret history.

Archivo Historico de la Policía Nacional

Sierra Leone Peace Museum, Sierra Leone

This museum holds the records of both the Special Court of Sierra Leone and the Truth and Reconciliation Commission, both of which addressed the responsibilities and legacies of the decade-long civil war. Intentionally, these archives are independent of the national government and exist as a separate entity. In the long run, one goal of the records is to use the documentation provided to create Sites of Conscience and memorials around the nation at sites of human rights abuses identified in the records.

Archives of Protest

As protests and revolutions happen, citizens and NGOs take up the challenge of collecting in the midst of rapidly changing events.

During the Maidan Revolution in Ukraine in 2014, a small group of cultural professionals began collecting archival materials, objects and oral histories on the Maidan, as the protests were happening. The result is the new Revolution of Dignity Museum. The museum is not yet built, but in an information center located on the Maidan, where the revolution happened, temporary exhibits, publications and events make use of those archival materials to

The memorial-museum complex is intended to become a reputable innovative platform for affirming among the general public the values of civil society, based on the historical experience of the struggle of Ukrainians for their rights, an open forum for discussions and spreading ideas of dignity, independence, freedom, self-organization, promotion of activism, development of society and formation of responsibility for the future.

UMAM Documentation and Research, Lebanon

UMAM had already begun a citizen archive, collecting everything from hotel registers to movie studio records, as a way of documenting life in Beirut. The archive aligned with their mission, "UMAM believes that dealing with Lebanon's violent past is fundamental to eliminating the specter of renewed conflict." However, as protests engulfed the country this past year, UMAM reacted rapidly, collecting all sorts of archival materials: protest signs, audio, and the like. They made use of social media, using Facebook to invite residents to share their materials with the Center and creating a website chronicling the protests.

Memorial Democràtic, Spain. By recovering formerly repressed histories and voices, Memorial Democràtic aims to defend the Catalan citizens' "right to remember." The institution works to research, preserve, and publicize the history of the period 1931-1981, including the democratic struggle against fascism during the Spanish civil war, Franco's regime, the citizens' fight for democracy against the dictatorship, and the transition to democracy. They have used those archives to create Drawn Memory, a new illustrated collection of stories. With these memories these wish to "recognize the courage and effort of its protagonists and, at the same time, transmit these human values to present and future generations so that they can know, reflect and learn."

Colibri Center, United States

The Colibri Center Colibrí began in 2006 as the Missing Migrant Project, a small volunteer initiative inside the Pima County Arizona Office of the Medical Examiner designed to organize information about people who were missing on the border in order to help identify the hundreds of individuals being examined by the forensic scientists in that office. Today, their mission is to end the disappearance and uphold human dignity along the U.S.-Mexico border. Their goals are to "bear witness to this unjust loss of life, accompanying families in their search and holding space for families to build community, share stories, and raise consciousness about this human rights crisis." Their archives of both forensic records and oral history and storytelling, highlight this American crisis and advocate for change.

Archives, when made accessible, have the power to bring communities together by exposing shared histories as a starting place for understanding the present. Archives not only shine light on historical truths, they also identify the players, creating opportunity for accountability and transparency that can lead to justice for the individuals and communities that have endured human rights abuses. The dedicated and innovative work of Sites of Conscience around the world help create a more just future for all.

To learn more about the International Coalition of Sites of Conscience and the work of individual members, visit www.sitesofconscience.org or contact Linda Norris at lnorris@sitesofconscience.org.

The Opening up of the Czechoslovak Secret Service Archivers

Pavel Žáček,

MP of the Czech Republic/ Lecturer in CEVRO Institute

During the long period of their existence, the Czechoslovak Communist security services kept detailed records about their activity, specifically about fulfilling the totalitarian regime repressive practice. These special character documents were set up based upon internal, relatively strictly defined, bureaucratic and conspiratorial parameters – the aim of these documents was to provide the fundamental power conditions for the totalitarian regime’s existence, which especially referred to continuous repression, prevention (intimidation) and the need to gather necessary information.

The administrative documents issued due to the activities performed by individual Czechoslovak security services (National Security Corps, Corrections Corps, Border Guard and Guard of the Interior, General Staff of the Czechoslovak People’s Army Intelligence Directorate) was continuously archived in the respective special importance archive at the Ministry of the Interior and the Ministry of National Defence. The agency-related operational agenda of intelligence and counterintelligence State Security units, including the Military Counterintelligence, the Public Police (Veřejná bezpečnost, hence the abbreviation VB) and of the Border Guard was stored in secret central or regional operational archives that were closely linked to the operational records, or this agenda was stored in the operational archives themselves – i.e. among the individual directorates’ records.

During the last days of its existence, which is to say in November and December 1989, the Communist regime decided to destroy evidence about its rule, hush up the crimes it had committed, the continuous breach of applicable national and international norms as well as the infringement of human rights. There were documents being destroyed, both in the centres of political power – within the archives and registries of the bodies of the Central Committee of the Communist Party of Czechoslovakia and its organization departments, as well as within the operational archives and registries of the Federal Ministry of the Interior’s departments which especially refers to the secret police of the State Security, and files were also being destroyed within the organization units of the Federal Ministry of National Defence, within the units and groups of the Czechoslovak People’s Army which especially applies to special units of individual organizations and institutions as well as to other pillars of power.

For various reasons, the exponents of the Communist regime were unable to destroy all the compromising documents and archive materials. First and foremost, they didn’t have enough time, sometimes their own administrative norms hindered them in destroying the documents and there were also occasions where some of the responsible functionaries resisted participating in this planned and systematic destruction.

The Communist archive gradually became a problem which needed to be solved, this situation was aggravated especially after the parliamentary elections in June 1990. Although in 1990 an agreement was concluded between the Ministry of the Interior of the Czech Republic and the Central Committee of the Communist Party of Czechoslovakia about handing over the archive materials of regional and district Communist Party of Czechoslovakia committees, the Communist party fiercely resisted handing over the Central Committee of the Communist Party of Czechoslovakia archive.

That's why on November 16th 1990, on the eve of the first anniversary of the students' revolution, the representatives of the new democratic power put through the Constitutional Act No. 496/1990 Sb. on giving back the Communist Party of Czechoslovakia's property to the people of Czechoslovakia; this act had an introduction stating that following its coming to power in 1948, the Communist Party regarded the state as its property, handling this property as if it had been its own. In order to get rid of the impacts of such a state at least partially, the Federal Parliament decided that the Communist Party of Czechoslovakia's archive materials issued until December 31st 1989 become the state's property on January 1st 1991 without any compensation. A similar decision was made about other written, visual documents or audio documents as well as other Communist Party of Czechoslovakia documents dating back to the period until November 30th 1989 that were to be taken over by the Central National Archive or its regional branches.

Yet the post-Communist power still held the archive materials in a classified mode and they were not used in public discourse about the totalitarian regime's nature, with historians and other experts being granted access to these documents only on a very limited scale. Not even the former political prisoners or other persecuted people gained access which gave rise to mistrust towards the bodies of the new power.

On April 26th 1996, parliament adopted the Act No. 140/1996 Sb., on making files resulting from the activities of the former State Security Police publicly accessible, for which the Ministry of the Interior imposed the duty to inform a citizen of the Czech Republic, or a citizen of the former Czechoslovak Republic, whether the former State Security's information system contains a file on this citizen, whether this file has been preserved and possibly to provide a copy of such a file to the citizen.

If a citizen was listed as a collaborator, he was only entitled to access those parts of the file that were written at a time when this citizen was not listed as a Secret Service collaborator. Another major change was the option to access personal (cadre) files of security services members containing data about the origin, course and termination of their service relationship, or to provide an extract of these documents in the form of a member's personal record.

Furthermore, the Ministry of the Interior and the Ministry of Defence were obliged to hand out the register records in writing and electronic form from preserved or reconstructed protocols, volumes and other register aids of security services, with this information being handed over in the scope of object-related files or files about people listed as State Security collaborators or as Military Counter-intelligence collaborators – data about the establishment of such a volume or changes made herein, about people (if they weren't foreigners), or about objects to whom the volumes were related were to be handed over as well. Similarly, the Ministry of Justice issued in writing and electronic form a transcript of the volumes from the Department for the Protection of the Interior at the Corrections Corps and it did so within the scope of object-related files or files about people listed as collaborators of this department, if these documents had been made use of by the State security.

The ministries were also to continuously issue lists of the declassified personnel (cadre) files of the security services members, including the date on which they became members of the security service, the position within the security service and the date on which such an enlistment ended.

On March 20th 2003, the Ministry of the Interior published a list of secret collaborators (categories: resident, agent, informer, holder of a borrowed flat, holder of a conspiratorial flat). This list was published both in writing and electronic form and equalled 12 A4 notebooks with an overall page

number of 6,665. Between 1997 and 2003, the respective authority made 3,391 investigation, operational and agency-related files accessible to applicants. During the following two years, the Ministry of the Interior presented only 108 personal files about former secret police members.

In the period ranging from September 2002 until March 2005, the newly founded Office for the Declassification of the Documents of the Ministry of the Interior of the Czech Republic which focused on processing documents (files) written through the counterintelligence's work, received a total of 3,671 applications, digitalized 402 documents (equalling 358,522 pages) and processed applications of 210 applicants. Furthermore, the office published data on 15,633 persons listed as members of military counterintelligence during the legally binding period and also 1,881 records about object-related files created during the same time.

In order to protect personal data, the Ministry of the Interior made the date of birth and the addresses of other people illegible, also making unreadable any other data about their private and family life, about their crimes, health and property. This was done prior to making the file accessible via a copy of the file. If the file in question was about a deceased person (i.e. when the application was filed by relatives), the data about the private life and the family were made unreadable.

The new Act on Archiving No. 499/2004 was adopted following several years, and this Act declassified archive materials that were created through the activities performed by organizations united in the National Front and the Communist security services. This act significantly broadened the access the researcher public had to the Security Service file agenda as it stated that the principle according to which only archive materials older than 30 years were declassified, did not apply to these materials.

In November 2005, a group of senators presented a bill on the National Memory Institute, a memorial institute designed according to the Polish and Slovak model. Finally, in June 2007, the Act No. 181/2007 Sb. on the Institute for the Study of Totalitarian Regimes and the Security Services Archive, and on Amendments of some Acts, by which a new administration office was established on February 1st 2008, was adopted. This office managed all the document and file agenda of the former Communist security services.

This Act stated that the Ministry of the Interior, the Ministry of Defence including the Military Intelligence, the Ministry of Justice, the Security Information Service and the Office for Foreign Relations and Information should have handed over all records and registration aids, archive fonds, including the agency-related, operational files, investigation or cadre files, archive collections and individual archive materials and documents established as a result of the activities of the security services, the Communist Party of Czechoslovakia and the National Front organizations that were operating within these services from April 4th 1945 until February 15th 1990. The Act stated that these ministries should have handed over any documents they possessed to the Security Services Archive.

The Act thus broadened the liberal approach according to the Act on Archiving encompassing also documents of other security services. For example, it also refers to the Police, Border Patrol, Military Counterintelligence, General Staff of the Czechoslovak People's Army Intelligence Directorate, Protection of the Interior at the Corrections Corps, etc.

Thus, almost any researcher may apply for access to any material stored in the archives – irrespective of whether he stands in any relation to the person about whom he asks to receive materials. Furthermore, he may get digital copies, scans, or ask for photocopies or digital forms. This system is the most liberal one among all the post-communist countries.

On the question of the level of openness and transparency of historical archives in France.

Unfinished openness and transparency

Giorgi Mamulia,

*Doctor, School of Higher Studies in Social Sciences
(EHESS) of France*

In this paper, I offer some brief comments on the archival situation in France, on the basis of my experience over the last eighteen years researching in a number of French archives.

The most user-friendly archival institution that I have worked in is the French Ministry of Foreign Affairs¹. Currently, the bulk of archival materials and documents of the French Foreign Ministry are concentrated in the main archive building, opened in 2009, located in the city of La Courneuve, ten kilometers from the French capital. The materials are excellently described and cataloged, enabling researchers easily to order and work with archival materials in which they are interested. Most of the archival materials, especially those dating from before the 20th century, were filmed on microfilms for the purpose of better preservation, and are available to researchers only in this form. Currently, both copies from microfilms and original documents (in the form of digital photographs) are made free of charge, which makes it extremely easy for researchers to work with these documents. The fact that some of them (mainly related to the activities of the French embassies, consulates and missions abroad) is not located in Paris, but in the so-called Nantes Center for Diplomatic Archives², which is open 1987, somewhat reduces the level of convenience of working with archival materials. This fact significantly complicates the work of researchers, requiring additional costs for travel and accommodation in the city of Nantes, in the west of France.

The second most convenient institution, in terms of the quality of inventory of archival materials, their accessibility and flexibility, is the National Archives of France³. Descriptions of the materials stored in the town of Pierrefitte-sur-Seine near the Paris building of the National Archive are quite satisfactory. The working conditions of researchers in it are also quite consistent with the modern standards in terms of the right to unlimited copying (photographing) of documents, although there are still some flaws. For example, there is still no complete computer database of inventories of materials stored there, which to some extent makes it difficult for researchers to work on them.

To a certain extent, similar problems are observed while working on materials from the Historical Center of the French Military Archive, located in the famous Vincennes Castle⁴. Inventories of archival materials, in general, are also more or less satisfactory, although they are inferior to the two archives mentioned above in terms of accuracy of description and cataloging. Certain inconveniences also

¹ Archives du ministère des affaires étrangères (AMAE). France - <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/the-ministry-and-its-network/archives-and-heritage/>

² Le Centre des Archives diplomatiques de Nantes (CADN) - <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/archives-diplomatiques/informations-pratiques/site-de-nantes/>

³ Archives Nationales. Paris, France - <http://www.archives-nationales.culture.gouv.fr/en/web/guest/salle-des-inventaires-virtuelle>

⁴ Service historique de la Défense (SHD), Centre historique des archives (CHA), Château de Vincennes. Paris, France - <https://www.servicehistorique.sga.defense.gouv.fr/en>

arise regarding the fact that a researcher needs to order materials several days before their issuance, since the archival documents are stored in remote repositories, and their delivery to the reading room requires a certain amount of time. Otherwise, readers are given the free right to take photographs of archival materials.

The archives of the Prefecture of the Paris police⁵ suffer mainly from inaccurate descriptions, which, of course, greatly complicates the work of researchers. This, to some extent, is due to the abundance of extremely diverse and rich materials stored in this archive. Otherwise, archival documents are fully accessible for researchers.

One of the biggest problems that researchers face during their work in France is the lack of access to archival materials from the French intelligence services - intelligence and counterintelligence. Some materials of these services are scattered in the archives of the Ministry of Foreign Affairs, the War Ministry, the National Archives and the archives of the Prefecture of the Paris Police, but the cases of the French intelligence agencies are still not accessible for researchers. Nowadays, a commission consisting of representatives of the French Academy of Intelligence (L'Académie du renseignement), the French school of intelligence under the patronage of the Prime Minister of France, has been created as a result of the reform, which aims to centralize and bring together different French intelligence services. Relevant government agencies and prominent French historians. The commission's goal is to develop solutions that will allow researchers to gain access to the archival materials of the French secret services, that are still closed. Hopefully, soon the issue of researchers' access to archival materials and documents of this category will radically change for the better.

In view of all the above, I suggest that the degree of openness and transparency in the French archives is largely in line with European standards, although the lack of access to the materials of the French special services does not allow this openness to be considered ideal and perfect.

⁵ Les archives de la Préfectures de Police - <https://www.prefecturedepolice.interieur.gouv.fr/Nous-connaître/Services-et-missions/Service-de-la-memoire-et-des-affaires-culturelles/Les-archives-de-la-prefecture-de-police>

KGB Records Accessibility and Publication in Latvia during Recent Years: Experience and Problems

Gints Zelmenis,

Researcher, National Archives of Latvia

At the turn of the 1980-1990s many Latvian SSR KGB files were transported to Russia. KGB documents that remained in Latvia after the collapse of the Soviet Union were distributed among several state institutions, including the Latvian State Archive, Centre for the Documentation of the Consequences of Totalitarianism (hereafter: Centre of Totalitarianism), and the structures of the Ministry of Interior. Public access to the KGB records preserved at the Centre for the Documentation of the Consequences of Totalitarianism was very restricted. This remained the case until 2018-2019.

In October 2018, Latvia's Saeima (Parliament) adopted Amendments to the Law On Retaining and Use of Documents of the Former Committee for State Security and Detection of the Fact of Collaboration with the KGB (hereafter: KGB Documents Law). These Amendments facilitated significant changes in maintenance and access to the KGB documents in Latvia.

First, those KGB records that were preserved at the Centre of Totalitarianism and some other state institutions, had to be relocated to the National Archives of Latvia. This process of relocation meant that KGB records would become more accessible for public researchers. The process took place in April 2019 and since May of that year there has been a special reading room at the National Archives of Latvia where researchers can inspect those documents.

The KGB Documents Law ensures free access to KGB documents regarding KGB staff, KGB agents and informers, as well as Communist party or state institution officials who had some ties with the KGB. However, access to any documents regarding "third party" persons and victims of repressions is restricted. According to this law, access to such documents is available for "scientific, historical and legal research, academic, artistic or literary expressions as well as for journalistic purposes".

Some other restrictions (which apply to all archival records in Latvia, not only KGB documents) are provided in Archives Law. These restrictions generally apply to personal data (such as health issues, sexual orientation, etc.). Restrictions on the access to personal data remain in force for 30 years after a person's death. If there is no information about the date of death, then restrictions on the access remain in force for 110 years after a person's birth. If there is no information on either person's birth or death date, then access to document is restricted for 75 years after the creation date of the document.

The second issue regulated by the KGB Documents Law is the publication of KGB documents. So, on 20 December 2018, the National Archives of Latvia launched the internet site kgb.arhivi.lv with the first online publication of Latvian SSR KGB agency card collections as well as some other documents. This site attracted enormous interest in Latvia and abroad as well. It was reported that on the first day after launching the site, approximately 54 000 users accessed it. By the beginning of January 2019, the number of visitors of this site increased to more than 200 000.

Since the beginning of 2019, the National Archives of Latvia has published several more KGB doc-

ument groups (Latvian SSR KGB agency registration journals, file on former Latvian army general Roberts Kļaviņš recruitment in 1939-1940 as a Soviet secret informer, documents on KGB leadership staff, files on combatants of the Post-war Exterminator battalions (Истребительные батальоны), etc.).

Increased access to the KGB documents and publication of these records, to some extent, has fulfilled the long-time demands of Latvian society to open the KGB documents in Latvia. At the same time, not all Latvian SSR KGB documents are stored at the National Archives of Latvia. Lots of them are still inaccessible for ordinary researchers as they are preserved at repositories in Russia.

Second Session: Legal Regulations and Practice of Access to Archival Documents

Legal Regulations on Access to Archives in the Russian Federation

We are not disclosing author's name upon his/her request

Introduction

During the years of Soviet power, millions of people had been subject to political repressions. In 1991, the Law of the Russian Federation (18.10.1991 N 1761-1) "On the rehabilitation of victims of political repression" was adopted (hereinafter, the Law "On the rehabilitation of victims of political repression"). The purpose of the law was "to rehabilitate all victims of political repressions, repressed on the territory of the Russian Federation from October 25 (November 7), 1917, restore their civil rights, eliminate other consequences of violence and provide adequate compensation for financial and moral damage" (preamble to the Law "On the rehabilitation of victims of political repression").

At any stage during the lengthy process of rehabilitation of a person, it may be necessary for him to familiarize himself with the materials related to his case. For example, such a need may arise: at the stage of preparation and submission of an application for rehabilitation - in order to prepare an informed statement after receiving a decision on the refusal of rehabilitation; in order to verify the validity of the refusal and possible further appeal after receiving a decision on rehabilitation. In general, access to the materials of criminal and administrative cases (both in relation to rehabilitated and non-rehabilitated persons) and obtaining copies of archival documents is of great importance for legitimate historical studies of the crimes of a totalitarian state.

If a person is recognized as a subject to rehabilitation, problems related to familiarization with archival documents about that rehabilitated person, his relatives (with the consent of the rehabilitated person or without his consent in case of death) or third parties acting as proxies, do not occur.

As for the other cases, when a person has not yet been recognized as subject to rehabilitation or has already been recognized as non-subject to rehabilitation, in the practice of law enforcement, the insurmountable difficulties (until recently) in familiarizing with the cases related to such categories of people have arisen.

It is important to exclude the following cases: 1) access of third parties (for example, researchers or public organizations) to archival documents related a specific person without a consent from this person (or his relatives) until 75-years period from the moment of creation of the archival document have passed; 2) When archival documents are not declassified. Such cases will not be discussed in this article, since they are s subject of separate studies.

This article will be devoted to the analysis of the problem when relatives and third parties (for example, researchers or public organizations) acting as proxies cannot access documents about per-

sons who have not been recognized as rehabilitated or a decision on rehabilitation has not yet been made. Moreover, the absurdity of the prevailing law enforcement practice would probably not have allowed the person himself, who had not been recognized as a subject to rehabilitation, to receive archival documents related to himself.

The first part of this article will be devoted to legal analysis and analysis of law enforcement practice; the second part will provide statistics showing the scale of the problem; the third part will include the analysis of the recent decision of the Supreme Court of the Russian Federation, which, perhaps, will be a turning point in the defective law enforcement practice.

I.

Articles 3 and 5 of the Law “On the Rehabilitation of Victims of Political Repression” define the categories of persons who are subject to rehabilitation. Applications for rehabilitation can be submitted by the repressed individuals themselves as well as by any person or public organization (Article 6). Depending on the category of the case, the application for rehabilitation is considered either by the bodies of internal affairs or the prosecution authorities (the latter, in the presence of certain circumstances, can send a criminal case to the court which either recognizes the person as a non-subject to rehabilitation or unreasonably repressed). The prosecution authorities also have the authority to check the cases of a specific category independently (Article 8). Based on the results of the examination of the application or the verification, a decision is made to rehabilitate or to refuse the rehabilitation of the person.

As it was indicated in the introduction, at any stage of the long process of rehabilitation of a person, it may be necessary for him to familiarize himself with the materials of the case against him.

If the person has been rehabilitated, then Article 11 of the Law “On the Rehabilitation of Victims of Political Repression” explicitly states that the rehabilitated persons, and with their consent or in the event of their death, his relatives have the right to familiarize themselves with the materials of terminated criminal and administrative cases and receive copies of documents. In this case, problems with familiarization, as a rule, do not arise (taking into account the peculiarities outlined in the introduction).

As for the remaining situations, when a person has not yet been recognized as a subject to rehabilitation or has already been recognized as a non-subject to rehabilitation, the law enforcer interprets the current legislation in such a way that it creates obstacles to familiarization with the materials related to such categories of persons. Let us try to limit ourselves to the most concise legal analysis of the current situation.

The state, by refusing citizens to familiarize themselves with the case materials related to those who have not yet been rehabilitated, refers to paragraph 5 of the regulation on the procedure for accessing materials stored in state archives and archives of state bodies of the Russian Federation, terminated criminal and administrative cases related to persons subjected to political repression, as well as filtered and verified cases (approved by the order of the Ministry of Culture of the Russian Federation N 375, Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation N 584, Federal Security Service of the Russian Federation N 352 of 07.25.2006). In accordance with this clause “on a citizens’ appeals regarding access to criminal and administrative files with negative decisions on the rehabilitation of persons passing through them, archives issue certificates on the results of the review”. Guided by this

paragraph, the state issues only a certificate stating that the person was not rehabilitated and refuses to familiarize itself with the case materials.

Besides, based on a systematic interpretation of article 2 and paragraph 1 of article 5 of this Regulation, it does not regulate legal relations related to the access to materials of cases related to the persons who have not been rehabilitated. In this case, the general provisions on the access to archival documents should apply.

In accordance with the Paragraph 1 of Article 24 of the Federal Law of 22.10.2004 N 125 "On Archival Affairs in the Russian Federation", the user of archival documents has the right to freely search and receive archival documents for studies. Restrictions on access to archival documents can be imposed only in the cases specified in the paragraphs 2 and 3 of Article 25 of this federal law, namely: the presence of state secrets and other secrets protected by the law, as well as the presence of information about the citizen's personal and family secrets, privacy and information which arises a threat to his security.

Besides, even these prohibitions are not absolute. For example, the time period for the classification of information constituting state secrets should not exceed 30 years (Article 13 of the Law of the Russian Federation of July 21, 1993 No. 5485-1 "On State Secrets"). The restriction on access to archival documents containing information about the citizen's personal and family secrets, his private life, as well as information that imposes a threat to his safety, is set for a period of 75 years from the date of the creation of these documents.

Thus, to simplify, documents created before 1945 should already be issued without any obstacles. Now we are not considering the cases where documents have not yet been declassified or the deadline for classifying information was extended based on the decision of the Commission for the Protection of State Secrets, since this is a topic for a separate study.

Более того, как указывал Конституционный Суд РФ, ограничения конституционных прав (а право на доступ к информации является конституционным правом в соответствии с ч. 4 ст. 29 Конституции РФ)

Moreover, as the Constitutional Court of the Russian Federation has indicated:

"Restriction of the constitutional rights and, consequently, the freedom of the press shall be necessary and proportionate to the constitutionally recognized aims of these restrictions. When constitutional norms permit the legislator to restrict the rights provided by them, the legislator may not regulate in a way which encroaches upon the very essence of a certain right and deprive it of its real content. The state restricting certain rights in the name of the constitutionally permissible aims must ensure a balance of constitutionally protected values and interests by means which are not excessive but necessary and strictly preconditioned by these aims. The public interests indicated in Article 55 (Section 3) of the Constitution of the Russian Federation may justify legal restrictions of the rights and freedoms only if these restrictions meet the requirements of fairness, are adequate, proportionate, and commensurate are necessary to protect the constitutionally significant aims, including the rights and lawful interests of others. The restrictions may not have retroactive effect and may not encroach upon the very essence of the constitutional right, i.e. shall not restrict the scope and application of the core contents of the respective constitutional norms."

However, archives, authorities and courts refuse access to case files related to those who have not been rehabilitated, misinterpreting and referring exclusively to the paragraph 5 of the regulation already mentioned-above.

What a standard refusal looks like:

На Ваше заявление разъясняю, что на основании ст.11 Закона Российской Федерации от 18.10.1991 «О реабилитации жертв политических репрессий» право на ознакомление с материалами прекращенных уголовных и административных дел и получение копий документов имеют реабилитированные лица, а с их согласия или в случае их смерти – родственники.

В связи с тем, что [REDACTED] был осужден за общеуголовное преступление и постановлением [REDACTED] признан не подлежащим реабилитации, ознакомить Вас с материалами дела не представляется возможным.

Thus, as we see, the state does not provide any reasonable justification for the refusal, no explanation why such a serious interference with a person's right to access documents is necessary, do not indicate socially significant goals for which it refuses to provide an opportunity to get acquainted with archival files. Also, the rationality of such a refusal and the possibility of finding a fair balance between the right to information and socially significant goals have not been investigated.

It should be noted that the requested information is of great importance for the history of the family or for historians and researchers who study political repressions. Without the possibility of access to documents related to those who have not been rehabilitated, neither relatives nor other interested parties know anything about this person, as if he did not exist.

В нашей практике и в практике наших коллег огромное количество таких дел. Ни в одном из них (до июля 2019 года) нам не удалось добиться доступа к материалам дел в отношении тех лиц, которые не были реабилитированы.

In our and our colleagues' practice, there is a huge number of such cases. We did not succeed in any of them (until July 2019) in gaining access to cases related to those who have not been rehabilitated.

II.

Based on the responded from the organs of Internal Affairs and Prosecution:

- From the moment the Law on Rehabilitation of Victims of Political Repression entered into force until June 2019, the military prosecutor's office rehabilitated 124,499 people, and refused to rehabilitate 176,760 citizens. According to the conclusions of military prosecutors, the courts found 16,819 people not subject to rehabilitation.
- За период действия Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» по 01 января 2019 года Генеральной прокуратурой РФ и прокурорами субъектов РФ реабилитировано 652 171 лицо. **Признано не подлежащими реабилитации 103 838 лиц.** Из них судами по заключениям прокуроров – 912 лиц.
- During the validity period of the Law on the Rehabilitation of Victims of Political Repressions until January 1, 2019, the General Prosecutor's Office of the Russian Federation and prosecutors of

constituent entities of the Russian Federation rehabilitated 652,171 people. 103 838 persons were recognized as non-subjects to rehabilitation.

- Between 1988-1991, following the protests of prosecutors against the sentences and decisions of the extra-judicial bodies, performing judicial functions, 105,890 convicted persons were rehabilitated by the courts.
- Prosecutors dismissed criminal cases against 8,203 persons.
- Based on the results of the consideration of the prosecutors' protests, 6,849 people were rehabilitated who had been administratively sent to exile, deportation, or special settlement.
- Following the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 01.16.1989 No. 10036-XI "On Additional Measures to Restore Justice in Relation to Victims of Repressions during the Periods of the 30-40s and the Beginning of the 50s" and Decree of the President of the USSR of 13.08.1990 No. 556 "On the restoration of the rights of all victims of political repressions of the 20-50s", prosecutors rehabilitated 961,666 people.
- Between 1992 and 2018, the Internal Affairs bodies issued 2796697 certificates on the rehabilitation of persons repressed for political reasons and refused to issue rehabilitation certificates to 824344 people.

Thus, we cannot familiarize ourselves with the case files against hundreds of thousands of people who have not been rehabilitated. Moreover, do not forget that such an interpretation of the current legislation by the executives does not allow us to get access to the materials related to those whose status is still contended.

Situation reaches the point of absurdity. For example, a researcher from St. Petersburg, with the support of lawyers, got the FSB of Russia to declassify the criminal case against Admiral Alexander Kolchak. However, researchers will not be able to get access to his case since Kolchak has not been rehabilitated (by the decision of the Trans-Baikal District Military Court in 1999). Without the possibility to access his case materials, it is impossible to challenge the refusal on his rehabilitation⁶.

III.

As a result, in July 2019, it was possible to achieve the first victory in the Supreme Court of the Russian Federation. It is difficult to explain the motives of such a decision of the Supreme Court of the Russian Federation, but the court, clearly, took the side of the citizens and researchers. The court ordered the person to familiarize himself with the materials of the criminal case of his non-rehabilitated grandfather⁷. This was a huge victory and, hopefully, created a positive precedent, which can be relied upon in the future. As a result, the applicant was able to familiarize himself with the materials of the criminal case against his grandfather.

At the same time, lawyers were working on another case, which concerned the rehabilitation of a person who was shot by decision of the special NKVD Troika on November 24, 1937⁸. While discussing the case in court, lawyers had the opportunity to familiarize themselves with the case materials. The

⁶ for more details, see <https://www.kommersant.ru/doc/3917226>

⁷ for more details - <https://meduza.io/>

⁸ for more details, see <https://www.kommersant.ru/doc/3619291>

court decided to refuse rehabilitation. Lawyers began to prepare a complaint regarding the refusal of rehabilitation for the Supreme Court of the Russian Federation. In order to prepare a complaint, it is necessary to have access to the case materials, including the minutes of the meetings. However, because the person had not been rehabilitated, the Information Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia in St. Petersburg denied access to materials with which lawyers had already been partially familiar. The information center issued the refusal until the decision of the Supreme Court of the Russian Federation. After the decision of the Supreme Court of the Russian Federation, the lawyers filed an administrative lawsuit in the court and won the case⁹.

Conclusion

After the decision of the Supreme Court of the Russian Federation in July 2019, we see that the subordinate law enforcement agencies rely on it. However, it seems that it is too early to draw conclusions. We can say that the decision of the Supreme Court of the Russian Federation (despite the fact that in the Russian Federation a precedent does not officially influence the law) has its own weight and influences subordinate entities. Let us hope that the decision of the Supreme Court of the Russian Federation has once and for all changed the defective practice, when neither relatives nor researchers could gain access to the case files related to those persons who had not been rehabilitated.

⁹ for more details, see <https://www.kommersant.ru/doc/4103340>

Access to Archival Documents in Georgia

Nino Merebashvili-Fisher,
*Senior Lawyer, Institute for Development of
Freedom of Information (IDFI)*

Introduction

Free access to historical information kept at the archival funds is crucial for every society and particularly for those who have overcome the bitter experience of totalitarian regimes. The same is true for Georgia. In the aftermath of the collapse of the Soviet Union, Georgia regained its independence and started to move towards establishing democratic governance, the cornerstone of which is respect for basic human rights and freedoms, including freedom of expression and the right to access information. In its milestone decision on the case of *Kenedi v. Hungary*, the European Court of Human Rights declared that ensuring access to original documentary sources for legitimate historical research was crucial for the effective exercise of the freedom of expression.

Those who study the past of the South Soviet Union, its diplomatic relations, politics in the region of Caucasus and other similar directions will find documents of high scientific and research value at LEPL National Archives of Georgia (National Archive). However, legislation and practice of accessing archival documents in Georgia are highly restrictive. Georgia still stands considerably behind in regards to access to historical archives, especially when compared to other Eastern European states.

Institute for Development of Freedom of Information (IDFI) is a non-governmental organization with over 10 years of experience in the field of good governance, inter-alia freedom of expression. The openness of state archives has been the cornerstone of IDFI's work since its establishment in 2009.

The given article aims at discussing existing practical and legislative problems regarding access to archival documents in Georgia. It will get readers acquainted with the solutions to tackling the problems and will inform them about the activities of IDFI aimed at achieving positive changes.

Challenges

In Georgia, most of the historical archives going beyond the files of the Soviet Union's past are kept at the National Archive. Special emphasis should be made on the documents of XIX-XX centuries, during the period of which Tbilisi was a military and administrative center of South Caucasus. However, scholars and researchers face a number of difficulties to access historical documents.

- **Highly restrictive regulations to access historical documents containing personal data**

Based on existing legislation access to archival documents containing personal data is refused, unless the period of 75 years has passed since their creation or if the subject of the personal data has descended more than 30 years ago. In the latter case, a death certificate has to be submitted by an applicant to the National Archives of Georgia. This leads to unreasonable difficulties, especially in cases when an applicant has to get acquainted with hundreds of documents containing personal data. Applicants have in practice faced this problem, when they were directed by the National Archives of Georgia to submit death certificates of hundreds of persons in order to be granted access to historical documents. As a result, a vast selection of documents describing pivotal historical events/periods

taking place after 1944 are not accessible in Georgia.¹⁰

- Highly restrictive regulations to access historical documents containing state secrecy

Based on the law of Georgia on State Secrets depending on the level of secrecy documents can be declassified in 3, 5, 10 or 20 years after their creation. However, the law envisages that under well-substantiated research or scientific need an applicant can be granted access to view documents of state secrecy before their declassification. According to the Law of Georgia on National Archives and National Archival Funds access to archival documents containing state secrecy can only be granted after the documents are declassified. The law does not envisage any exceptions from the rule. Thus National Archive refuses to grant access to such documents even in cases when an applicant has well-substantiated research or scientific need to view the documents.

- Ban on photocopying archival documents

According to existing regulations, those applicants who have been granted access to historical documents are forbidden to make their photocopies, including taking pictures of the documents which are digitalized and are viewed by the visitors on the monitor screens. This creates unnecessary bureaucracy when an applicant who is viewing a document has to submit a request on receiving a photocopy, pay a fee and wait before receiving copies of the documents. At the same time fees received from the service are insignificant compared to the overall budget of the National Archive.¹¹ Eliminating fees on photocopying documents would not have any notable negative effect on income generation of the public institution, it will decrease the level of bureaucracy and spare time and resources of the public officials working at the National Archive.

- Unreasonably long time frames for granting access to archival documents

Existing regulations set unreasonably long timeframes for granting applicants access to archival documents. According to existing legislation, the National Archive is given a period of 5 working days to decide whether to grant or deny access to a requested document, after which the entity has additional 4 working days to prepare the document and grant access to it. Thus applicants have to wait for almost two weeks before they are granted the right to view the documents of their interest.

Solutions

In order to tackle the problems described above IDFI conducts activities in a number of directions. IDFI runs an interactive ranking of archival openness from post-Soviet countries on the website Open-Archives.org. By comparing archival legislation of Georgia to the ones in, IDFI offers solutions to tackling them based on the international experience.

¹⁰ Final years of WW2, events of March 5th-9th, 1956 and April 14th, 1978, cases of Merab Kostava, Zviad Gamsakhurdia and other decedents of the National Movement, events of April 9th, 1989 and regaining of independence by Georgia, numerous atrocities committed by the Soviet Union against its citizens: capturing, forceful allocation to psychological hospitals, trials, execution, etc.

¹¹ National Archives of Georgia only generates income of ca. 20,000 – 30,000 Gel annually for the service, the figures are even lower in case of other archives.

	RATING					
	COUNTRY		ARCHIVE			
	Σ Total Score	Archival Laws	Other Laws	Archival Service	Website	Reading Room
Lithuania	86.36 %	89.93 %	87.5 %	79.78 %	82.5 %	82.75 %
Latvia	83.23 %	97.22 %	91.75 %	81.33 %	72.88 %	78.25 %
Ukraine	80.66 %	93.06 %	90.625 %	88.65 %	69.28 %	78.625 %
Bulgaria	80.04 %	86.805 %	78.645 %	78.705 %	81.715 %	73.52 %
Czech Republic	78.95 %	88.195 %	81.9 %	77.94 %	88.215 %	72.52 %
Poland	77.84 %	92.18 %	91.75 %	83.91 %	47.5 %	72.81 %
Hungary	75.65 %	88.61 %	76.04 %	58.925 %	60 %	68 %
Moldova	72.4 %	89.24 %	82.22 %	92.84 %	55.7	69.975 %
Romania	70.63 %	88.235 %	66.145 %	62.5 %	74.665 %	59.825 %
Kazakhstan	64.84 %	78.47 %	58.855 %	62.86 %	39.655	56.375 %
Russia	57.46 %	74.98 %	66.67 %	60.71 %	33.98	65.75 %
Armenia	55.12 %	69.865 %	62.855 %	81.555 %	32.5 %	44.375 %
Kyrgyzstan	41.62 %	64.21 %	37.5 %	44.57 %	22.5	20.5
Belarus	39.25 %	64.315 %	5	56.58 %	31.07	25.62

The website – Open-archives.org. 06.03.2020.

IDFI conducts strategic litigation against the National Archive. Recently, the court granted the appeal of IDFI, stressed the importance of accessing historical documents and directed the National Archive to disclose public information requested by IDFI.

Conducting strategic litigation is manifestly important for ensuring access to archival documents, however, this does not necessarily address existing systematic and legislative loopholes. Thus IDFI calls on for positive changes through submitting legislative proposals and advocating for adding relevant commitment to the Open Government Partnership (OGP) action plans.

Conclusion

The work of IDFI has already made significant positive changes of accessing archival documents in Georgia. As a result of IDFI’s advocacy, the commitment of digitalization of archival funds and creation of e-Archive system was included in the Open Government Action Plan of Georgia 2014-2016. The system of e-Archive was launched in 2016. However, access to archival funds in Georgia is still highly limited, violating the right to access information and limiting freedom of expression. IDFI will continue to work towards establishing a just, open and transparent system of accessing historical national archives, thus making tangible positive changes in the process of developing open governance in Georgia.

Third Session: Challenges to the Access to State Security Archives

Rehabilitation of Stalinism and Access to Archives in the Republic of Belarus

Dmitriy Drozd,

Researcher of the Belarusian Documental Center

In the methodology developed by the Institute for the Development of Freedom of Information (IDFI) and researchers from 10 post-Soviet countries for assessing access to the former KGB archives, two sections are allocated for the analysis of archival legislation. Of course, the law is the foundation of the state. However, this can only be the case is only when the state itself is lawful, and Belarus, unfortunately, is not. It can be recalled that the best, fair and free (as it had been written in the Soviet press) constitution was adopted by Stalin just before the beginning of the Great Terror.

In Belarus, the interpretation of the law primarily depends on the state ideology, which is determined by one person. Messages, speeches, interviews, press conferences, meetings, trips of Alexander Lukashenko carry much more significance than any law. Meanwhile, his worldview has originally been completely Soviet. Over the years, confident in the inviolability of his power and his personal impunity, he began citing Comrade Stalin as an example more often.

Therefore, at one of the meetings, he recommended introducing “Stalinist methods of leadership” into production.

In 2019, during the holiday of free labor, Lenin Subbotnik, which has been preserved only in Belarus, Lukashenko visited the museum near Minsk, which is called the “Stalin Line”. In his interview, he said that by creating this museum, he had not revived Stalin’s name, even though he deserves it.

All this coincided with the attacks on one of the most famous monuments of the victims of Stalinist repressions in the post-Soviet space - the place of mass shootings near Minsk - Kurapaty. This holy place for all the descendants of the repressed was a subject to repeated attacks by vandals, whom the Belarusian police and the KGB were unable to find. During these attacks, six-pointed stars were painted on the recently erected monument, the Clinton chair was destroyed (it was preserved in memory of the visit of the American president to Kurapaty), and the crosses were pulverized.

ИСТОРИИ ПРАВДА.RU

19 АВГ 2017 В 19:55

Лукашенко призвал к управлению по-сталински

МНР

9 КОММЕНТАРИИ
 3 ПОДЕЛИТЬСЯ

Президент Белоруссии Александр Лукашенко заявил, что в стране необходимо повысить эффективность льноводческой отрасли. Он акцентировал внимание на необходимости выработать чёткую систему подготовки кадров в льноводческой отрасли и контроля за качеством работ на всех этапах, сообщает БЕЛТА.

"Ты должен управлять сталинскими методами. Сназал — сделали", — отметил Александр Лукашенко, обращаясь к директору Института льна НАН Белоруссии Ивану Голубу.

Ранее "Правда.Ру" сообщала, что Лукашенко рассказал, как следует поступать с безработными. Нельзя создавать в стране класс безработных, людей необходимо приучать к труду. В этом уверен президент Белоруссии Александр Лукашенко.

"Если мы их не станем вовлекать в общественно полезный труд, как раньше говорили, значит, мы будем создавать этот класс, и он будет увеличиваться. Нам

A. G. Lukashenko at a cleanup on the "Stalin Line"

Kurapaty official memorial

Vandalism in Kurapaty

However, all this fades before the scale of state vandalism, when dozens of crosses erected by public activists at their own expense were demolished during the daytime using construction equipment. Images of this sacrilege have spread around the world. During the 25 years of his rule, Lukashenko has never been to Kurapaty and has never honored the memory of victims of repression.

В Куропатах снесли кресты, несколько активистов задержано 770

опубликовано: 4 апреля 2019 в 09:54

обновлено: 4 апреля 2019 в 16:20

Елена Толкачева / Фото: Евгений Ерчак / TUT.BY

В Куропатах снесли кресты, которые Дмитрий Дашкевич установил летом вместе с другими активистами вдоль кромки леса, передает корреспондент TUT.BY. На подъезде к Куропатам задержали Павла Северинца, а позже и Дмитрия Дашкевича, и Нину Багинскую. Всего сегодня в Куропатах задержано 15 человек.

Фото: Елена Толкачева, TUT.BY

State vandalism in Kurapaty

But, in fact, what is happening in Kurapaty is just a visible effect of what is happening in Belarus with the revival of Stalinism and the justification of his crimes. Often this happens completely unnoticed, such as the less and less mention of communist crimes in school history textbooks. One of them said that also innocent people suffered during the repressions which means that basically, the repressions were mostly correct, deserved and even useful for the country's defense before the impending war.

As for the execution of Polish war prisoners at the highest level by Russia, it is said: "... There have been numerous investigations, but even now, due to the lack of necessary documentary materials and living witnesses of this tragedy, it is not precisely established which country is responsible for the execution of Polish officers. Some historical studies claim that "this crime was carried out by the NKVD by the decision of the Politburo of the Central Committee of the CPSU (b)." To this day, the

above-mentioned version has no documentary evidence.” («История Беларуси, XIX – начало XXI в. : учеб. пособие для 11-го кл...» Минск : изд. центр БГУ, 2009)».

At the same time, attacks continue both on the topic of repressions in general and on individual researchers, covering this topic in the main state newspaper *Sovetskaya Belorussiya*. A book has been published in thousand copies, which allegedly proves that there were no mass Stalin executions in Kurapaty, and the victims of the Holocaust are laid there. “Kurapaty is a geopolitical weapon that has no analogues in the world history, which gave a successful salvo in the USSR three decades ago ... These hills are saturated with the idea of fighting the Soviet past and boundless, fierce hatred of Russia ...” - the author claims. The book is made in the spirit of information warfare, and, in fact, is a scientific fake.

This version, which contradicts even the official position, is promoted by the Communists. On Soviet holidays, they lay flowers at the monuments of the ideologists of the Bolshevik terror, which still remain in the cities of Belarus (even two monuments of Stalin). On May 9, demonstrations similar to the Russian “Immortal Regiment” were held in some cities of Belarus, at which Stalin’s fans openly carried portraits of the man whose agreement with Hitler caused the Second World War. In addition, Belarus is fully located in the Russian information space, where the cult of Stalin and the Soviet system in general is gradually occupying more and more place.

Of course, in such ideological conditions dictated from the very top of the power hierarchy in Belarus, it is difficult to expect favorable changes in the access to the archives of the Soviet special services. According to the methodology developed by IDFI, Belarus is among the three worst countries among the former Soviet republics. Although the National Archives of the Republic of Belarus deals with it job not badly, the KGB Central Archive is still inaccessible to researchers. Only the descendants of the repressed can, with the proof of kinship, partially see the case of their relatives. Proving their kinship is often impossible for these people today as most of them were born back in the 19th century.

Although the Law On Archival Work in the Republic of Belarus unequivocally states that “The restriction of access to archival documents containing information related to personal secrets of citizens is set for a period of 75 years from the day of the creation of such documents”, employees of special service archives, based on some comment, do not calculate the term of restriction from the date the document was created, or even from the filing of the criminal case in the archive, but from the year of rehabilitation, which extends the restriction of access to cases of the rehabilitated until 2035-2065. As for the terms for transferring cases from departmental to state archives, which, by law, is defined as 30 years, on the basis of new agreements, these terms have been extended for the archives of the KGB and the Ministry of Internal Affairs for another 75 years. Which practically means that the Belarusian government is not planning to transfer them until 2081 and 2084, respectively.

Therefore, the funds of the KGB and the Ministry of Internal Affairs will be transferred to the state archives neither during our lifetimes, nor during the lives of our children and grandchildren. When this finally happens, we will be able to see the “personal secrets” of real criminals: killers, rapists or policemen participating in the mass crimes against the civilian population - all those who committed real crimes and were not rehabilitated, and only after that, we will be able to see the cases of those who were innocently killed by the Stalin regime! However, we can’t as we will not survive until that time.

Secrecy of the Soviet Archives as an Instrument for Forming the New History

Eldar Zeynalov,

*Journalist, Director of the Human Rights
Center, Azerbaijan*

After the restoration of independence of Azerbaijan, the historians of the republic faced the task of reconstructing national history, including the Soviet period, a time for which our understanding remains highly blurred and subject to politicised falsification. This work has not yet been completed, but some alarming trends have already emerged. One such troubling trend is emphasis on the achievements of the short-lived First Republic to the exclusion of other events from around the same time, thereby reducing the events of the First World War and the civil war in Azerbaijan to ethnic conflicts; other such trends include attempts to revise the role of the communist underground and Turkey in the “Sovietization” of Azerbaijan, simplification of political events of the 1920-1930s as the conflict of interests within the ruling elite, personalization and “ethnization” of the repressions of the 1930s, and suppression of the role of Azerbaijani emigration in pro-Nazi collaboration.

Historians in Azerbaijan, in a similar fashion to (though on a smaller scale than) scholars in Russia, have a tendency to rehabilitate authoritarian tendencies (the cult of the “effective manager”) in the politics of the Soviet period in the 1930s and 1940s. Although this period of history is viewed from a new perspective as unambiguously negative, the events after 1996, when the future president Heydar Aliyev came to power in the republic, are generally evaluated positively.

Against the background of various radical movements of modern times, the topic of armed resistance to the communist regime, including the rebel movement of the 1920s and 30s, which had a religious connotation, is also unpopular among historians. Gradually, the myth, originating in the Soviet times, that this resistance was legitimized by the Chekists and, if it existed in reality, it was not massive and lengthy, is activated. The Rehabilitation Act of 1996 deprives participants of the armed struggle against Soviet power of the status of victims of repression.

Improving access to previously closed state and party archives would be invaluable in helping historians, journalists and public activists to challenge the falsification of information and the manipulation of public opinion for creating the new historical myths. In this regard, it is necessary to mention the active and targeted lawmaking procedures in 2004-2009 in the field of archives, protection of state and personal secrets and the protection of operational research and counter-intelligence activities, in which Azerbaijan actively uses the experience of the Russian Federation. Following Russia, archival documents in Azerbaijan are classified for 75 years, and this period can be extended. Some archives do not make documents publicly accessible even after the expiration of the secrecy period (this applies, in particular, to archival documents of the former special services). Access to the unclassified part of the archives is restricted not only for foreigners, but also for local researchers. The book of remembrance of the victims of political repressions has not been published, the places of their mass graves have not been identified (although, at the same time, the remains of one of the main organizers of the Great Terror in Azerbaijan, M.D. Bagirov have been discovered, identified and reburied).

All this raises questions about the need to improve the culture of using national archives, including digitalization and remote use of archival documents. It is also necessary to increase access to archives for researchers and enhance the exchange of information and opinions on controversial topics in the collective history.

Fourth Session: The Role of Archives in Memory Studies

Politics of History and Memory about the Past of the Russian Federation

Ian Rachinsky,

*Head of the Board of the International Memorial,
Russian Federation*

If one looks at how people in Russia engage with the past, one might get the impression that endless pluralism reigns. In the capital, there simultaneously coexist Andropov and Academician Sakharov avenues, and Solzhenitsyn and Menzhinsky streets; the remains of white generals Denikin and Kappel are reburied in the Donskoy Monastery accompanied by the anthem of the Soviet Union while the mausoleum and burial places of Stalin, Vyshinsky, Zhdanov and other executioners remain on Red Square; monuments of Kolchak and Stalin are regularly re-erected in the country; and Dzerzhinsky and the new martyrs are being revered.

The authorities do not interfere with the celebration of odious figures and explain this with a sly argument - all this was in our history and we can't delete anything.

Upon closer examination, all this informational chaos and eclecticism reveals certain patterns, often repeated theses, which ultimately come down to the sacralization of the state and the justification of any of its actions - this applies to the current Russian Federation, the Soviet Union, and the Russian Empire.

When discussing some of the less savoury pages of Russian history, Pro-Kremlin historians and political scientists usually say that all states acted in the same way, that dictatorships of the Stalin type were in all European countries in the 1930s, that the Molotov-Ribbentrop Pact was no different from the other non-aggression pacts, all troubles came from the Munich agreement, and the crimes of Ivan the Terrible are nothing compared to the St. Barthelmew's Day massacre, and so on.

Another way to justify the past mistakes and crimes is by saying that they were committed by specific people, not the state. For example, the individuals allegedly out of the control of KGB, whom the state then, arguably, punished, are blamed for the repressions. Soviet propaganda clichés are often reproduced – it is said that collectivization was a cruel measure, but “it allowed industrialization to be carried out and the war to be won.”

On a number of issues, we see a return to the positions of the Soviet propaganda - for example, the invasion of Poland in 1939 is still called the “liberation campaign”. The same can be said about the invasion of Hungary in 1956 and Czechoslovakia in 1968 (a bill was introduced in the State Duma on the recognition of the participants of the invasion as war veterans).

However, current Russian government officials go much further than their predecessors.

For instance, there have never been monuments of Ivan the Terrible in Russia - neither before 1917,

nor after. On the monument to the 1000th anniversary of Russia, erected in 1862 in Veliky Novgorod, there is no image of Ivan the Terrible; and Stalin, who was sympathetic to Grozny, did not erect his monument. In 2016, the monument to Grozny appeared in Orel, a year later - in Moscow, in 2019 also in Alexandrov.

Another example is the already mentioned Ribbentrop-Molotov Pact. The Soviet government also liked to repeat that it was a common non-aggression pact, while the existence of a secret protocol was vehemently denied. The Communists understood the extent to which this protocol was unseemly (to put it mildly). During the years of perestroika, the alliance of Stalin with Hitler was condemned. This year, on the 80th anniversary of the pact, Russian officials repeatedly stated that the pact and the secret protocol were legitimate, and in the opinion of the Minister of Culture Medinsky, it even became a diplomatic triumph of the USSR.

This is by no means an accident. The victory of the people in the Great Patriotic War was appropriated by the state and nothing should destroy the glory of holiness in the "state that defeated fascism." The authorities want to ensure the consolidation of the population around the glorious past and mobilization against the mythical external enemy.

The state is above all - this is the main content of the historical policy of the Kremlin, which today has taken or at least is trying to take the place of communist ideology. Loyalty today is checked by the views on history.

The ideas about the special role and special path of the Russian state - that the Russian state (the Russian Empire, the Soviet Union and the Russian Federation) have always fought for peace, and if they used violence, were only encouraged or forced to do so, because there have always been enemies - are actively enhanced.

The resolution of the European Parliament of September 19, 2019, in which the Ribbentrop-Molotov Pact is called the cause of the Second World War, destroys propaganda efforts to create a sentimental image of a peace-loving and infallible state.

The acute reaction of the officials from the Russian Federation is not difficult to understand.

The recognition of the state as a criminal is unacceptable for the current authorities - it does not matter that we are talking about the defunct Soviet Union, which deserves such an assessment. The recognition of the head of the state as a criminal is also unacceptable - for this, monuments of Stalin and Ivan the Terrible may be erected in the country.

Therefore, history today is very closely intertwined with politics.

Formally, censorship does not exist, but many separate facts add up to a slightly different picture.

So, for publishing the documents proving that the story of 28 Panfilovs heroically killed during the defense of Moscow is a myth and contradicts real facts, the director of the State Archive of the Russian Federation was dismissed from his post.

A blogger who reproduced someone else's article with the obvious assertion that Hitler and Stalin unleashed World War II, was sentenced to a heavy fine and even the Supreme Court could not appeal this sentence.

Another example - the historian Kirill Alexandrov defended his doctoral dissertation on the officer corps of the Vlasov army. However, after the "examination" in which the state security general, Aleksandrov participated, he was stripped of his doctorate. This was primarily due to the author's position, which diverges from established propaganda stereotypes.

For the same reason, Aleksandrov's quite objective article "Bandera and Banderovtsy - who they really were" published in *Novaya Gazeta* was included in the list of extremist materials. This is far from the only case of using accusations of extremism as an instrument of historical politics and censorship. For example, in Russia, the book of Yuri Shapoval with co-authors "KGB - GPU - NKVD in Ukraine: individuals, facts, documents" and a collection of articles by Polish publicist Jan Novak-Jezeransky "Eastern Thoughts" are banned.

All this destroys the memory of the past, and so 70 years of total Soviet propaganda have done their job. By the beginning of perestroika, people who remembered the pre-Soviet era were already at a very old age and could not actively participate in the public life. There could be no direct transfer of pre-revolutionary life experience and this significantly distinguishes the Russian situation not only from the countries of Eastern Europe and the Baltic states, but even from Ukraine, the western regions of which were annexed by the USSR only in 1939.

Clear legal assessments of the Soviet regime have never been officially formulated and they are also absent from the school textbooks; school textbooks do not contain any intelligible description of the crimes committed by the communist government.

It would seem that there are no special grounds for optimism.

However, the memory of the society is still different from what propaganda is trying to introduce. This is partly due to the obsession and primitiveness of propaganda - it gave rise to jokes and anecdotes even in the Soviet times, when sources of free information were difficult to access. Today, doubts and resistance arise much faster. The existence of the Internet and the openness of borders are natural opponents of any sort of propaganda.

But the main thing that opposes the efforts of propaganda is the memory of terror.

This manifests itself in different ways. For example, the public (except for some loyal organizations) usually does not support the installation of monuments of the murderers (Stalin, Dzerzhinsky, Grozny) and the authorities often participate in these actions. The exact opposite picture is with the monuments of the victims of the state terror. As a rule, their installation is requested by the public, and the authorities not only are not initiators, but often hinder such initiatives either explicitly or covertly.

Another example is the project "Last Address", which began in Russia and is currently operating in the Czech Republic, Georgia, Germany, Ukraine, Republic of Moldova... Small memorial desks preserving the memory of people killed by the state, in most cases, are not set by the relatives, but just by the people who are not indifferent toward these issues.

Family memory also gradually comes to life. Under the Soviet regime, it was not safe to remember repressed relatives and keep family archives. But remembering the history of the kinship is a natural desire of man, and today, more and more people are looking for information about their ancestors. Alas, in many cases the fate of these ancestors is tragic, and grandchildren and great-grandchildren of the repressed come to us more often with questions.

Having learned the truth, they rethink a lot. Or, in any case, they approach the information on TV more critically. It is rather difficult to combine the memory of the executed ancestors with the justification of the state that has shot them.

The unit of history is not a state, but a person. And therefore, in the long term, family memory will be stronger than propaganda.

Secrecy of the Soviet Archives as an Instrument for Forming the New History

Eldar Zeynalov,
*Journalist, Director of the Human Rights
Center, Azerbaijan*

After the restoration of independence of Azerbaijan, the historians of the republic faced the task of reconstructing national history, including the Soviet period, a time for which our understanding remains highly blurred and subject to politicised falsification. This work has not yet been completed, but some alarming trends have already emerged. One such troubling trend is emphasis on the achievements of the short-lived First Republic to the exclusion of other events from around the same time, thereby reducing the events of the First World War and the civil war in Azerbaijan to ethnic conflicts; other such trends include attempts to revise the role of the communist underground and Turkey in the “Sovietization” of Azerbaijan, simplification of political events of the 1920-1930s as the conflict of interests within the ruling elite, personalization and “ethnization” of the repressions of the 1930s, and suppression of the role of Azerbaijani emigration in pro-Nazi collaboration.

Historians in Azerbaijan, in a similar fashion to (though on a smaller scale than) scholars in Russia, have a tendency to rehabilitate authoritarian tendencies (the cult of the “effective manager”) in the politics of the Soviet period in the 1930s and 1940s. Although this period of history is viewed from a new perspective as unambiguously negative, the events after 1996, when the future president Heydar Aliyev came to power in the republic, are generally evaluated positively.

Against the background of various radical movements of modern times, the topic of armed resistance to the communist regime, including the rebel movement of the 1920s and 30s, which had a religious connotation, is also unpopular among historians. Gradually, the myth, originating in the Soviet times, that this resistance was legitimized by the Chekists and, if it existed in reality, it was not massive and lengthy, is activated. The Rehabilitation Act of 1996 deprives participants of the armed struggle against Soviet power of the status of victims of repression.

Improving access to previously closed state and party archives would be invaluable in helping historians, journalists and public activists to challenge the falsification of information and the manipulation of public opinion for creating the new historical myths. In this regard, it is necessary to mention the active and targeted lawmaking procedures in 2004-2009 in the field of archives, protection of state and personal secrets and the protection of operational research and counter-intelligence activities, in which Azerbaijan actively uses the experience of the Russian Federation. Following Russia, archival documents in Azerbaijan are classified for 75 years, and this period can be extended. Some archives do not make documents publicly accessible even after the expiration of the secrecy period (this applies, in particular, to archival documents of the former special services). Access to the unclassified part of the archives is restricted not only for foreigners, but also for local researchers. The book of remembrance of the victims of political repressions has not been published, the places of their mass graves have not been identified (although, at the same time, the remains of one of the main organizers of the Great Terror in Azerbaijan, M.D. Bagirov have been discovered, identified and reburied).

All this raises questions about the need to improve the culture of using national archives, including digitalization and remote use of archival documents. It is also necessary to increase access to archives for researchers and enhance the exchange of information and opinions on controversial topics in the collective history.

Role of the IPN Archive in the process of verification of “totalitarian memory”. Results – threats – mission

Stanisław Koller,

*Department of Archival Research and Source Edition,
National Remembrance Institute, Poland*

The Institute of National Remembrance was established on January 19th 1999 to preserve the memory of the enormous number of victims, losses and damages suffered by the Polish Nation during and after World War II. Recognizing that any unlawful actions of the state against citizens cannot be protected by secrecy or be forgotten, it is also necessary to prosecute crimes against peace, humanity and war crimes and to rehabilitate all victims of human rights violations.

The Institute is managed by the President of the Institute of National Remembrance elected by the Sejm of the Republic of Poland, who has a full independence in managing the Institute. It is only required to submit an annual report to the Marshal of the Sejm.

The structure of the Institute of National Remembrance expresses all its competences related to the settlement of the period of time when Poland remained a victim of German and Soviet totalitarianism. These are actions of investigation, lustration, research, documentary, scientific and educational activities. After the amendment process, the IPN consists - as of 2019 - of seven departments cooperating with each other. Those are: The Main Commission for the Prosecution of Crimes against the Polish Nation (investigates Nazi and Communist crimes committed from November 8, 1917 to July 31, 1990), Archives of the Institute of National Remembrance (manages documents of state security organs, drawn up from July 22, 1944 to July 31, 1990, and documents regarding crimes and repression of Polish citizens from November 8, 1917 to July 31, 1990) Fight and Martyrdom (commemorates the places of fight and martyrdom of the Polish nation in the country and abroad in the period from November 8, 1917 to July 31, 1990), Bureau of Search and Identification (searching for the resting place of those killed in the struggle for independence of the Polish State in the period from November 8, 1917 to July 31, 1990), the Office of National Education (implements scientific and educational projects), Office of Historical Research (conducts research in the field of recent Polish history) and the Lustration Office (verifies the truthfulness of submitted lustration declarations and publishes catalogues containing personal data of officers of state security organs, persons worked for and holding managerial party and state positions in the PRL). The institute has eleven branches in the cities that are the seats of the courts of appeal. Branch offices of the Institute of National Remembrance were established in another seven cities.

The main specificity of the IPN Archive is the archival resource containing mostly documents produced by the communist state security organs, the content of which was unknown to the public or historians until recent disclosure. These are key documents for studying the history of Poland from 1944 to 1990 showing the bestiality, cruelty and ruthlessness of the communist authorities as well as the heroism, sacrifice and courage of those who dared to oppose this system. The archives that build the resources of the IPN Archive are currently (as of 2018) over 92 km of current files, 39 million photographs, 2328 archive units of film materials and 2127 archive units of sound materials. In the Digital Archive, available to employees through a computer network, at the end of 2018 there was information regarding 17.2 million archival units and 20.5 million personal index, 6.8 million file card descriptions,

641 thousand records and 17 million scan files of archival units and file cards.

The scientific activities of the IPN Archive includes compact publications, articles, internet publications, editing sources, and scientific conferences. In order to accomplish these tasks, a separate Archival Research and Source Editing Department was established. The IPN Archive carries out popular-scientific activities independently and in cooperation with other IPN Offices, other archives or scientific institutions. These are educational projects, exhibitions, competitions, school workshops, archival projects, concerts, and resource promotion. The archive prepares permanent and outdoor exhibitions, provides its premises to visitors for the presentation of archival resources, archivists engage in events of an occasional nature, such as: flower laying on the graves of victims of repression, anniversary academies, historical workshops for children, knowledge tournaments of recent history.

From the very beginning of its establishment, the IPN encountered difficulties in implementing its statutory tasks. Left-wing environments sought to dissolve the Institute by all means, and when this proved impossible, they issued an open media war to the Institute and began blocking its work. The Archives of the Institute of National Remembrance became the main target of the attack. The main difficulties the Archive faced were problems with the location of the Institute, lack of sufficient financial resources and administrative activities. Huge social emotions appeared after the disclosure in 2005 of the so-called "Wildstein Lists" from 160,000 agent names, including the disclosure that Lech Wałęsa (president in 1990–1995) in 1970–1976 was registered as a secret collaborator (TW) of security authorities with the ps. "Bolek" and Aleksander Kwaśniewski (president in 1995–2005) registered in 1982–1989 as TW about pseud. "Alek".

The IPN archive collects and makes available all possible documents about the victims of German and communist crimes. Archival research conducted in the resource showed that in the years 1956–1990 approximately 2,540,000 operational cases were destroyed. Therefore, the Archives cooperate with the archives of the special services of former communist countries to obtain scans of documents that supplement knowledge about the operation of the totalitarian system.

A special mission of the IPN Archive is to verify the "totalitarian memory" under which cultural, historical, political and social results of introducing the communist system in PRL should be understood. "Totalitarian memory" is expressed in the state of consciousness and knowledge of the society manipulated by the communist ideology, which has become a victim of multiple social engineering activities. This is a picture of virtual reality created by communist propaganda and the distorted course of events and historical processes that took place during this period. Detachment of history is constantly hampered by leftist environments. Based on the research conducted in the resource, it was found that already in 1981, the transformation of communism had begun. In place of occupational communism, hybrid communism was gradually introduced in Poland, consisting of the disintegration of the state using peaceful and selected disintegration methods, such as: taking over the economy by foreign entities, passing decision-making to centers remaining outside the country, distribution of security systems, manipulation of social movements, controlling propaganda inside the state and in international space, media disinformation, causing political chaos, so-called actions progressive left parties, intelligent paralysis of legislation, etc. These phenomena occur on a certain scale in every country where a hybrid war is conducted. The characteristic features of hybrid communism in Poland after 1989 are: 1 / Soviet origin; 2 / agent structure; 3 / clearly defined goals for dismantling the state; 4 / management and financing center outside Poland; 5 / continuation of anti-Polish activities started after the October Revolution. The permanent state of the attack on the Institute of National Remembrance by various entities, including the ones whose purpose is to blame Poles for the Holocaust of Jews, is continuing.

The Formation of Collective Memory in Armenia (Based on the all-Soviet and National Examples)

Hranush Kharatyan,

*Ph.D., Institute of Archeology and Ethnography of the National
Academy of Sciences of the Republic of Armenia*

The Soviet Union in the 1920s undertook a project aimed at the formation of collective memory and collective worldview on a scale that was perhaps never paralleled in the 20th century. This is understandable. The 1917 Bolshevik revolution and the First World War together resulted in the collapse of empires, the reformulation and reinvention of ideologies and systems of power, the creation of new states, and the creation of new historical narratives and myths. At the same time, there emerged new opportunities to influence collective memory through universal education. Education is the highest institution for the rapid transfer of common knowledge at the same time to many millions of people, and for the consolidation of this knowledge from generation to generation.

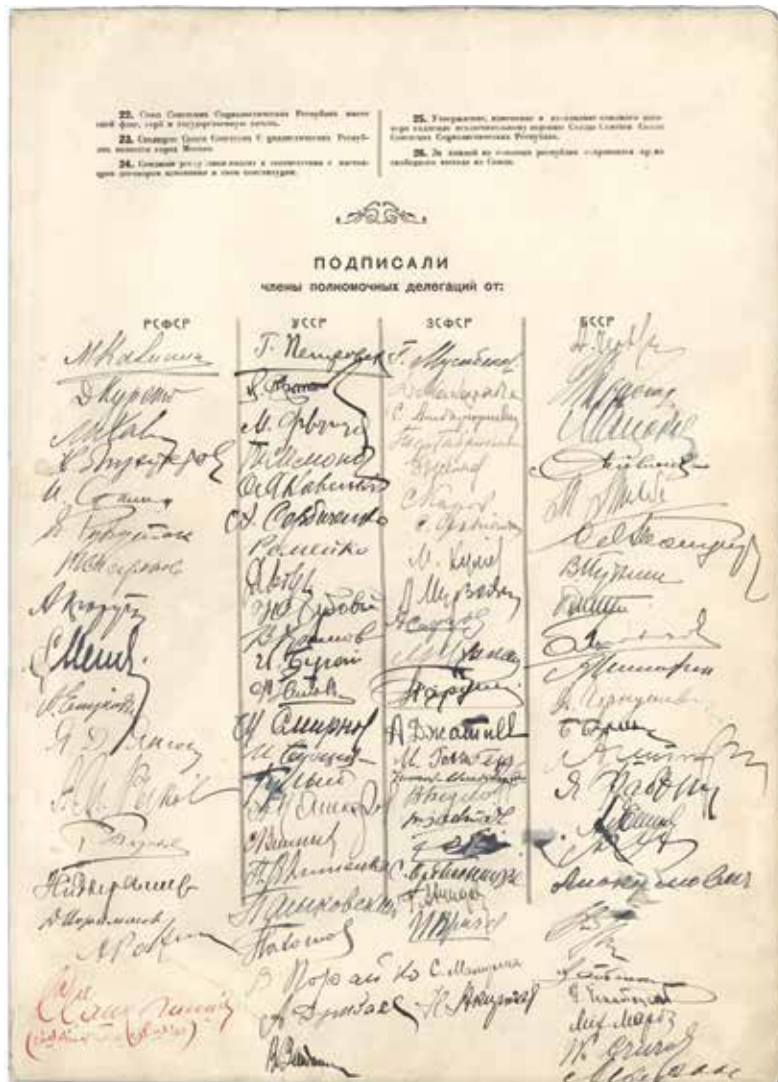
In the same way, falsehood can be reformulated as the truth. Citizens who received school and professional education throughout the Soviet Union knew, just as residents of the post-Soviet space still do, that the USSR was founded on December 30, 1922 as a result of an agreement signed by the heads of the four Soviet republics - the RSFSR, Ukraine, Belarus and the ZSFSR (Transcaucasian Soviet Federal Socialist Republic). This was written in textbooks, the Soviet encyclopedias (both the Union and Republican), scientific books and newspapers, broadcasted by radio, and then television. In many modern textbooks, the same is written. For example, in the textbook "World History" for students of the humanitarian direction of the 12th grade in Armenia¹². Unfortunately, however, this is not in fact true. At that congress, it was decided: "The declaration and the union treaty are basically approved to instruct the Central Executive Committee of the Union of the Soviet Socialist Republics to prepare the final text of the declaration and union treaty for the second congress of the Councils of the Union and submit it to the final approval of the second congress"¹³. Therefore, the delegates of the four Soviet countries of the congress signed only an agreement to unite into one country. Moreover, delegates, especially from Georgia and Ukraine, expressed many objections to the principles of the common so-called state. Subsequently, realizing that objections had not subsided, but were instead getting ever stronger, Moscow opted not to organize any special congress to unite the Soviet states, but instead submitted the Constitution of the USSR for approval to the so-called 2nd Congress of Soviets of the USSR, which essentially had only two chapters - the Declaration on the Formation of the USSR and the Treaty on the Formation of the USSR. Why do I say 'so-called' here? The reason is simple neither the first congress (December 1922), nor the second (January 1924) could be called congresses of the soviets of the USSR, because the USSR was not presently in existence. Both of these congresses were congresses of soviets of four Soviet countries, and not the first or second congresses of soviets of the still non-existent USSR. Nevertheless, this knowledge still firmly embedded in the collective

¹² Yerevan, "Zangak-97", 2011, p. 256 (in Armenian).

¹³ Congress of the Soviets of the USSR, Verbatim report. M, 1923 // Congresses of Soviets of the USSR, Union and Autonomous Soviet Socialist Republics. Sat documents. 1917-1936, vol. 3, M., 1960, p. 20

consciousness and collective memory of the citizens of the USSR - the USSR was formed at the first Congress of Soviets of the USSR on December 30, 1922 as a result of an agreement signed by the heads of the unifying republics.

Judging by the legible signatures, the Agreement of Intent to create a common state was signed by Gazanfar Musabekov (chairman of the Council of People's Commissars of the Azerbaijan SSR), Sergey Kirov (1st Secretary of the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks) of Azerbaijan), M. Kuliyeu (Azerbaijan), Levon Mirzoyan (Executive Secretary of the Baku Committee of the Communist Party (Bolshevik) of Azerbaijan), Philip Makharadze (former Chairman of the All-Georgian CEC), Sahak Ter-Gabrielyan (Permanent Representative of the Soviet Socialist Republic of Armenia to the SNK of the RSFSR). Of the representatives of the official authorities of Soviet Armenia, no one has signed the agreement.

All of these individuals were victims of the political terror of the 30s. Subsequently, the subscribers of the non-concluded Agreement from other Soviet republics suffered the same fate.

Ignorance and misunderstanding of the historical and legal side of the so-called Treaty on the Formation of the USSR led to the fact that during the collapse of the USSR, some republics announced the denunciation of a virtually non-existent treaty (Russia, Georgia, Azerbaijan, Belarus, Ukraine). The Supreme Council of the RSFSR: "RESOLUTION of December 12, 1991 No. 2015-1, ON THE DENUNCIATION OF THE AGREEMENT ON THE FORMATION OF THE USSR, Guided by the Declaration on State Sovereignty of the RSFSR and, in accordance with paragraph 15 of Article 109 of the Constitution (Basic Law) of the RSFSR, the Supreme Council of the RSFSR decides: to denounce the Treaty on the Formation of the Union of Soviet Socialist Republics, approved by the I Congress of Soviets of the USSR on December 30, 1922 in the city of Moscow. ... December 12, 1991, No. 2015-1."

Later, on April 15, 2006, the Federation Council of the Russian Federation recognized that the "Agreement on the formation of the USSR of 1922, which the RSFSR Supreme Council "denounced" on December 12, 1991, had not existed as an independent legal document. The original version of this Treaty was subjected to radical processing and already in a revised form entered the 1924 Constitution of the USSR. In 1936, the new Constitution of the USSR was adopted, with the entry into force based on which the Constitution of the USSR of 1924 ceased to operate, including the 1922 Treaty on the Formation of the USSR. In addition, a resolution of the Supreme Council of the RSFSR of December 12, 1991 denounced the international treaty of the Russian Federation, which, in accordance with the norms of international law codified by the Vienna Convention on the Law of Treaties of 1969, was not subject to denunciation at all."¹⁴. However, the "collective memory" in the post-Soviet space continues to be a bearer of politically packed false knowledge about the formation of the USSR, and educational institutions support this lie.

¹⁴ On the appeal of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation "To the members of the Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation" // Meeting of the legislation of the Russian Federation, 1996, No.16, Article 1800, April 15, 2006, - 3rd paragraph.

Project: Deconstruction. KGB Archives for Media

Anna Oliinyk,

Center for Research on the Liberation Movement, Ukraine

In 2015, the Parliament of Ukraine passed a law on open access to the archives of communist special services (1917–1991). According to this law, no one can restrict access to these documents. Only victims of political repression can limit access to information about themselves for a specified period. Copying of documents is free of charge. The initiators of this law explain this position by the fact that the information about the massive violations of human rights, which were committed by the Soviet repressive system, should be freely available.

The opening of the archives entailed great interest toward the topic from various interested groups: from researchers who received hundreds of thousands of declassified documents for writing their scientific works, to ordinary citizens who began to search the archives for information about their repressed relatives. One of the important target groups are media representatives who can also find information in the archives for their publications and stories.

Cooperation with the media on the issue of the declassified KGB archives was especially actualized with the beginning of the hybrid warfare of the Russian Federation against Ukraine. A lot of anti-Ukrainian disinformation campaigns, fake news and propaganda appeal to the Soviet period of history of the twentieth century.

In 2018, the Center for Research of the Liberation Movement, a Ukrainian NGO, realizing the importance of these issues, initiated the international archival educational program “Deconstruction. KGB Archives for Media”. The objectives of this program were the following: 1) to teach media representatives “archival literacy”: archival search algorithms, types of archival documents, the specifics of documents of the Soviet special services, etc.; 2) to show how to deconstruct Russian-Soviet myths in public/information space with the help of archival information; 3) to demonstrate that archives contain many important stories that may be interesting for the audience of the media; 4) through the involvement of the media, once again, to communicate to the society that KGB archives are open and they can come there and look for needed information.

Researchers and media professionals from Ukraine, Poland, Slovakia and the Czech Republic were involved in the project (the Czech Embassy in Ukraine and the Visegrad Fund initially supported the development and implementation of the program). A workshop was organized for the media with the following components: what archives are and what documents they store, how to read archival documents (how to distinguish the truth from falsification), how to write interesting texts on historical topics (tips from editors of leading media) etc. The workshop participants also got the opportunity to work with the copies of archival files and do practical tasks.

The next component was archival. One of the project partner was the Branch State Archive of the Security Service of Ukraine, which stores the biggest part of the relevant documents (224 000 volumes in Kyiv, and more than 700 000 volumes in regional departments). The Archive provided the opportunity for journalists and consultants to work in the reading rooms during the program, and also helped with the selection of documents.

The Center’s experts also prepared a manual “KGB Archives for Media” in Ukrainian, English and

Russian – books are freely available to all researchers on the website. The manual consists of two parts: 1) archival – includes information about the types of archival documents, search algorithms, lists of online archives and electronic archival databases; 2) media – about the specifics of journalistic texts on historical subjects – advises, written by editors and representatives of leading Ukrainian media.

Journalist-participants of the project prepared their materials as a result of processing of the archival documents. The organizers did not influence the topic choices or the specifics of publications. The task of the experts was to provide consulting assistance, as well as assistance in finding documents.

Four months after the end of the theoretical curriculum, the project's participants (24 in total) presented their materials based on documents from communist intelligence services. In total, over 55 materials have been published in this short period. Topics varied, they often depended on the specifics of each particular publication or some events that were on the agenda for the time of publication. For example, almost ten different materials were dedicated to the anniversary of the events of Prague Spring (1968–2018). Journalists also worked on stories about Soviet agents; talked about surveillance in universities; about well-known Ukrainian cultural figures who collaborated with KGB or were under surveillance; about the KGB attempts to stop Western media broadcasting; etc. More information about the project and links to the participants' publications can be found [here](#).

Materials were published in online and print media, presented on radio and television. After completion of the program, some project participants continued to work on the subject on their own and prepare articles for the media using archival documents.

In 2019, the Center for Research on the Liberation Movement, together with the partners (the Ukrainian MOOC platform EdEra and the International Renaissance Foundation), prepared and presented the “Declassified” online-course based on the program materials. The course is available in Ukrainian in free access.

Summing up, we can say that (1) the opening of the KGB archives in Ukraine through the adoption of a special law has stimulated interest toward these documents not only from historians, but also from journalists and broader public; (2) access to the KGB archives is an important element of countering misinformation related to the history of the relevant period; (3) educational program “Deconstruction. KGB Archives for Media” helps media understand the algorithms of work with archival documents and maintains interest toward these sources by publishing archival stories in a format accessible for a wide audience. The experience of such educational programs can have a positive impact on the intensification of the discussion about opening the KGB archives in the other post-Soviet countries that still keep the secrets of the USSR under lock and key.

Fifth Session: **State Memory Politics in the Former Soviet and Eastern Bloc Countries**

Politics of Memory and Research Institutions on Communism in Romania

Alexandru-Murad Mironov,

History Department Faculty Member, University of Bucharest

Institutionalizing the history and memory of the Communist regime in Romania after the great change from 1989 has been done through two different approaches: a network of classical research organizations, exhibitions, and archives that are in some cases rather obsolete and are not exclusively focused on studying Communism, but are more general, and new public or private initiatives.

The main research facilities are supervised and funded by the Romanian Academy and consist of the three institutes of history, based in the main three Romanian college towns, and attached to the regional branches of the Romanian Academy: “Nicolae Iorga” Institute of History in Bucharest, “A.D. Xenopol” Institute of History in Iassy, and “George Baritiu” in Cluj-Napoca. There is also a specialized research center – the National Institute for the Study of Totalitarianism in Bucharest, founded after the Revolution of December 1989, in April 1993. Its journal, *Totalitarianism Archives*, initially published mainly declassified documents from various Romanian archives.

After 2004, the historical research of Communism became heavily politicized. In 2005, the Government established its own research facility – The Institute for the Investigation of Communist Crimes and the Memory of the Romanian Exile. Despite a good record of publishing serious books, its management was always politically motivated.

In Romania, the museification of Communism has more to do with nostalgia than with education. The main attractions are the huge building of the Parliament, formerly known as the “House of the Republic” or the “House of the People” and lately Nicolae Ceausescu’s private residence the Spring Palace in Bucharest. The National Museum of History, the legal owner of the collection of the former Museum of the Communist Party, has a lot of things to exhibit, but it is still closed for some years for restoration.

However there is the Sighet Memorial, on the site of the former political prison from Sighet, in the Northern part of Romania, a detention place where the “bourgeois” political elite was detained at the beginning of the 50’s. In 1997, it was opened as a permanent exhibition. Few years later, the Foundation that runs the Sighet Memorial opened a small exhibition in Bucharest.

There is no museum of communism, but there is a brand new presidential initiative from August, 2019 to open a “Museum of Communist Horrors”, which sounds more like an amusement park than a real museum.

The Communism archives are divided between the National Archives of Romania and the Na-

tional Council for the Study of the Securitate Archives. The National Archives of Romania is a friendly, research-oriented institution. This institution was designated to take over the main political and historical archive of the former totalitarian regime: the documents from the Central Committee of the Romanian Communist Party. After the Revolution of December 1989, the archive of the Party went into the custody of the Army, but at the beginning of the next decade the decision was taken to be handed over to the National Archives of Romania. The huge amount of documents produced between 1921 – the founding date of the Party – and its demise in 1989 consists in thousands of files of the former Sections of the Central Committee, especially after 1944, when the Communist Party took over the Government.

Studying the social and political history of Romania in the 20th century is impossible without the files from the National Archives. Despite the lack of new technical infrastructure, the National Archives of Romania provide an excellent place for researchers with the help of highly skillful professionals, friendly and pro-academic attitude.

Established in 2000, the National Council for the Study of the Securitate Archives main goal is to verify the past of the candidates to elections and to high offices, as regards their relation to the former secret police.

The second group target by the National Council for the Study of the Securitate Archives consists of the persons who consider themselves victims of the Communist regime. Anyone who considers entitled to claim reparations can have access to the personal files.

Scientific research, although clearly stated by the law, comes as an extra. The new institution transferred some of the secret archives of the former political police, including the historical part of it – the files taken by the Securitate from the former Siguranta – much of it having no relation with the Communist regime, but instead being now accessible with same restrictions as the political one. The decision-making process is highly politicized – the governing college is appointed exclusively on political grounds by parliamentary parties – and despite the fact that many of the members are academics, no comprehensive attitude toward researchers can be traced. Its structure divides researchers in two different categories: “internal” researchers – employees of the National Council for the Study of the Securitate Archives – and “external” ones – ordinary researchers from outside. A general secretive attitude and the bureaucratic access make this archive a non-friendly place for academic research.

Nowadays the public debate, the academic research and display of the history of Communism in Romania is a political tool in the electoral competition between parties.

Progressive' changes and 'stagnant' continuity: research experience in the Central State Archive of Uzbekistan

(Presentation during the second annual conference on archival openness in post-socialist space organized by IDFI in Tbilisi, Georgia, 04-06.12.2019)

We are not disclosing author's name upon his/her request

This presentation began with a brief history of the Central State Archive of Uzbekistan¹⁵ (CSAU), since its establishment in 1919. Briefly addressed the expansion of funds in the 1920s and 1930s. Among the most noteworthy acquisitions were the documents of Qoshbegi of Bukharan emirate serendipitously found in an abandoned warehouse in the 1930's. This fund, #I-125 is one of the biggest collections of historical Islamicate documents in the Persianate world. The issues of preservation and cataloguing the collection were addressed in the concluding part of the presentation.

After discussing the Soviet period of the archive presentation moved on to the period of independent Uzbekistan. The archival legislation and subsequent amendments 1999-2016 were mentioned in brief. The gist of the section, however, was about excision of Uzbek Communist Party and Uzbek SSR KGB archives from the legislation and consequently from the Central State Archive as well. While the former was transferred to the office of the president's administration¹⁶, the latter was kept with the successor organization of KGB UzSSR namely, National Security Service¹⁷. The exclusion of these extremely important bodies of the documents from the scope of open legislation and de-facto from the researchers' access rendered the legislation on the archival access and freedom of information in this domain very limited. Currently, the country archives are regulated according to the law on archival work passed by the local parliament on 03.11.2009 and adopted on 07.05.2010¹⁸.

The other part of the presentation highlighted the prohibitive stance of the law and its practices towards archival access, especially by foreign researchers. This section was told from the perspective of a researcher facing all the hurdles of application, registration, and obtaining permission from the archive (CSAU). A short description of the archival facilities, modes of operation, location, entry procedures, and similar routines were provided. For example, the archive is not entitled to issue permits for foreign researchers wishing to work there. All foreign nationals have to apply through the ministry of foreign affairs for the archival permit and this is a lengthy process lacking transparency. Even a local researcher has to provide institutional backing for a smooth process of obtaining the permit. The access to the reading room, as well as to the archive itself is controlled by policemen with very limited experience in dealing with security clearance to buildings and even more limited language skills. The research room capacity is 9-12 research desks and often, especially in the summers, full. Recently installed water cooler provides some relief but otherwise, the whole building lacks any cafeteria and the neighbourhood offers a very little option for food and refreshments during lunchtime.

¹⁵ The name in Uzbek: Özbekiston respublikasi markaziy davlat arxivi (ÖzRMDA); in Russian: Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv respubliky Uzbekistan (TsGARUz), Центральный государственный архив республики Узбекистан (ЦГАРУз).

¹⁶ The name in Uzbek: Prezident devoni.

¹⁷ Later was renamed the State Security Service, in Uzbek: Davlat Havfsizligi Xizmati.

¹⁸ <https://lex.uz/docs/1645544> text of the law in Russian, last accessed on 10.03.2020

Last but not least, the recent changes of legislation on the archives and archival practices were addressed. Although there is precious little in this regard presently, early signs are hopeful. Starting from 2020 all documents before 1917 should be de-classified. Again, this period limit leaves nearly all Soviet-era sensitive papers out of reach of a researcher. There is no clear mechanism of de-classification, though the relevant by-law states it should be completed till 01.06.2020¹⁹. It remains to be seen, however, whether this initiative is a one-time-only legal action or will be put into regular practice and establish a legal culture of routine de-classification of important documents.

The new regulation on the archival regulatory body is in place since 08.02.2020²⁰. There is also the decree by the cabinet of ministers on improving the archival practices in Uzbekistan²¹, but the new law on archives following the statements of this decree is yet to be drafted and proposed. Overall the archival practices and access to archival holdings, unlike many other spheres, are yet to be affected by the reformatory zeal of a new administration in Uzbekistan, leaving prohibitive nature of the existing archival law largely intact.

¹⁹ 3. Агенству [UzArkhiv agency]: а) до 1 июня 2020 года совместно со Службой государственной безопасности Республики Узбекистан принять меры по рассекречиванию в установленном порядке архивных документов исторического периода (до 1917 года), хранящихся в государственных архивах; quoted from <https://lex.uz/docs/4523388> text of the by-law in Russian, last accessed on 10.03.2020

²⁰ <https://lex.uz/docs/4730178> text of the by-law in Uzbek, last accessed on 10.03.2020

²¹ <https://lex.uz/docs/1993488> text of the by-law in Russian, last accessed on 10.03.2020

Recovery of the ‘forgotten’ past – the Polish experience

Ewa Ochman,

*Senior Lecturer in East European Studies, the University
of Manchester, UK*

The shift to democratic politics in Poland after the fall of communism triggered an intensive re-evaluation of the national past. This was primarily driven by the new political elites who strove to endow the new state with a different set of foundational values. The recovery of a past officially erased and censored by the communist regime manifested itself in historical resolutions adopted by the new Polish parliament, the revision of officially celebrated holidays, the sponsoring of new monuments, opening of museums and the adoption of memory laws which sanctioned a post-1989 interpretation of historical events. A special institution, the Institute of National Remembrance, was also established in 1999 and was tasked with the re-evaluation of twentieth-century Polish history.

The process of the recovery of the past occurred in two interrelated fields. First, Poland’s relations with neighbouring countries and ethnic minorities during the Second World War were reexamined. The main focus was on Polish-Soviet relations, but Polish-Jewish, Polish-Ukrainian and Polish-German relations were also re-evaluated. Events such as the secret 1939 protocol to the Molotov-Ribbentrop pact (which divided Eastern Europe into German and Soviet spheres of influence), the Katyn massacre (the mass execution of Polish prisoners of war by the NKVD in 1940) and the deportation of the Polish population to the USSR in 1939-1941 became part of official historical knowledge. The other area of revisionist activity related to the history of communist Poland, mainly the consolidation of communist power in the Polish People’s Republic and persecution of political opponents by the communist regime.

The process of the recovery of the ‘forgotten’ past was conditioned by number of factors. First, Poland’s relationship with the Russian Federation in the 1990s was shaped by foreign policy priorities: joining NATO and the European Union. It was important to ensure, throughout the accession process, that disagreements with Russia over the interpretation of historical events could not be used to hamper Poland’s attempt to reorient itself towards the West. Second, the transition to democratic politics had been negotiated with Polish communists, making any comprehensive reckoning with the post-war communist past initially difficult. Moreover, an initial decline in living standards during the first phase of economic transformation paved the way for the former communist party to win the parliamentary elections in 1993 and 2001. Although the party refashioned itself as a western social democratic party, supporting Poland’s membership of NATO and the EU, it tried to preserve the commemorative heritage of the communist regime. Third, the post-1989 administrative reforms regulating the functioning of local government in Poland made local councils responsible for erecting and removing monuments and naming (and renaming) public spaces such as streets and squares. Thus, to a large extent the commemorative landscape in Poland has been shaped by local authorities that are directly accountable to their electorate and have to take into consideration local attitudes towards the re-evaluation of the past when taking decisions. Here, there was the issue of a general reluctance to rename streets because of the financial and other everyday implications that such renaming involved. But equally, the war and post-war historical experiences, different in different regions of Poland, played their part.

However, one of the most important factors that impacted on the process of the recovery of the past in Poland was the bitter rivalry between factions within the post-Solidarity camp. In the 1980s the Solidarity movement was united by opposition to the communist regime but once communism had collapsed, different attitudes to social values and economic policies resurfaced. In consequence, no consensus emerged over the assessment of the post-war era (especially the post-Stalinist era), how far the recovery of the past should go and who should have the authority to oversee it. And finally, the re-evaluation of the past was also conditioned by global processes. In the last few decades, in democratic systems, central authorities' dominant position in constructing and endorsing a particular narrative of the past has been eroding. The rise of new means of global communication, developments in media technologies, cross-cultural contact and the emergence of diverse groups engaged in their own politics of identity have brought about a fragmentation of national memory, democratization of memory and a cosmopolitanization of memory. This has resulted in a more pluralistic understanding of whose memories of the past should matter.

Thus, overall in Poland, the process of reckoning with the past is characterized not only by concrete accomplishments but also by bitter conflicts, often referred to as Poland's memory war. This situation can best be illustrated by two examples. Major, prize-winning multimedia museums were built that provide information about events previously censored from Polish history, such as The Warsaw Uprising Museum (2004) and Polin, Museum of the History of Polish Jews (2013) in Warsaw and the Museum of the Second World War (2017) in Gdansk. At the same time, these museums are a source of ongoing controversy with politically motivated interference in the process of appointing management boards and museum directors. Another instructive example of how challenging the process of reckoning with the past has been relates to the de-communization of public space. After the fall of communism many monuments commemorating communist heroes disappeared from the central locations of towns and cities. The renaming of public space followed, but the process was not everywhere completed. Many municipal authorities - for various reasons - did not initiate a comprehensive decommunization of public space. The first attempt to impose from above the mandatory removal of symbols that were described as 'glorifying communism', such as Red Army monuments, goes back to 2000. The Bill, however, was not approved by a majority in parliament because it was perceived as too radical a form of state intervention in commemorative space. Although agreeing that symbols 'glorifying communism' are inconsistent with the values of the new Polish state, many politicians questioned whether a commemorative landscape could be 'cleaned up' from above by administrative decree. There was also uneasiness about the very process of identifying symbols 'glorifying communism'. Eventually, the law was passed in 2016 when the Law and Justice party's government had a working majority in parliament. It forces local authorities to remove the names of public spaces that 'symbolize communism'. In October 2017 an amendment to this law was adopted that extends this legislation to monuments. However, the implementation of this memory law has not been without its problems as many local authorities have challenged the mandatory renaming of streets in courts.

POLIN Museum, Photo: Ewa Ochman

Warsaw Uprising Museum, Photo: Ewa Ochman

Consequently, so far, the Polish state has not managed to monopolize or to fully control the re-evaluation of twentieth-century Polish history. Throughout the long period of post-communist transformation, the process of the recovery of the 'forgotten' past has been driven by international and domestic pressures and agendas. Overall, there has been consensus as to what past needs to be recovered when it comes to martyrological events in Poland's history, especially in relation to the Second World War. In the case of post-war Polish history there has been less of a consensus about what exactly happened and why. The central authority's attempts to establish itself as a single authority on 'historical truth' has not sat well with all groups that have a stake in the re-evaluation of the past. Democratic transition which included administrative decentralization meant that local authorities and diverse communities of memory have insisted on more pluralistic understandings of power relations. Equally, the process of the recovery of the past has been undermined by oppositional politics of memory. The reckoning with the past has frequently been used to discredit political opponents and weaponized in internal struggles for power and therefore has been treated with suspicion by some sections of Polish society. In such conditions building national trust (imperative to effectively influence the process of reckoning with the past) has been a challenging task.

State Memory Politics in Georgia after 1991 and Similarities with the Other Post-Soviet Countries

Megi Kartsivadze,

*Analyst of Archives, Soviet & Memory Studies Direction,
Institute for Development of Freedom of Information (IDFI)*

In the process of elaborating a common methodology for accessing memory politics in different countries, the Institute for Development of Freedom of Information (IDFI) divided the evaluation scheme into four dimensions: legal, institutional, commemorative and monumental. Following this scheme, the paper is focused on the overview of the memory politics in Georgia since 1991 and its comparison with the post-Soviet, mainly the Baltic States.

Within the frame of the legal dimension, the paper covers the three issues: lustration, prohibition of totalitarian symbols and the rehabilitation of victims. Due to the political tensions and the fire in the KGB building during the Tbilisi Civil War which destroyed 210 000 archival files, the adoption of the Lustration law in Georgia had been procrastinated until 2011 when the Parliament of Georgia finally adopted the Freedom Charter. Freedom Charter encompasses three main directions: anti-terrorist activities, lustration and the prohibition of the Soviet symbols. By comparing, the Freedom Charter with the similar laws in Estonia, Lithuania and Latvia, it can be argued that the major problem for the Lustration law in Georgia is the destroyed KGB archives which in many cases makes it impossible to disclose information about the Soviet secret service officers, establish their political responsibility and prevent them from holding public posts. Also, the effectiveness of the Commission at the State Security Service, which is responsible for gathering data about the people who have collaborated with the totalitarian secret service through legal means and producing the relevant registry, seems relatively vague.

As for the prohibition of totalitarian symbols, the Freedom Charter restricts the public display of certain symbols. However, regardless of the existence of such law, its execution and the effectiveness of the Commission, responsible for monitoring such cases, remains unclear. According to the information acquired by IDFI from the State Security Service, until 2015, the Commission had only met once while between 2016 and 2017, it only asked five entities to stop displaying Communist totalitarian symbols. To this day, the Georgian society has witnessed a number of cases when Stalin's statues were erected in different locations while there are also many streets in Georgia named not only after Stalin but after the other Soviet leaders as well.

Concerning the rehabilitation of victims, the paper describes the relevant legislation and the changes it has experienced. In Georgia, the rehabilitation of victims of the totalitarian regime is regulated by the law "On the Acknowledgment of Citizens of Georgia as Victims of Political Repression and Social Protection of Repressed Persons" adopted in 1997. According to this law, political and social rights, military and special titles, awards and private property will be restored to those individuals who are recognized as the victims of repressions. A separate article also regulates the compensation of the victims, indicating that such individuals have right to request compensation from the state, but if a repressed person is already dead, his or her lawful heir is eligible to claim the indemnity. Today

compensation limit is minimum 1000 GEL and maximum 2000 GEL. However, the major challenge for the rehabilitation of the victims of the totalitarian regime in Georgia is the fact that the majority of the KGB documents, containing the information about the victims, were burnt during the Tbilisi Civil War.

Within the frame of the institutional dimension, the paper compares the state commissions of historical truth and the museums of occupation in Georgia, Estonia, Lithuania and Latvia with one another. In Georgia, the commission named “The Commission for Establishment of the Historical Truth” was established in 2010 and already in 2011, it published the 50-page document about the 200 years of Russian occupation. Their report was in line with the state discourse, which created a metanarrative of Russian occupation, linking the contemporary occupation of Abkhazia and South Ossetia by the Russian Federation with the past occupations of the Georgian territories by the Bolsheviks and the Russian Empire. Therefore, it can be considered that, unlike the Baltic States, this Commission served more to the explanation and framing of the contemporary developments between Russia and Georgia in light of the historical background than to the reassessment of the past events and the rehabilitation of victims of the totalitarian regime.

As for the commemorative dimension, first, it should be emphasized that the celebration of 9 May has particular significance in the post-Soviet space, mainly legitimizing the Russian narrative about its monopoly on the victory in the Second World War for which it has become a contentious topic in many former Soviet republics. Although Georgia and Ukraine have firmly declared the course of westernization, 9 May is still a public holiday in these countries. The paper shows when all of the fifteen post-Soviet countries celebrate the victory in WWII and highlighta that the Baltic states are the only ones where 9 May is not a public holiday. Then, the street names as a particular form of commemoration are discussed. It is shown that although most of the post-Soviet states have renamed the streets commemorating Soviet leadership and ideologists and the Georgian Freedom Charter also restricts the Soviet symbolism, in Georgia, there are still several streets named after Stalin.

Removal of Stalin's statue from Gori, Georgia in 2011. Photo: RFE/ RL

Finally, within the frame of the monumental dimension, the paper covers the popular cases of the removal of the Soviet statues in the post-Soviet countries such as the removal of Stalin's statue from Gori, Georgia, relocation of the Bronzer Soldier in Estonia and the demolition of Lenin's statues in Ukraine. While in Ukraine, the demolition of Lenin's statues was a form of protest following Euro-maidan, in Georgia and Estonia, it was an expression of the state policy, reflecting the geopolitical choices of these countries, which was followed by a huge protest among some groups.

In conclusion, the main purpose of the paper is to provide the information about the four-dimensional evaluation scheme of the memory politics in different countries. Such division enables the researchers from all over the world to follow the standardized template while assessing the memory politics in particular countries and then conduct comparative analysis of different approaches. Comparison of memory politics in different countries reveals the best and worst practices as well as the challenges that need to be addressed which is the primary purpose of IDFI's international project.

The Activity of the Commission for the Study and Evaluation of Totalitarian Communist Regime in the Republic of Moldova: Why Has It Partially Failed?

Igor Casu,

*Director, Center for Study of Totalitarian Regimes & Cold War,
Faculty of History and Philosophy, State University of Moldova*

The politics of memory played an important role in many parliamentary campaigns after 1991, but especially during the last 10 years. In 2009, the anti-communist Liberal Party tried to gather electoral support by invoking the need to outlaw the Communist Party, claiming that communism was as criminal as National-Socialism in particular and Fascism as a whole. Another important political party of the Alliance for European Integration, the Liberal Democratic Party, was very critical of the Communist Party's reluctance to condemn communist-era crimes. It promised to restore the pro-Romanian and pro-European national discourse on dominance in history in the 1990s. The strong appeal to the Moldovan electorate of these two parties was due to the fact their leaders represented a new generation of Moldovan politicians educated mainly in Romania and the West, with no nomenklatura past. Even the oppositional "Our Moldova Alliance," lead by former middle level nomenklatura members, played the anti-communist card. Following the elections, these three parties, along with the Democratic Party led by Marian Lupu, formed a coalition government in September 2009. Although the Communist Party pursued a policy of rehabilitating Stalin and worshiping Lenin, during the 2009 electoral campaign it changed its attitude toward the victims of mass deportations. Sensing the loss of popular support after the violent anti-communist riots in Chişinău on April 7, 2009, the communist government allotted around thirteen million Lei (one million US dollars) for reparation payments to the victims of Stalinist deportations. This was an excellent example how the politics of memory was instrumentalized for electoral purposes. Lustration was discussed publicly in 2005 and 2006. One of the leading national weeklies, *Jurnal de Chişinău*, published around 200 interviews with local politicians and cultural personalities asking for their opinion about communism, the prospects of a lustration law, and if they had collaborated with the KGB in the Soviet period. Although the majority condemned communism, only a minority supported a lustration law and some voiced no regret for their Soviet-era collaboration with the political police.

The breakthrough in the politics of memory came in January 2010 when a Presidential Commission for the Study and Evaluation of the Communist Totalitarian Regime was created by the interim President of the Republic, Mihai Ghimpu, who was also the leader of Liberal Party. The Commission included thirty members, among them historians, writers, sociologists, lawyers and linguists. As a result, the previously inaccessible archival depositories were disclosed, including that of the former KGB and the Ministry of Interior. The Commission was supposed to deliver a preliminary report by June 1, 2010, but it could not be finalized because there was no unanimity on the final version. There were two contending groups, the one represented by former Soviet official historians who played now the nationalistic card and another composed of young historians educated in Romania and in the West, who insisted on a more balanced approach, rejecting the ethnicization of the Communist repressions.

Finally, a volume covering the main contributions of the members of the Commission was published in the fall of 2011 in Chişinău. It comprised the main aspects related to repressive policies of Moscow in former Moldavian SSR, including several chapters on Soviet nationalities policy and an extensive chapter on the politics of memory of Chişinău authorities after 1989. The first part of the volume includes articles written by historians and political scientists from Eastern and Central Europe, including several members of the Presidential Commission for the Analysis of the Communist Dictatorship in Romania. These scholars helped their Moldavian colleagues by generously sharing their experience in working in the Romanian archives and dealing with administrative issues related to the access to previously secret files. Several volumes of documents were also published as a result of the activity of the Commission and others will be published in the years to come.

The outcomes of the Moldovan Commission for the Study and Evaluation of the Communist Totalitarian Regime in the Republic of Moldova have been summarized briefly by one of its young members, Andrei Cuşco, who holds a Ph.D. in History from the Central European University: “The Commission’s effectiveness was limited by the vagueness of its mandate; the short time span of its operation; the lack of effective legal tools (subpoena powers); the limited political support for its work and the tendency of certain political forces to use it for their own purposes; and the underrepresentation of the civil society, the victims’ associations, and ethnic minorities in the Commission. However, it helped open previously inaccessible archival (including secret police) files and it increased public awareness of the nature and consequences of the former regime. The Commission represents only the first step in the creation of a complex and multilayered institutional structure that might eventually lead to an effective system of transitional justice in Moldova”. This is the best way to summarize the limits, successes and failures of the above-mentioned ‘truth’ Commission in Moldova.

Sixth Session: Shared Memory after the End of the Totalitarian Communist Era

The Limits of Iconoclasm: Soviet War Memorials since the End of Socialism

Mischa Gabowitsch,

Einstein Forum, Potsdam, Germany

There is a widespread perception that the countries of the former Soviet bloc removed all or most communist era public monuments soon after the end of socialism. Based on a number of heavily publicized instances of iconoclasm, this claim is wildly exaggerated. Focusing on war memorials, the paper provides an overview²² of cases of destruction and removal, starting in Soviet times. It shows that centralized campaigns to remove Soviet war memorials (as opposed to local initiatives) have been the exception rather than the rule. Thus the most recent Polish decommunization campaign is an outlier among post-socialist policies regarding such memorials. The paper also contextualizes cases of removal and destruction by mentioning other ways of dealing with Soviet war memorials, such as symbolic marginalization, artistic interventions, or new construction.

Even more than Ukraine's 2014–15 "Leninfall," the Polish government's recent campaigns to have Red Army memorials removed has reignited the debate about socialist-era monuments in Eastern Europe. Drawing on a much more detailed forthcoming overview, this brief essay contextualizes the Polish case by focusing on the removal and destruction of Soviet war memorials across national borders.

Is Poland an outlier, or is it simply completing a process started in 1989?

There is a widespread perception that the countries of the former Soviet bloc removed all or most communist-era public monuments soon after the end of socialism. Based on a number of heavily publicized instances of iconoclasm, this claim is in fact wildly exaggerated. It glosses over significant differences between countries and fails to capture the important distinction between the remarkably few centrally orchestrated removal campaigns and the far more frequent but less sweeping instances of monuments removed or modified through local initiative. Most importantly perhaps, it does not distinguish between different types of monuments.

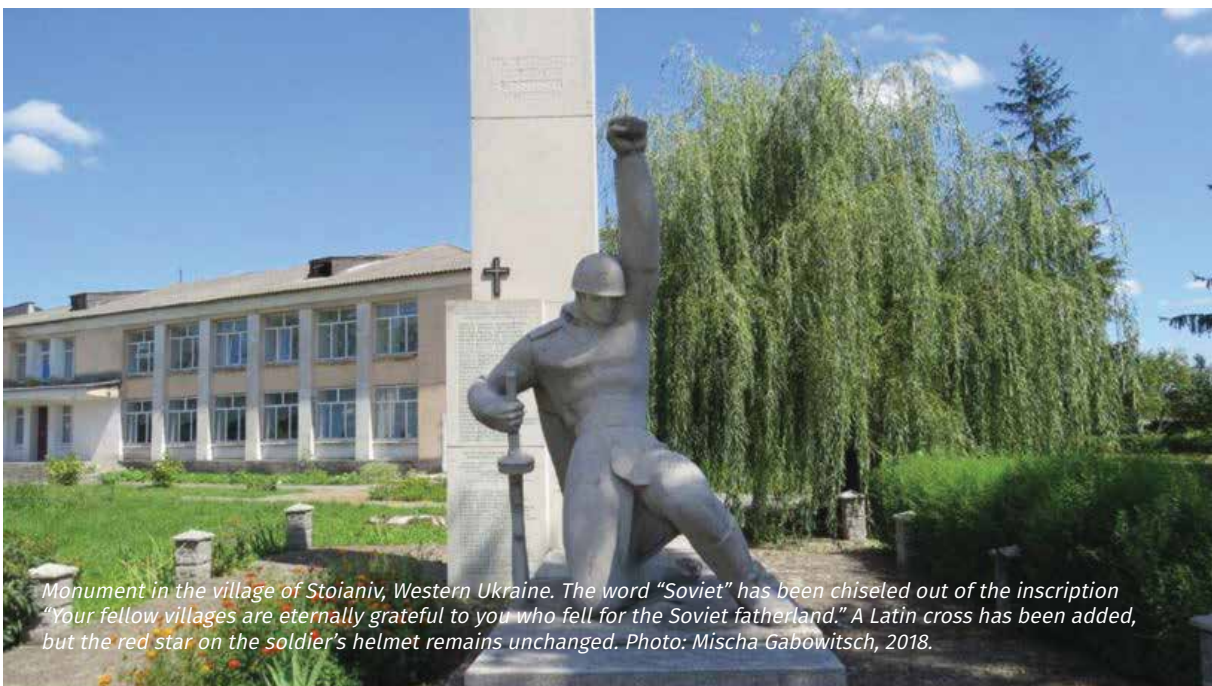
Though sometimes similar in style to other types of statues, war memorials are special because they refer to a complex and contested shared history, and because many of them, even those in central public locations, stand atop war graves. Such memorials are often protected by the Geneva

²² To be published in English in: Lana Lovrenčić, Sandra Križić Roban, Marko Špikić, eds., *War, Revolution and Memory: Post-War Monuments in Post-Communist Europe* (Zagreb: Institute of Art History), and in German in: Jürgen Danyel, Thomas Drachenberg, Irmgard Zündorf, eds.: *Kommunismus unter Denkmalschutz?* (Worms: Wernersche Verlagsgesellschaft), 49-64.

Conventions²³ and a series of bilateral treaties with Russia, Belarus and Ukraine²⁴, even though all of these are vague enough to allow for shifting interpretations. Some memorials have been symbolically marginalized without any modification; others, including many in post-Soviet countries, have decayed due to neglect:

Still others have been objects of politically motivated alterations:

²³ In particular, article 34, paragraph 2b of the Additional Protocol of 1977.

²⁴ The texts of the agreements to which Russia is a signatory can be found on the Russian foreign ministry's web site; for an overview see <http://mil.ru/commemoration/foreign/agreements.htm>.

Or artistic interventions:

In addition, a surprising number of new memorials to Red Army soldiers have been built (often but not exclusively in cemeteries) across the former Soviet sphere of influence and as far afield as the United States, Israel, and China. They are often sponsored by state agencies or wealthy donors from Russia or Kazakhstan, but sometimes commissioned and constructed by new immigrants and long-time residents with biographical connections to the former Soviet republics. Along with members of political minorities that sympathize with Soviet or Russian views of the war for a variety of reasons, these groups have also begun using existing memorials as centers of new commemorative rituals for those who fought and died in the war.²⁵ Whereas such rituals previously tended to follow state-orchestrated choreographies, participants are now developing a range of bottom-up practices emphasizing the commemoration of individuals, even though there is a debate about the extent to which such practices end up buttressing Kremlin-backed geopolitical projects. Examples include the hugely popular processions known as the Immortal Regiment and various secular pilgrimages organized to visit Soviet war memorials in different countries.

Thus, overall, demolition or removal has only been one among many ways of dealing with Soviet war memorials, and hardly the most frequent.

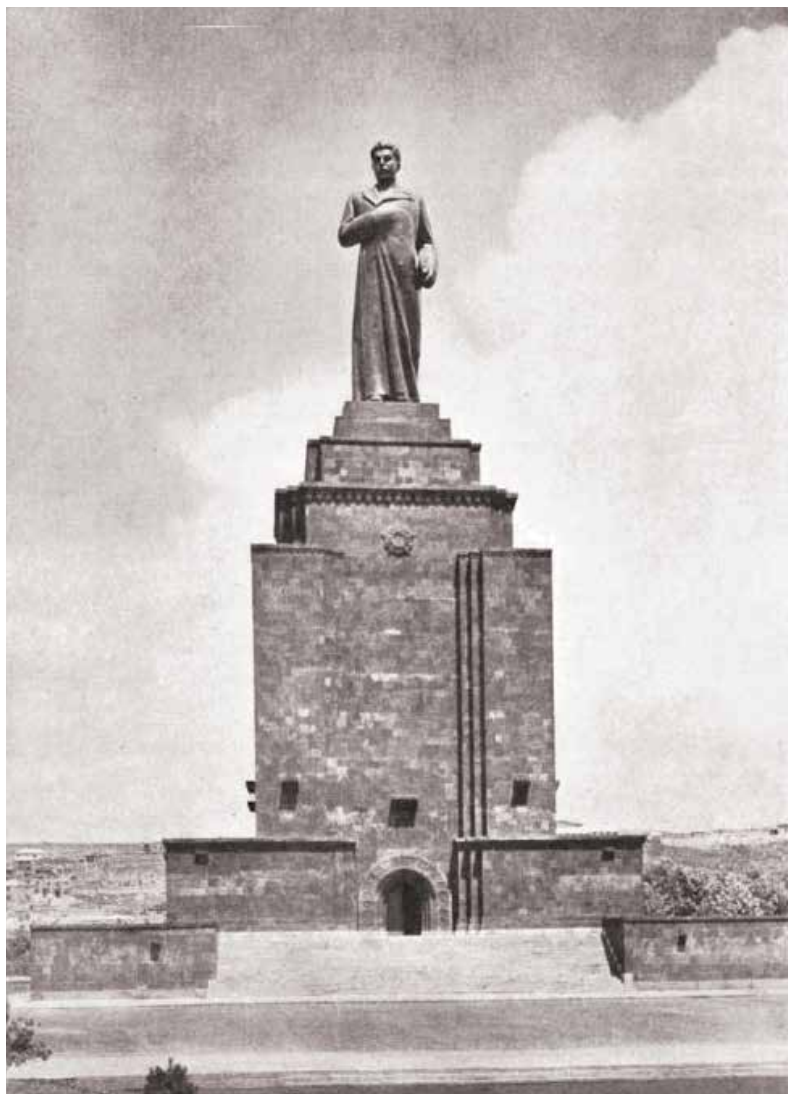
The most spectacular, and most tragic, act of destruction of a Soviet war memorial took place on December 19, 2009, in Georgia. As part of the decentralization of political institutions, a new parliament was going to be built in Kutaisi, then the country's second-biggest city. To make way for it and as a gesture of symbolic deSovietization, President Mikheil Saakashvili ordered Kutaisi's Monument of Military Glory to be blown up. The botched detonation sent debris of the 40 meter reinforced steel structure flying hundreds of meters through the air, killing a woman and her eight-year-old daughter and injuring several other people, some of them severely.

Interpreting the monument as a symbol of Soviet occupation was dubious: after all it was a work

²⁵ See Mischa Gabowitsch, Cordula Gdaniec, Ekaterina Makhotina, eds., *Kriegsgedenken als Event: Der 9. Mai 2015 im postsozialistischen Europa* (Paderborn: Schöningh, 2017); Mikhail Gabovich [Mischa Gabowitsch], ed., *Pamiatnik i prazdnik* (Moscow: NLO, forthcoming).

by two artists from Tbilisi that used motifs from Georgian folklore to commemorate the war dead from the republic. In any case, the top-down decision to destroy it long remained exceptional, though paradoxically there were antecedents from Soviet times.

Detonations and demolitions of individual war memorials had taken place in the Soviet Union as early as the 1950s and early 1960s. Until 1953, memorials put up by local residents or individual army units were sometimes destroyed to make way for monuments more closely aligned with official ideology. After Stalin's death, memorials that commemorated the victory of 1945 in the shape of monumental Stalin statues were singled out for demolition. The victory monument in Yerevan, the capital of Armenia, is one example: the 16.5-meter statue gazing towards Turkey from atop a 33-meter pedestal was dismantled in 1962 and later replaced with a statue of Mother Armenia.

Victory Monument (Stalin Statue) in Yerevan (unveiled in 1950, removed in 1962). Source: Iu.S. Iaralov: Monument I.V. Stalina (Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1952, cover illustration).

In the 1960s, countless early war memorials – typically simple concrete obelisks lined with granite slabs – were destroyed in order to be replaced with somewhat more elaborate monuments. In addition, there were repeated attacks by individuals – for example in Estonia, Poland and East Germany – on monuments to Soviet soldiers and war memorials that they saw as symbols of Russian occupation.

Since 1989 there have also been spontaneous attacks of this kind and acts of vandalism; yet most war memorials were initially spared from state-orchestrated removal, let alone destruction. Be it in Riga or Lviv, Budapest or Brno: while statues of Lenin or of Feliks Dzerzhinsky, leader of the first Soviet secret police, were often systematically dismantled, there were far fewer removals of war memorials and only occasional instances of complete destruction. Memorials selected for removal were typically statues of individual figures from the pantheon of Soviet war heroes – or else tank monuments.

Poland was a partial exception to this rule. In the post-war years, numerous monuments of gratitude to the Red Army had been erected there in central locations that already served as burial sites. Even as soldiers' mortal remains were transferred to cemeteries, the monuments often remained at the original sites, and more were built. By 1993, of the nearly 500 monuments of this kind, 130 were removed from public spaces and often replaced with freedom monuments.²⁶ Crucially, however, this happened through local initiative rather than by directive from Warsaw. Accordingly, Poland saw significant regional and local variation both in policies regarding such monuments and in residents' attitudes to their removal.

The same goes for most other East and Central European countries. Hungary, often cited as a case of early de-communization of public space, can serve as another example. In 1993, after a controversial debate, Budapest's municipal General Assembly decided to open a statue park on the outskirts of the city.²⁷ In addition to other statues from the capital city, this came to house some Red Army monuments, most notably perhaps the Soviet soldier standing at the foot of the Liberty Statue on Gellért Hill. However, the Assembly's decision only concerned Budapest itself. Even there, the large Red Army Monument on Liberty Square has survived acts of vandalism, calls for removal, and counter-monuments. In the case of the monument to Hungary's own Red Army (of 1919) in Budapest, a referendum was even held in which residents voted against removal. Outside of the capital, removal was also far from systematic, as evidenced by the Soviet tank monument in Hortobágy in Eastern Hungary.

In Lithuania, most war-related statuary not marking a gravesite did succumb to a wave of spontaneous iconoclasm in 1990–91, but again this was not due to a central government decision. Many statues were eventually relocated to Grūtas Park, opened in 2001. Among other war memorials, they include several statues of Lithuanian partisan Marytė Melnikaitė and of military commanders associated with the period before 1941. In addition, however, it also includes stones removed from Soviet war graves.²⁸

Acts of removal have continued throughout the post-socialist period. In most cases these have been initiated by local actors and justified with reference to local circumstances. The typical rationale

²⁶ Ewa Ochman, *Soviet War Memorials and the Reconstruction of National and Local Identities in Post-communist Poland*, *Nationalities Papers* vol. 38 no. 4, 509–530, 524.

²⁷ Maya Nadkarni, *The Death of Socialism and the Afterlife of Its Monuments: Making and Marketing the Past in Budapest's Statue Park Museum*, in: Katharine Hodgkin, Susannah Radstone, eds., *Contested Pasts: The Politics of Memory*, London: Routledge, 2003, 193–207.

²⁸ Ekaterina Makhotina, *Between Heritage and (Identity) Politics: Dealing with the Signs of Communism in Post-Soviet Lithuania*. Unpublished manuscript.

has been a desire to find a more appropriate site for commemoration. A reverse development has occurred in a number of places in Russia and Belarus, where new monuments have often been erected in the post-Soviet period in more central, easier to reach locations.

The best-known example of a politically motivated conflict was the one surrounding the removal of the Tallinn Bronze Soldier from its original location in the city center to a military cemetery in April 2007.²⁹ With this decision, the Estonian central government intervened in an existing controversy. The commemorative rituals surrounding Victory Day (9 May) had been growing in popularity as Russian-speaking residents rediscovered the monument as a site of collective self-identification. In response, Estonian nationalists were interpreting it as a symbol of occupation and holding counterdemonstrations in front of it. The government's attempt to resolve the conflict in technocratic fashion³⁰ by removing the controversial monument³⁰ added fuel to the flames, resulting in several days of clashes that left one person dead. In turn, the conflict in Estonia fanned renewed debates about monuments in other countries.

Other types of conflicts arose where monuments had acquired new meanings: as touristic resources, as landmarks for orientation or as improvised skate parks. Thus Legnica, which had housed the headquarters of the Soviet army in Poland, had started using its own central brotherhood monument to market itself as Little Moscow³¹, spurred by the success of a film of the same name – reason enough to resist encroachment from Warsaw. Sofia, the Bulgarian capital, falls in the same category: here those defending the Soviet war memorial included not only embassy officials and left-wing groups, but also skateboarders protective of a space they had appropriated for their own activities.³²

In Ukraine, the decommunization laws of 2015–16 focused on statues of communist leaders, which were easier to interpret as symbols of occupation than memorials to the fallen of an army in which millions of Ukrainians had fought. War memorials were sometimes reinterpreted and inscribed in new commemorative practices, but they were not dismantled. The few exceptions concerned military commanders who also occupied senior political positions. Even this criterion is far from being unequivocal. In the case of the widely respected Soviet Ukrainian partisan leader Sidor Kovpak, even the law's authors admitted not having a clear-cut opinion. Conversely, the Kharkiv city administration kept a statue of Marshal Georgy Zhukov off the decommunization list by invoking its artistic value. One monument threatened with demolition at the time of writing is the Military Glory Monument in Lviv, which is dedicated to victory in the war, but also to the post-war Soviet army – it was quite deliberately erected near the outer border of the Soviet Union soon after its armed forces crushed the Prague Spring. However, the removal campaign does not stem from the decommunization laws: it was initiated by local activists, just as its most active opponents are local preservationists and urban historians.

Thus, despite the Ukrainian and other antecedents, when Poland's national-conservative government launched its campaign in October 2017, it was the first time that a systematic, centrally organized program of removing Soviet war memorials took off in a post-socialist country. An amendment to the

²⁹ Karsten Brüggemann and Andres Kasekamp, the Politics of History and the "War of Monuments" in Estonia, in: *Nationalities Papers*, vol. 26, no. 3, 2008, 425–448.

³⁰ Alexander Astrov, States of Sovereignty: "Nature," "Emergency," and "Exception" in the "Bronze Soldier" Crisis, in: *Russian Politics & Law*, vol. 47, no. 5, 2009, 66–79.

³¹ See the travel guide: Wojciech Kondusza, *Śladami Małej Moskwy* (Legnica 2012), 10–12.

³² Daniela Koleva: Pamiatnik sovetsoj armii v Sofii: pervichnoe i vtorichnoe ispol'zovanie (Neprikosnovennyi zapas no. 101, 2015), 184–202, 197.

2016 law prohibiting communist propaganda explicitly mentioned gratitude monuments and other war memorials. Exceptions can be made upon application, but the law granted the government-appointed voivodes (governors) and government-affiliated Institute of National Memory wide-ranging interpreting and decision-making powers. While government intervention occasionally meets with creative resistance by local administrations and residents, such countermeasures are not always successful.

Thus the most problematic feature of the Polish government's campaign is the deliberate decision to ride roughshod over the monuments' diverse meanings, and wrestle control over public space from local residents by imposing a single top-down interpretation. Indeed, the debate about war memorials is often framed as a conflict between two grand narratives of history, with offended Russian commentators accusing the Polish side of geopolitical affront and attempts to rewrite history. Yet monuments are more than text: over the course of their history they often acquire multi-layered local meanings beyond those intended by their creators or read into them by historians and politicians. This does not necessarily make them less controversial, but it does mean that a controversy about monuments is never simply about who has a correct understanding of history.

Contemporary art as a medium for memory

Alexandra Tsay,

Cultural studies researcher, "Open Mind", Kazakhstan

A number of contemporary artists in Kazakhstan are increasingly exploring the theme of collective memory and trauma in their art practices. In this article, using the case of my curatorial project, the exhibition "Living Memory", I would like to talk about art as a medium for collective memory and artists as memory activists who work with the difficult past and reflect on it. The artistic practices become a form of remembering and the form of resisting forgetting. The art is close to the affective and emotional perception of life, it is a synthesis between analytical and sensual perception, it embodies and transmits what text cannot transmit. The art is an important instrument to work with collective memory and trauma, as it brings the viewer, the person closer to the painful experience common for thousands of people in the past.

The exhibition "Living Memory" is devoted to the history and collective memory of the Stalinist repressions in the 1930-1940s in Kazakhstan – a period which witnessed such events as collectivization, sedentarization, mass famine, violent deportations and the organization of a system of labor camps. The exhibition reflects on suppressed collective memory and personal memory, family stories and the way in which Stalinist repressions are perceived by the contemporary Kazakhstani society. The artists of the exhibition, including Alexander Ugay, Oleg Karpov, Roman Zakharov, Asel Kadyrkhanova, Said Atabekov, Bakhyt Bubikanova, Zoya Falkova, and Rashid Nurekeev, work with memory and trauma, examine the relationship between collective and personal, explore the possibility of remembering, raise the question about archives as our knowledge about ourselves and the way of remembering ourselves.

Photography is one of the main media for memory. It appeared from the desire to catch the moment, defeat the time, it is a certificate of the presence, as Roland Barthes called it. "The certificate of the presence", a photograph is also an artifact of the time, a proof of authenticity of what had happened. The authenticity while working with memory is not a characteristic and the quality, but an attitude, a direction of thoughts and actions. Collective memory in the Soviet and post-Soviet space too often became the object of manipulation, an ideological construct that was built depending on the political agenda. The state, which used repressions, tended to suppress the memory of them. In this context, artists, restoring memory and justice, raise the question of the need for genuine - repentance to the innocent dead and ruined.

Alexander Ugay in his work "Memory - Objects" indicates the impossibility of transferring to the present the experience of the past, especially the difficult experience of pain, and loss, and humiliation. He presents a series of photographs taken in the archives of the Karaganda forced labor camp (Karltag) and the Akmolai camp of wives of traitors to the motherland (Algir). But the artist shows the back side of the photograph, where people usually leave notes, small comments. Alexander makes a reference to what remains outside the image - feelings, thoughts, sensations, tears, unevenness of handwriting. The artist says that even an archival photograph is only a trace, a cast that will not convey what you can only live through. Researchers of trauma write that a tragic experience, a painful experience is very difficult to understand and feel for those who have never encountered it. And this is one of the key questions for working with memory - how can I say something that cannot be said in words?

Oleg Karpov has been working with archives for several years. In his series «Yawning voids» he presents the portraits from the group pictures and vignettes of the 1930s, whose faces were scratched away from the pictures or painted over after the person had been convicted or sentenced to death. The repressive apparatus did not only kill the person, it wanted to erase any mention of him, remove him from the group picture, from collective memory. The rank and position did not matter, everyone could be betrayed and forgotten, from the first secretary of the Central Committee of the Communist Party to its ordinary member. Oleg conducts reverse work, returns names, and collects portraits. His work is a metaphor for many attempts to restore lost memory, the desire to approach, focus on what repressive bodies wanted to expel and destroy. A line of portraits resembles the Soviet and modern tradition of decorating their offices with images of leaders, only the “honor board” has a different look, which indicates the reverse side of the story, which also concerns us, “descendants of negative selection,” as the author writes.

Roman Zakharov also makes reference to archive, but he uses the personal archive, a story of a family, he takes old photographs from the far top shelf. “Family album” – is a story of his family, a very personal story, but the destiny of which was repeated by thousands of families. Susan Sontag wrote that through photographs every family constructs its own chronicle – a portable set of images, evidence of its existence and the ties that connect them to each other. A family album is created and stored in almost every house, it tells about happy moments, about loved ones. The “Family Album” by Roman Zakharov is not only a personal chronicle of the artists, but the story of so many, whose family albums consist of the same pages and documents.

Asel Kadyrkhanova, an artist and a doctoral candidate at the University of Leeds, explores post-Soviet memory and trauma through art. She works with theories of post-memory and trauma in her artistic practices, referencing to the consequences of trauma – an extreme event or an event of extreme brutality can last theoretically indefinitely. Symptoms of trauma appear lately, because at the time of incident, the mind is not able to perceive what has happened. But later, the traumatic experience returns in the form of repetitions and flashbacks. An individual who has survived the trauma does not seek to forget it, but wants to remember. Kadyrkhanova’s work “Windows of tolerance” is the reproduction, repetition of trauma that exists in the body of the city in form of window bars. The city inhabitants are inheritors of collective experience, which they remember, but would it be possible to forget? Asel embroiders the elements of window bar with red threads, constructing and deconstructing the collective memory, she embroiders with a seam she learnt from her mother, who learnt it from her mother. The artist explores the family memory working with collective experience.

Zoya Falkova dedicates her artwork to the deaths of livestock and the people during the period of collectivization and the great famine in the 1930s. According to different sources, from 800,000 to 2.5 million people died during that period in Kazakhstan. The artist uses real objects - human, horse and lamb teeth, showing the close connection and dependence that existed between nomads and cattle. Mirror reflections create the effect of repetition, the endless steppe and the endless space for memory of those events.

Art is a form of remembering, a part of cultural memory, but it can also be a means of questioning conventionalized narratives, resisting the instrumentalization of memory. For a person to preserve his memory is to preserve his individuality, for a society, remembering means having hopes for the better future. Critical collective memory, asking questions and judging, gives us hope. To paraphrase Aleida Assman, hope and memory are the most ephemeral and fragile of what make us human beings.

Asel Kadyrkhanova, «Windows of Tolerance»

Zoya Falkova «Open Sky Mouth»

Cultural Opposition - Courage – Connecting collections. The COURAGE project

Sándor Horváth,

Institute of History, Hungarian Academy of Sciences

COURAGE: Cultural Opposition – Understanding the CultuRal HeritAGE of Dissent in the Former Socialist Countries <http://cultural-opposition.eu/>

Intro video by Euronews: <https://youtu.be/B9Tl28csyVY>

1) The challenge

Eastern Europe, despite the fact that many of its countries are EU members, remains largely incomprehensible to the West. This is partly because its history and culture have not been integrated into a common European cultural memory. Despite all the efforts to the contrary by a cohort of excellent scholars, the recent history of the region is still dominated by accounts narrowly focusing on political events, and culture under Communism is still associated with dull propaganda art and boredom. This is, however, just one side of the full picture. This approach neglects the plethora of personal strategies and practices of dissent that did not necessarily take the form of political opposition or active resistance but manifested in nonconformist cultural practices. In the final account, behind the official forefront of propaganda, there often flourished highly innovative forms of culture that responded -- and not only in an imitative way -- to developments on the other side of the Iron Curtain. Further, simplistic accounts propagated by contemporary governmental memory politics all over Eastern Europe suggest that the story of Communist dictatorships is a story of easily identifiable victims and perpetrators. The COURAGE project works towards changing these clichés that overlook the wide “grey zone”, and develops tools for understanding the historical dynamics of Eastern European societies that have consequences for today.

The problem is that this alternative culture under Communism was (and still is) poorly documented. This is for obvious reasons: while state-supported culture easily found its way to archives and museums, and is often still to be found (despite the removal of many Communist-era monuments) all over the urban space, collecting and documenting various forms of nonconformist art was not so easy. The practice of collecting and documenting often was a result of a clandestine practice tolerated by the institutions at best. There is a threat that this entire scene, particularly its most strongly countercultural elements, will fall into oblivion, despite its importance both aesthetically and as a crucial source for understanding history and present-day life in Eastern Europe. These are the challenges that required response.

2. Key results addressing the challenge

First, the COURAGE project created a platform for all the scattered and mostly hidden collections representing nonconformist or counterculture in order to enhance the networking capacities of the institutions holding these collections, and call the attention of researchers, educators, students and the general public for the interesting materials they contain. This continuously growing portal that we call the Registry is already available online in 15 languages (<http://cultural-opposition.eu/registry/>).

Second, we turned the traditional approach to cultural history upside down. Instead of studying the movements themselves, we turned our attention to how these movements were documented. History is forged in the private or public archives at the first place. The decision that somebody preserves a set of objects (images, manuscripts, music recordings, etc.) and arranges these in a particular order has a great effect on how researchers perceive and interpret the materials. Also, the simple fact that some collections are more visible and accessible, and some are less, will have a profound impact on what kind of stories the historians tell. On our platform, we aim to present how the collection was set up, who and why created and enriched the collection, and what social or political uses it had. Therefore, it is not a simple database, but a complex and unique research tool.

Third, we channel our research to secondary and higher education by developing curricula, interactive online teaching materials and a comprehensive handbook on cultural opposition: our aim is to involve the youth by playful learning methods. We are working with a great number of audio-visual materials: the fine arts, photos, classical and popular music, secretly printed samizdat publications, underground posters for concerts and alternative theatres, experimental videos, documentary films, performance recordings, and many more. We address the wider public by organizing the documentary film festival in several European cities accompanied by travelling exhibition and concerts, and let citizens meet the protagonists of the underground scene during Communism.

Shared Memory after the End of the Totalitarian Communist Era in Latvia

Edgars Engizers,

Faculty member, Baltic International Academy, Latvia

Let us start by defining some terms. In the context of this report, the term “Totalitarian Communist Era” the whole period of communist rule over Latvia (1940-1990) is understood as totalitarian, as total control over society is notable not only through violent and repressive Era of Stalinism, but also before that (unsuccessful attempt to establish Bolshevik rule in 1918-1919) and after (including wide usage of Orwellian nonviolent means of total control of society). The author shares the opinion that totalitarianism is based not only on the level of violence and repressions executed by the regime over its people, but also on the level of control it has obtained over various areas of people’s lives, including ideological control, by various means, including nonviolent.

Modern Latvian society is sometimes characterized, on the basis of differences in collective memories on soviet “heritage”, as being of a dual nature (in reality there is much wider pluralism of shared memories in Latvia). But there are certain preconditions to mark also this mentioned duality: social/historical/ideological background of many of so called “russianspeakers” lies within socium of soviet period migrants (including political and military authorities of occupational regime) who have lack of family ties with Latvia in longer perspective, but instead of that are linked with ideological socium which was formed by and around soviet military community of Baltic military district with its center in Riga; many of Latvians have personal links with people repressed by soviets during Stalinism era; confronting duality of Popular Front of Latvia and Interfront during Perestroika period transformed into latent form of ideological struggle. This imagined duality could be illustrated by delusions of lost glory and leading role in society by one and by self-victimization and desire of restoration of justice by another group. In reality – majority of active part of Latvian society forms completely different group – a generation without their own memories of USSR and personal sentiment and also lack of knowledge toward one or another ideological judgement of the recent past. Generally, memories over soviet past are not shared in families, but constructed by system of education, media and various (state and non-state) actors of historical policy.

Within these two metagroups are significant plurality and historical mnemonical disputes are notable in anti-communistic part of Latvian society. Restoration of independence on the basis of the concept of state continuity brought some latent conflicts into common historical perception: firstly, the concept of restoration of independence proclaimed in November 18, 1918 doesn’t gives a clear answer – to the question if this statehood was lost in 1940 because of soviet occupation, or if it happened in 1934 when democracy was disbanded by authoritarian Coup d’Etat. This debate is fueled by state policy of restoration of democracy and live family memories which in late 80ies/early 90ies mostly covered authoritarian prewar period which, subjectively in people’s minds were marked as “a golden period” before the war and soviet repressions. Secondly, there were two forms of restoration of independence discussed – through winning of elections in a supreme council of Latvian SSR or through so called Citizen’s Congress. Independence was reestablished through victory of Popular Front of Latvia in soviet elections, and this solution did not satisfy the former leaders and supporters of Citizen’s

Congress. And finally – the roles of so called bright (moderate) communists in a struggle against hard-liners, Latvian emigrees and former Forest Brothers³³ and nationalistic and/or dissident underground brings us toward a various evaluations of the process of restoration of independence as a whole.

Anti-communist revisionism (1987-1999)

The first shift in formation of common memory is linked with the re-evaluation of the past during Perestroika not only in Latvia, but on highest political stages of USSR where condemnation of Molotov-Ribbentrop pact was declared in late 1989. Following decade is marked by denial of all things soviet and uncritical shift toward pre-war historical narratives and their adaptations from emigres' community. It is important to note also, that socially active generation of late 80ies / early 90ies experienced their youth years a decade before – no matter what limits had existence in soviet lifestyle – perception of youth, the fact that time it wasn't so violent in comparison to war time or Stalinism era, and following experience of uncertainty in wild 90ies are important forms specifics of shared memories by these people. Already in late 80ies the ridiculization of USSR in public opinion was obvious. Political anecdotes of that time prove that. But that doesn't mean that regime has lost its totalitarian framework.

Westernization (2000-ongoing)

With the new generation – those who had not been involved in soviet power relations and gained their initial education in western oriented state or even in west itself, there are appears of significant changes in history-writing and formation of common memories. Grown up Children of Perestroika have developed not only strong link to geopolitical western orientation of the state, but also to western approaches and practices to building of common memory. One of most recent evolutions in common memory building is connected with commemoration of victims of Holocaust, turning stress of commemoration from ethnical stress on Jews as a victimized group to a identification of them as equal citizens of Latvia. This step significantly raised compassion of wider society as it turned the identification of group (and also common memories) from exclusional ethnic to inclusional civic one. This also illustrates a wider shift of ethnocentrism in self-identification and memory-sharing, which was core of ideological struggle for restoration of independence, to more globalized and civic oriented approach.

Memory-sharing often transforms from individual to collective phenomena, but, if individual memory-sharing acts as a form of cure of personal/family traumas, collectivization of this process often leads to formalization of narratives, myth-building, transfer of personal traumas to collective ones and unnecessary simplification – as in Hollywood movies. This Hollywoodization of shared memory leads to binary (good/bad) perception of past and deleting of borders between truth and fiction.

Most recent development of memory-sharing and result of evolution of archive opening (with lack of academic comments and in-depth research) followed publication of KGB files with the agent lists. Failure of government-appointed Commission for the Study of KGB Materials and following jour-

³³ **The Forest Brothers** - (Estonian: metsavennad, Latvian: mežabrāļi, Lithuanian: miško broliai) were Baltic (Estonian, Latvian, and Lithuanian) partisans who waged guerrilla warfare against Soviet rule during the Soviet invasion and occupation of the three Baltic states during, and after, World War II.

nalistic research made real a kind of **KGBagentization of common memory** of late soviet period – overall public demand for condemnation of KGB agents without understanding the KGB and LCP and CPSU and Soviet system behind them. In public debate it seems that everything in soviet system of control and repressions was about KGB agents – not KGB officers, not decision-makers of CPSU or trade unions or Comsomol organization as real active state policy driving actors – only KGB agents, and that in authors' opinion is a significant threat to public awareness of the past in general.

Another mentionable factor that influences Latvian collective memory building is **Kremlin's memory war**. Collective perception of the Past as a mean of evaluation and determination of the Present is considered as important element to ground geopolitical stance. History of Latvia (and memories of Latvian people) as integral and undoubtful part of soviet history is perception which guides many of sociopolitical actors of memory-sharing and building of identity. But also raise of geopolitical tensions after annexation of Crimea by Russia led toward raise of conservatism in anti-Soviet stance in common memories shared in Latvia on soviet past. Uncritical glorification of soviet past and undebatable demonization of any criticism of soviet history which is taken by Russian authorities as a core of nation building and diplomatic pressure on Latvia since it chose to join NATO and EU is one of main collision points also between shared memories on totalitarian communist era.

Besides that, shortages of human resources in historical research, the inaccessibility of Russian archives, where many sources for Latvian history are stored, fragmentation of archival sources in Latvia and also psycho-emotional denial of victimization and negativism in historical narratives in younger auditory as well as denial of soviet past per se or unacceptability of collapse of soviet regime in ideologically divided older generation leads to collective amnesia instead of memory sharing. Families are failing in sharing memories of totalitarian communistic regime as in many cases these memories were banned and partly lost already in the communist era and afterwards practices of memory-sharing were institutionalized by other actors, but in another cases – these memories are shaped by lost glory of former authorities of totalitarian regime. Western orientation of generation of children of perestroika and following ones leads to situation that majority do not share memories, do not remember and actually – do not care about soviet past.

Seventh Session: Forgetting the Crimes of Totalitarian Regimes and How to Avoid It

Archives, Conspiracies, Conspiracy Theories: the Case of the Bulgarian Orthodox Church

Momchil Metodiev,

Researcher, the Institute for Studies of the Recent Past, Bulgaria

Understandably, the expectations from opening of the communist secret services archives are high. Society hopes that the archives will provide long awaited answers on the communist regime and its collapse, and that this step will lead to greater transparency of institutions, it will restore the justice, and pave the way for meritocratic development of the new elites. All those hopes are understandable and reasonable. At the same time, opening of the archives brings number of unforeseen challenges. The main challenge is the possible discrepancy between the information, revealed in the archives, and the public convictions, already established during the early years of the transition. How do the public and institutions react when the revelations from the archives not only do not confirm but even contradict the already established perceptions?

A good case study in this regard concerns the Bulgarian Orthodox Church. After the collapse of communism in 1989, in Bulgaria, the problem of opening of the State Security archives remained important but for quite a long time unresolved issue. Immediately after 1989, the former State Security officers destroyed about 40% of personal files, which gave them ground afterwards to insist that opening would have been useless and the truth would never be revealed. Nevertheless, after several unsuccessful attempts, in late 2006 the Bulgarian Parliament adopted a Law for the access to the former State Security archives. Accordingly, in 2007 was established the so-called "Dossier Commission" with three main tasks: first, to create and supervise centralized archive of all communist era secret services; second, to provide access to this archive for victims and researchers; and third, to verify different categories of the post-communist state and public elite for affiliation with the State Security. Surprisingly for many (including myself), during the following years the Commission started to fulfill its statutory tasks, and gained public trust. After series of reports for different groups of the political and economic post-communist elite, in the beginning of 2012, the Commission announced that its next report would be on the leadership of the Bulgarian Orthodox Church.

The Church had just overcome deep crisis. Perceived as pillar of the national identity, at the beginning of the transition, the Church was viewed as a victim of the communist regime, and the large section of society expected that it would support democratic transition and decommunization. Instead, in the early 1990s, the Church leadership became involved in bitter internal disputes. In 1992, part of the Church's leadership demanded the resignation of Patriarch Maxim on the grounds that he had become Patriarch with the support of the Communist Party, evidence of which was found in

the archives. That was the beginning of a large-scale and lasting internal “Schism” within the Church. The conflict was accompanied by the occupation of buildings and churches, mutual accusations and even clashes between supporters of the two groups. The public became persuaded that the group of Patriarch Maxim (so-called “Canonical synod”) was close to the former communists, while the other group, the so-called “Alternative Synod,” demanded decommunization of the Church and church life. This group was led by three metropolitans: Metropolitan of Nevrokop Pimen (elected as “Alternative Patriarch”), Metropolitan of Stara Zagora Pankraty and Metropolitan of Vratsa Kalinik. The crisis, which became famous as the “the Church schism” was resolved as late as 2004 when the unity was restored with the support of the Ecumenical Patriarch Bartholomew and the state.

The truth was revealed 10 years later. In 2012, the Church leadership tried to suspend the Dossier Commission report on the ground that it represented undemocratic interference of the state in the church life. Despite the opposition, in January 2012, the Dossier Commission published its report on the affiliation of incumbent Metropolitans at that time with the communist State Security. Later on, the Commission also provided the researchers with the access to the personal files of all Metropolitans from the communist period. The 2012 report revealed that 12 out of the 15 incumbent Metropolitans were recruited in the communist period as State Security collaborators, either as young monks or bishops. The information was accepted as an extremely unpleasant surprise. The only good news was that ageing Patriarch Maxim was not among the State Security collaborators. At the same time, it became clear that among them were all leading figures of the so-called “Alternative Synod”: the Metropolitan of Nevrokop and “Alternative Patriarch” Pimen was the only State Security agent in the Synod in the 1950s with a codename “Patriarch”; Metropolitan of Stara Zagora Pankraty, known as the “foreign minister” of the Church, coordinated the foreign activities of the Bulgarian Church not only with the Bulgarian State Security but also even with the Soviet KGB; and Metropolitan of Vratsa Kalinik was among the most important “agents of influence” of the state within the Synod.

The most spectacular, however, was the case of the Metropolitan for Western Europe Simeon, who remained loyal to the “canonical synod” in the 1990s, whose file consisted of 30 volumes. It became clear that in 1966, he was sent to America with the hope of becoming Bulgarian Richard Sorge. Working under cover as a priest, he was at the same time the State Security highly secret operative officer and member of the Bulgarian Communist Party. In America, with the consent of his superiors, he obtained American citizenship, which enabled him to travel easier in the world, ascending at the same time the Church hierarchy. After losing the trust of his superiors, he was recalled to Bulgaria in 1978, his passport was revoked, and he disappeared from the public life. Worried about the fate of the citizen of his country, the US ambassador requested information from the Bulgarian deputy foreign minister, and unsurprisingly, he received the answer that Church is separated from the state and Simeon’s future is Church affair. Early in 1979, the State Security officers learned with astonishment that Bishop Simeon had returned to America. It became clear that the US consul in Sofia succeeded to find him and helped him leave Bulgaria illegally and return to America. State security was facing its biggest public failure. Moreover, those events coincided with the killing of the Bulgarian writer Georgi Markov with the so-called “Bulgarian umbrella” in London, in September 1978. It remained unclear what and how much information Simeon revealed to the Americans, but finally his superiors in Sofia offered him to become

a bishop for Western Europe. The deal was struck at the meeting in Uppsala, Sweden, attended by Metropolitan Pankraty, Metropolitan Simeon and their case officer from the Intelligence department Hristo Marinchev. His report after the meeting is accompanied with photographs of the three and with a note that the two metropolitans traveled “in civilian clothes to avoid the attention of the locals”.

The newly opened State Security archives revealed many other important facts and details, including information on clerics, who were repressed and monitored by the State Security, among them also two of the heads of the Church during the communism. The careful reading of the archives proved that the vast majority of members of the Synod during the communist period were actually monitored by the State Security, and the number of the State Security collaborators started to increase as late as the mid-1970s. The opening of the archives proved to be important and revealing step.

All that, however, remained in the shadow of the scandalous revelations from the 2012 Dossier Commission report. How did the society and the Church reacted to the revelations? After a while, the public astonishment gave way to conspiracy theories that immediately sought to explain the contradiction between the public perception for the “Alternative Synod” as anti-communist force and the information revealed in the archives. Two of those theories have become particularly popular. First was that the Commission (meaning the state) has hidden the file of the incumbent Patriarch Maxim. This theory was based on an isolated information from the archive, in which a State Security officer claimed that Maxim was also a collaborator. As a result, the Commission made all possible checks on this claim but never found evidence for it. The second conspiratorial explanation that became popular was that the whole Schism was initiated by the former State Security with a view to undermine the authority of the Church. A tempting explanation, which contradicts the facts: the State Security collaborators were evenly distributed between the Alternative and the Canonical Synod. Therefore, the most plausible, though less appealing, explanation for the “schism” is that part of the Church’s leadership, especially the most active State Security collaborators, initiated the schism in an attempt to whitewash their biographies under the new political regime.

How did the Church respond? Not surprisingly, with silence. Attempts by the Synod minority to initiate some sort of public apology have failed, since the majority did not accept their proposal. The silence of the Church leadership on such a sensitive issue alienated it from that part of the public that over the years insisted on the opening of the archives. When it lost the support of these circles, the Church leadership started to depend more and more on the support of the public and noisily promoted the newly fashionable “identity politics”.

Conspiracy theories combined with identity politics: this is the perfect environment for the emergence of the populist elites, who are becoming more and more powerful in Central and Eastern Europe today. The opening of the archives is an important element of the democratization of society and this process must continue. The new populism is not the result of the opening of the archives. However, the case of the Bulgarian Orthodox Church is a proof that opening of the archives alone is not enough to reveal the “truth” and establish justice in the society. It is only one, albeit important part of the process of democratization, which should be complemented with establishment of the rule of law and the existence of strong and independent media. When one of these elements is missing, the opening of the archives can be misused by the people with not so honest democratic intentions.

From left to right. Metropolitan Simeon, Hristo Marinchev, Metroplitan Pankraty. Uppsala, 1979. Source: Bulgarian Dossier Commission (stamp on the top)

How to avoid the Forgetting of the Crimes of Totalitarian Past: The Case of Estonia

Meelis Saueauk,

Senior Researcher, Institute of Historical Memory, Estonia

The memory politics about the crimes of totalitarian past is more or less different in every country. And not only politics, since the memory about the crimes lives on also without the respective politics and even under the politics of forgetting. For that reason, the state and government actors and their political will are of extreme importance. When we talk about the measures, we could primarily speak about the research, support to the victims and legal steps towards the perpetrators.

In the case of Estonia, we could talk about the Nazi and Communist crimes. Since the topics of the conference are primarily about the Communist past, let us concentrate on this period, years 1940-1991 (In 1941-1944, Estonia was under German occupation, but there were also thousands of political prisoners, including the Estonian elite, in the Soviet times as the crimes against them, murders, imprisonment and deportation in inhumane conditions continued). We could speak about approximately the 75 000 individuals from Estonia, who were murdered, imprisoned or deported by the Soviet powers on political grounds. It is quite a large amount of the population, considering that there were only 1.3 million inhabitants altogether in Estonia before 1940.

Historical research of the crimes has become an important public topic in 1988 already. In 1991, Estonian National Archives replaced the archive of Estonian Communist party and the KGB handled over some limited amount of their archive to the Estonian government, which was transferred also to National Archives in 1993-1995. It was already decided then that the Estonian government would not consider the former Soviet state secrets as Estonian secrets and for that reason the KGB and other Soviet documents were not classified any more and the full access was guaranteed for the researchers. The KGB materials consisted mostly of the investigation, deportation, special control files, etc. Some important operational materials of the 1940-1950s made it possible to provide significant research on the topics of Communist crimes and Stalinist period in general. Although the first researches were soon published, it soon became clear, that the creation of a special institution for the research of the period of occupations could have been necessary. So the State commission of Research of the Repressive politics and Estonian International Commission for Investigation of Crimes against Humanity (IKUES, 1998) were established. Under IKUES, the research body of historians was created. The IKUES was reorganised in 2008 and 2017 as the Estonian Institute of Historical Memory. Both commissions were designed for historical research, without any legal obligations. They were designed to support and provide the historical research and their researchers had the same conditions of access and publications as other researchers at universities and elsewhere.

Also the total rehabilitation of persons, who were persecuted on political grounds, started by the rehabilitation law of 1992 (before that, there were only partial rehabilitations). There was also a restitution of property. After that, the government initiated the law for supporting the survived victims of crimes and repressions of totalitarian regimes. In 2003, the repressed persons Act was adopted by Estonian Parliament for that reason. Another aspect of commemorating the victims and crimes is the erections of memorial sites. It was only in 2018 when the National Memorial for Victims of Communism

was erected in Tallinn. There are the names of 22.000 victims on the Memorial but it also includes the Electronic memorial with the more refined data of possibly all victims.

In the beginning of the 1990s, Estonia joined the international conventions, dealing with the crimes against humanity and other international crimes. In 1994, the additions to the Penal Code about the Genocide, War Crimes and Crimes against humanity was adopted. Also, the special investigation unit under the Estonian Security Police Board was established for the legal investigation of such crimes. Nowadays, there are some 10 individuals convicted for committing the crimes against humanity, mostly the officers, who participated in deportation operations. During the last years, there have been no such court cases any more, and it is obvious that the investigation of the totalitarian crimes is transforming into the historical research completely. Research, awareness-raising and educational measures can be the best guarantee to avoid forgetting the crimes of totalitarian past.

Historical memory, de-Communization, and de-Sovetization: the role of current Russian Government and post-Soviet elites

Parviz Mullojonov,

Visiting researcher of the University of Uppsala

Main points of presentation

The process of de-Communization and de-Sovetization in the post-Soviet space is especially complicated and ambiguous as it is influenced by a number of factors of political and historic character. In general, the goal of getting rid of Soviet and Communist past was declared by all former Soviet republics right after the collapse of the USSR but none of them has managed to complete the process. This setback is caused by a combination of several major factors:

- The role of Russian Federation which remains the main stakeholder and the most influential geopolitical actor in the region. Russia is officially considered as the only legal successor of the Soviet Union and the current Putin's leadership pays a considerable attention to the issues related to the Soviet past;
- Local post-Soviet political regimes which remain ideological and structurally closely connected to the Soviet past and Communist history of the region;
- One of the most important, although less discussed, factor is the public perception of the Soviet and Communist past and the Soviet Union in general. The public opinion and mindset in the Central Asian region is distinguished by a strong sense of nostalgia towards the Soviet past and non-critical perception of the history of political repression of Stalin's period;

In this regard, a series of questions arises such as: what is the actual influence of these factors? Why they are so persistent? And what are the actual prospects for the de-Communization processes in the post-Soviet Central Asia? In order to answer these questions, let's analyze each of the above mentioned factors separately.

1. Russian Federation

The current Russian political leadership perceives the issues of de-Communization and de-Sovetization in the post-Soviet republics extremely painfully for the following main reasons:

- First of all, the Russian political elite predominantly perceives the criticism towards the Soviet past as an attempt to undermine the ongoing process of political and economic re-integration of the post-Soviet republics. The Putin's Government actively pushes forward various integration models, obviously considering them as the primary tools in ensuring the leading positions of Russia in the post-Soviet space. Thus, Russia extremely politicizes the historical memory issues; within this political framework, the condemnation of Stalinism is often regarded as a rejection of the current integration process;
- Second, there is a phenomenon of idealization of the common historical past (especially the Soviet period), which is officially regarded as a glorious period, the source of common sense of proud and the case of emulation. The current official ideology in Russia deemphasizes the role and

scale of Stalin's repressions and even justifies them by the 'necessity of strengthening the State and enhancing the industrialization processes'. The idealization of the common historic past as well as the nostalgia toward the Soviet period widely shared by Central Asian population - are the important components of the Russian "Soft power" in the region. The Soviet past is a significant aspect of geopolitical ambitions of the Russian leadership throughout the Eurasian region.

In this regard, the Russian leadership considers the majority of initiatives of purely cultural, non-political character in the field with a bit of suspicion and disbelief. For instance, the Russian Government perceives the process of changing local alphabets from Cyrillic script to the Latin-based style favored in Kazakhstan and Uzbekistan extremely negatively; there was also the same negative attitude demonstrated regarding the changing the form of last names in Tajikistan (when the local Government adopted a ban on giving newborn babies last names with Russian-style endings, etc.). The Russian government and official media pay a special attention to the local history textbooks and academic writings, often publicly condemning any attempts to criticize many sensitive aspects of the Soviet history – for instance, the role of central KGB in promoting public disturbances during perestroika.

- Third, the geopolitical reality in the region is that the Russian Federation and its "Soft-Power" is forced to rely on the most conservative and Communist parties in the region, the overwhelming majority of which shares an extremely negative and critical attitude towards the de-Communization and de-Sovietization processes. This an additional and extremely important phenomenon that considerably influences the entire aspects of the Russian foreign policy in the region.
- In contrary, local (Central Asian) nationalist parties, national intelligentsia and secular opposition traditionally share an extremely critical attitude towards the Soviet past and Stalin's period. Since the Perestroika, many of local national rival movements and liberal political parties declare de-Sovietization a key element of their ideology and an important aspect of their long-term strategy.

Correspondingly, the Russia Federation and ruling Central Asian elites often act as allies with regard to local nationalist intelligentsia, political opposition and its plans to revise the Soviet and Communist legacy

2. Political elites of Central Asia

It should be mentioned that the ruling regimes of Central Asia pursue a rather ambivalent policy regarding the de-Communization and de-Sovietization processes in the region. Thus, on one hand, the ruling elites – especially right after the collapse of the USSR – supported the de-Communization as a part of their national ideology (referred as 'National Idea' or 'National Purpose') and nation-building strategy. The Central Asian Government attempted to fill the ideological vacuum that appeared after the collapse of the Communist ideology by a new set of ideologies relying mainly on the pre-Soviet historical past and legacies. For this purpose, in the 1990s, the local post-Soviet elites initiated a large-scale revision of history including the Soviet period. The most persistent policy in this direction was pursued by Islam Karimov, the Uzbek President. Under his rule, Uzbekistan has undertaken a large-scale and profound revision of the nation's history – including the Soviet past. Thus, an important part of the Uzbek post-Soviet national ideology is a condemnation of Stalin's repressions, officially described as a Moscow's purposeful strategy aimed at destroying national intelligentsia and

'freedom-loving national cadres'. Islam Karimov used such a negative description of the Soviet past as an instrument to strengthen his own rule, justify the right of Uzbek nation for independence and build a link between the current statehood and pre-Soviet past.

However, on the other hand, the Central Asian ruling regimes finally decided to considerably limit the process of de-Communization and de-Sovietization. For this purpose, the majority of them (including also Islam Karimov by the end of his rule) have constrained the process of history revision and exploration of the political repressions under the Soviet and Stalin's rule. Therefore, today the issue of Stalin's repressions is completely silenced (like in Tajikistan) or explained in the rather vague and uncertain terms.

This current ambiguity of local Governments' approach can be explained in the following way:

First, all ruling regimes of Central Asia still maintain close ideological links with the Communist ideology – many of local top-level leaders grew up and received educated under the Soviet Communist Party and Marxist ideology. Their worldview, perception of Soviet history, economy and politics are still heavily built on this steady ideological background. Besides, as the current regimes are using the same methodology of maintaining power as Stalin, they wouldn't like to have this linkage being noticed by the local public and society.

Second, today the local political regimes have to take into account the position of Putin's Government regarding the condemnation of the Soviet past and de-Communization process. For instance, the Kazakh Government has to take into account the Russian leadership' position with regard to the phenomenon of a large-scale famine occurred in Soviet Kazakhstan in the 1930's.

Third, there is a number of internal political factors in each country – for instance, in Tajikistan, the Government confronted the local oppositional parties many of which actively promoted the issues of de-Commination and de-Sovietization.

3. Civil Society: Public Perception and Mindset

Due to these ambivalent policies of both the Russian leadership and local ruling regimes, the level of de-Sovietization of public mindset still remains at a rather low level. Moreover, there is even an opposite process in place – the rise of Stalin's popularity, the growing sense of the Soviet nostalgia, the increasing proportion of population that justifies the political repressions of 1930', etc.

For instance, in 2009, more than 35% of the Russian respondents positively assessed Stalin's personality; in 2008, according to 'Levada Center', 70% of the Russian citizens approved Stalin and only 14% of them regarded him with a bit of outrage.

In Central Asia, the similar processes are undergoing. In Kazakhstan, 35% of respondents share a positive attitude towards Stalin; 39% - negative, 19% - regard him neutrally and 6% failed to give a definite answer. In Kyrgyzstan, 61 % of respondents positively assessed the personality of Stalin; 11% of them share a negative attitude and 19% regard him neutrally. In Tajikistan, the positive attitude is shared by 57% of respondents; 14% - negative and 19% regard him neutrally. In Uzbekistan, the proportions are as follows: 53% share a positive attitude, 12 - negative and 18% regard him neutrally.

Concluding remarks – different perceptions of historical memory

Today, each county of the post-Soviet region shares a rather different perception of the key events of the Soviet past. In order to see that difference and define the roles played by various actors in the

process, the author analyzed the perception of four main events of the Soviet-time history publicly discussed in the region:

- I. *Repressions of the 1920-1930s* – establishment of the Soviet power, collectivization, and period of resistance – Basmachi movement;
- II. *Famine in Kazakhstan in the 1930s*;
- III. *Repressions of 1937-39 under Stalin’s rule*;
- IV. *Forcible resettlement of population during Stalin’s rule* such as the forced relocation of the Tajik highlanders from mountains to the valleys for cotton cultivation in the 1950s and the displacement of the so-called ‘repressed peoples and groups of population’.

Each of the events have remained at the core of public attention for several decades. At the same time, they are differently perceived by the main actors in Russia, local Governments and civil society. The differences are provided in the Table 1 below; there is an obvious discrepancy in perceptions that are worth to become the subject of further deeper studies and analyses in the future.

Table 1. Differences in the perceptions of the main historic events of the Soviet past by various actors in Central Asia region

N	Subject of public discourse	Russia	Governments	Civil Society in the region
I.	Repressions of the 1920-1930s – establishment of the Soviet power, collectivization, and period of resistance – Basmachi movement	In general – mixed and uncertain interpretation/ and strict condemnation of Basmachi movement	Rehabilitation of political leadership of the 1930s (repressed by Soviets) and partial rehabilitation of Basmachi movement	Not a unified position although the majority of the modern NGO’s, youth groups, free-minded intelligentsia condemn repressions and partly justify Basmachis
II.	Famine in Kazakhstan in the 1930s	Ignorance, denial or description as the mistakes of collectivization policy	Partial recognition by the Kazakh Government with taking into account Russia’s position	Trends towards recognition as a genocide
III.	Repressions of 1937-39 under Stalin’s rule	Growing tendency of silence, ignorance or justification	Partial recognition. Day of memory in each of the country except Tajikistan	
IV.	Forcible resettlement of population during Stalin’s rule such as the forced relocation of the Tajik highlanders from mountains to the valleys for cotton cultivation in the 1950s and the displacement of the so-called ‘repressed peoples and groups of population’.	Main discourse towards justifying it as ‘a historical need’	Silence	Mainly in public memory and mindset of repressed ethnic and social groups

Esimde (I remember) - memory: science, activism and citizenship

Elmira Nogoibaeva,

Director of the analytical center "Policy Asia"

Memory studies is a field of the humanities which has become very relevant recently. The subject is especially important in the post-Soviet space, where the processes of de-colonization and de-Sovietization have not yet been completed, and moreover, a clear retreat is obvious. The ideas of nostalgia, the supremacy of autocracy and its past leaders - Stalin, Ivan the Terrible, Dzerzhinsky and others, once again hover over the society that did not recognize the tragedy of being imprisoned behind an iron curtain. When, as it turned out during the period of openness, internal losses sometimes exceeded external ones, in a "righteous struggle" with something or with someone. And this was not only an enemy understandable as during the War, but also a constant internal one, which was fought with no less mercilessly, that we can see by the dense network of internal Gulag concentration camps.

History repeats itself. Today, this "war with witches" in the countries of the former USSR is returning, the discourse nowadays speaking of "foreign agents", putatively guilty of various "violations". "The one who remembers" is dangerous, he or she remembers and knows what is actually meant by such terms as freedom, dignity and personality.

The conference in Tbilisi made it possible for people and organizations studying memory to gather. Today, it is no longer just a science. Engaging in memory is not easy, often it is a dangerous task. Perhaps because this type of activity - remembering, talking, restoring those events, just remembering through diaries, streets, biographies and fates - is activism. Civil activism. We have the right to remember. We want to know and remember. We want to pass on this memory to our children.

Therefore, it is important for us to know the experience of our neighbors, all those who were able to open this memory and save it. In Tbilisi, we eagerly visited the Museum of Occupation, where the Georgians created their retrospective of the independence of both the state and the people. Through adversity, betrayal, loss and murder, as well as through the memory of dissidents, of those who carried this spirit of freedom. We visited the Archive, the open temple of memory, so inaccessible to us - most of the countries of Central Asia, the Caucasus, Russia, etc.

Perhaps today Tbilisi is one of the few places on the territory of the once huge Soviet Union, where you can exchange views, listen to different practices, opportunities and threats. How the Russian "Memorial" is experiencing it today - a light of citizenship and civic memory in Russia.

In Central Asia, a window to the past is now opening up a little through memory, oral histories, discussions and research. These movements often meet powerful resistance. Yesterday's monopoly, recalling its past greatness and past, including its territorial heritage, trying to return. Phantomly multiplying propaganda in the spirit of nostalgia. Resisting what is no longer possible to hide back. Shalamov and Solzhenitsyn, as well as voices in other already independent states, talking about what happened, can not be silenced.

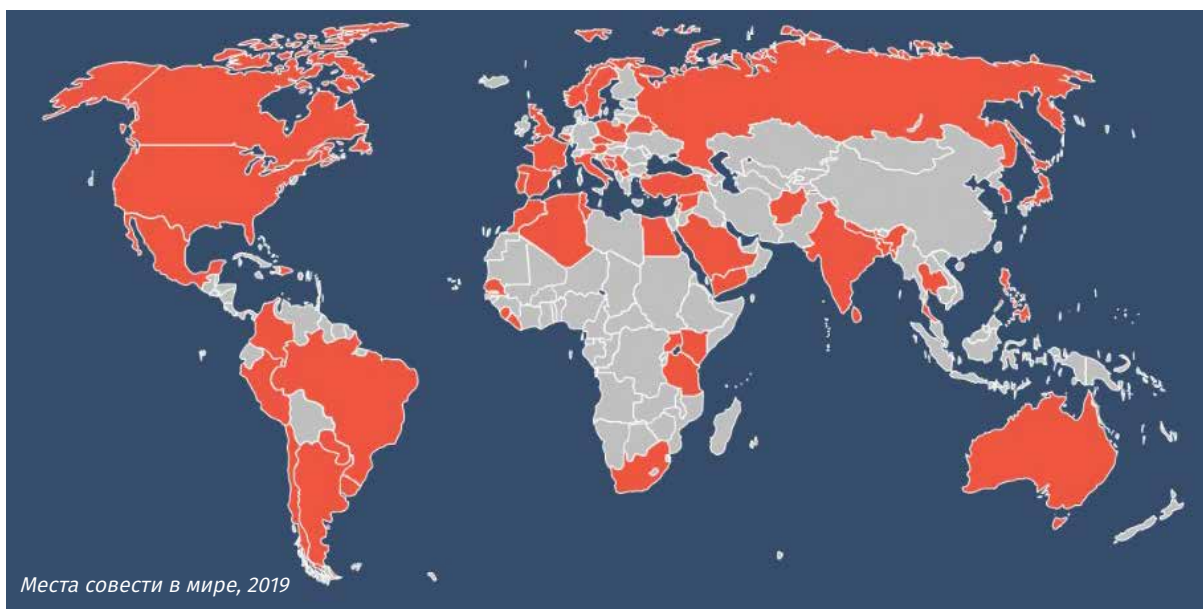
We called our project in Kyrgyzstan "Esimde" (I remember). This is a discussion platform for studying and understanding the events, facts, processes and "blank pages" that remain in the history and memory of the people.

Тезисы

Первая Сессия: Наиболее успешная международная практика открытости архивов

От памяти к действиям: Архивы мест совести

*Линда Норрис,
Директор программы глобальных сетей*

“Международная коалиция исторических мест совести” является единственной всемирной сетью, деятельность которой направлена на преобразование исторических мест в пространства для осуществления гражданских действий. Архивы, как государственные, так и организованные по гражданской инициативе, являются важной частью работы множества членов коалиции.

Коалиция признает, что силы одних мест памяти недостаточно, они должны использоваться как часть последовательной тактики защиты прав человека и вовлеченности гражданского общества. Подобное стремление объединить прошлое с настоящим и память с действием является отличительной чертой движения за создание исторических мест совести. Будучи сетью, объединяющей 275 мест совести в 65 странах, мы ежегодно привлекаем десятки миллионов людей к тому, чтобы использовать уроки истории и предпринимать действия, ведущие к демократии и защите прав человека. При участии влиятельных программ-участников, объединяющих людей вопреки различиям, мы выступаем за право каждого сообщества оберегать места и пространства, где шла борьба за права человека и демократию, открыто говорить о происходивших там событиях и использовать силу памяти, наследия, искусства и культуры для строительства обществ с видением и образом более справедливого и гуманного будущего.

Место совести – это памятные места: музеи, исторические места, архивы, мемориалы или памятные инициативы, которые сталкиваются как с историей событий в этих местах, так и их современным наследием. Напоминая о событиях прошлых веков и десятилетий, места совести отображают все аспекты нашей истории – примерами великого зла и великой отваги. Затем они

переходят на новую ступень, транслируя историческую перспективу на вопросы, с которыми мы имеем дело сегодня, и активируя публичные дебаты о том, как мы можем их решить. Основанная в 1999 году Коалиция включает более 275 членов из 65 стран.

Историческими местами совести считают пространства, которые:

- Дают возможность интерпретации истории через памятные места;
- Вовлекают в процесс публичные программы, которые стимулируют диалог об острых социальных вопросах;
- Дают возможность вовлечения общественности и позитивного действия в связи с вопросами об этих местах;
- Способствуют восстановлению справедливости и защите универсальных прав человека.

Демонстрация работы нескольких мест совести, надеемся, сможет вдохновить других на подобную деятельность.

Правительственные архивы

Исторический архив Национальной полиции, Гватемала (Archivo Historico de la Policía Nacional, Guatemala)

В июле 2005 года Омбудсмен Гватемалы по правам человека открыл тайное хранилище исторических и административных документов, принадлежавших бывшей Национальной полиции Гватемалы. Собрание этих документов относится к периоду внутреннего вооруженного конфликта, в ходе которого Национальная полиция Гватемалы была признана жертвами, членами их семей и правозащитными организациями главной стороной, виновной в нарушении прав человека. В Archivo Historico de la Policía Nacional (Исторический архив Национальной полиции Гватемалы) сейчас ведется процесс организации и дигитализации этого огромного массива документов, для того чтобы предоставить гражданам свободный и открытый доступ к ранее засекреченной истории.

Архив Национальной полиции Гватемалы

Музей мира в Сьерра-Леоне

В музее хранятся записи Специального суда Сьерра-Леоне и Комиссии правды и примирения. Обе упомянутые организации исследуют ответственность и последствия гражданской войны, длившейся целое десятилетие. Архивы намеренно независимы от национального правительства и осуществляют свою деятельность как отдельные учреждения. В перспективе одной из целей является использование документации для создания по всей стране мест совести и мемориалов жертвам нарушения прав человека, информация о которых обнаружена в записях суда и комиссии.

Архивы протеста

Когда происходят протестные движения и революции, граждане и НПО начинают собирать информацию о стремительно меняющихся событиях.

Во время революции Майдана в Украине в 2014 году, небольшая группа профессионалов культуры начала собирать архивные материалы, объекты и устные истории о событиях Майдана во время протестов. Результатом этой работы стал Музей революции достоинства. Строительство музея еще не завершено, однако на месте, где проходили события Майдана уже работает информационный центр, проводятся временные экспозиции и мероприятия на основе материалов архива.

Мемориальный музейный комплекс намерен стать авторитетной инновационной платформой, заявляющей общественности о ценностях гражданского общества, основанной на борьбе украинского народа за свои права, а также открытым форумом для обсуждений и распространения идеалов достоинства, независимости, свободы, самоорганизации и активизма.

Документация и исследования УМAM, Ливан

Движение УМAM началось как гражданский архив, в который собиралось все от регистрационных записей в гостиницах до записей киностудий, это был своеобразный способ документирования жизни Бейрута. Архив сформулировал свою миссию: «УМAM верит, что столкновение с насильственным прошлым Ливана необходимо для устранения призрака возобновившегося конфликта». Как только в прошлом году протесты охватили всю страну, УМAM незамедлительно отреагировал и начал собирать все виды архивных материалов: протестные плакаты, аудиозаписи и другие свидетельства. Предлагая пользователям распространять материалы, активисты УМAM использовали социальные сети для создания вебсайта, посвященного хронике протестов.

Memorial Democràtic – Испания.

Memorial Democràtic, восстанавливая замалчиваемые истории и голоса угнетенных, ставит целью защищать «право каталонцев на память». Учреждение исследует, хранит и публикует исторические

материалы 1931-1981 годов, включая демократическую борьбу против фашизма во время гражданской войны в Испании и режима Франко. Музей демонстрирует борьбу за демократию против диктатуры и период перехода к демократии. Используя архивные материалы была создана «Рисованная память» – иллюстрированное собрание рассказов. Этими рассказами мы желаем «отдать дань уважения отваге и усилиям протагонистов и одновременно передать эти ценности будущим поколениям, чтобы они могли знать, отражать и учиться».

Центр Колибри, США

Центр Колибри начал свою деятельность в 2006 году как «Проект пропавших мигрантов» - небольшая волонтерская инициатива в отделении судмедэкспертизы округа Пима, Аризона. Целью создания центра была организация информации о людях, пропавших на границе, чтобы содействовать судебным экспертам офиса в идентификации сотен человек. Сейчас миссией центра является прекратить исчезновения и поддержать человеческое достоинство на границе США и Мексики. Задача центра «засвидетельствовать факты несправедливых смертей, оказывать содействие семьям в поисках пропавших, делиться историями и повышать уровень знаний об этом кризисе прав человека». Архивы центра состоят как из судебно-медицинской документации, так и устных историй. Эти материалы демонстрируют этот кризис в Америке и призывают к переменам.

Архивы, когда они доступны, в силах объединять сообщества путем обмена историями, что является началом осмысления настоящего. Архивы не только проливают свет на историческую правду, но и позволяют идентифицировать участников событий. Они создают среду ответственности и прозрачности, что в конечном счете может привести к справедливости для людей и сообществ, переживших нарушение прав человека. Конкретная и инновационная работа Коалиции мест совести по всему миру помогает создавать более справедливое будущее для всех.

Узнать больше о Международной коалиции мест совести, а также о индивидуальной работе ее членов вы можете, посетив сайт www.sitesofconscience.org или связавшись с Линдой Норрис (lnorris@sitesofconscience.org).

Центр Колибри, церемония бдения в честь погибших и пропавших мигрантов в Нью-Йорке.

Открытие архивов спецслужб Чехословакии

Павел Зачек,

Депутат Парламента Чешской Республики;

Преподаватель в институте CEVRO

На протяжении длительного периода своего существования спецслужбы коммунистов издавали подробные документы о своей деятельности, в частности об осуществлении репрессивной практики тоталитарного режима. Данные документы особого характера издавались на основе собственных внутренних, строго определенных, бюрократических и конспирационных параметров. Цель этих документов состояла в том, чтобы обеспечить фундаментальные условия для обеспечения тоталитарного режима, что в частности заключалось в постоянных репрессиях, запугивании и необходимости сбора нужной информации.

Административные документы, изданные в связи с деятельностью отдельных чехословацких служб безопасности (Корпуса национальной безопасности, пограничной службы, Генерального штаба разведывательного управления Чехословацкой народной армии), постоянно архивировались в соответствующий архив особой важности при министерстве внутренних дел и министерстве национальной обороны.

Оперативная повестка, касающаяся подразделений разведывательных и контрразведывательных служб государственной безопасности, в том числе военная контрразведка, Государственная полиция (*Veřejná bezpečnost*, отсюда аббревиатура VB) и пограничная служба, находилась в секретных центральных или региональных оперативных архивах, которые были тесно связаны с оперативными записями, либо повестка хранилась в самих оперативных архивах - т.е. среди записей отдельных управлений.

В последние дни своего существования, т.е. на рубеже ноября и декабря 1989 года коммунистический режим решил уничтожить свидетельства своего правления, замаять совершенные преступления и устранить все доказательства постоянного нарушения прав человека и норм национального и международного права. Были уничтожены документы в центрах политической власти - в архивах и реестрах органов ЦК Коммунистической партии Чехословакии, в ее организационных подразделениях, а также в оперативных архивах и реестрах министерства внутренних дел, в особенности - документы тайной полиции государственной безопасности. Материалы уничтожались в организационных подразделениях федерального министерства национальной обороны, в подразделениях и группах чехословацкой народной армии, что, в особенности касалось специальных армейских подразделений и учреждений, а также других спецслужб, обеспечивавших жизнедеятельность «столпов власти» коммунистического режима.

Представителям коммунистического режима не удалось уничтожить все компрометирующие документы и архивные материалы по разным причинам. Во-первых, им не хватало времени, а порой их собственные административные нормы и директивы не позволяли им вовремя избавляться от документов, а также были случаи, когда некоторые из ответственных функционеров сопротивлялись участию в спланированном систематическом уничтожении документации.

Коммунистический архив постепенно стал проблемой, которую нужно было решать, эта ситуация особенно обострилась после парламентских выборов в июне 1990 года. Хотя в 1990 году было заключено соглашение между Министерством внутренних дел Чешской Республики и Центральным комитетом коммунистической партии, которое обязывало партию

передать архивные материалы областных и районных комитетов компартии, партия яростно сопротивлялась передаче архива.

Поэтому 16 ноября 1990 года, в канун первой годовщины студенческой революции, представители новой демократической власти приняли Конституционный закон № 496/1990 Sb. о возвращении народу Чехословакии собственности коммунистической партии Чехословакии. Данный акт предварялся преамбулой, в которой говорилось, что после прихода к власти в 1948 году коммунистическая партия рассматривала государство как свою собственность, и обращалась с государством как с собственностью. Пытаясь избавиться от последствий этого положения хотя бы частично, федеральный парламент принял решение о том, что архивные материалы Коммунистической партии Чехословакии, изданные до 31 декабря 1989 года перейдут в собственность государства 1 января 1991 года без какой-либо компенсации. Аналогичное решение было принято в отношении других письменных и аудиовизуальных документов, а также других материалов Коммунистической партии Чехословакии, относящихся к периоду до 30 ноября 1989 года, которые должны были быть переданы Центральному национальному архиву или его региональными отделениям.

Тем не менее, посткоммунистическая власть все еще хранила архивные материалы в секретном режиме, и они не использовались в публичных обсуждениях природы тоталитарного режима, при этом историки и другие эксперты получали доступ к этим документам только в очень ограниченных масштабах. Даже бывшие политзаключенные или другие жертвы преследования не получали доступа к материалам, что породило недоверие к органам новой власти.

26 апреля 1996 года парламент принял Закон № 140/1996 Sb., о предоставлении общественности доступа к файлам о деятельности бывшей полиции государственной безопасности, для чего на министерство внутренних дел было возложено обязательство информировать граждан Чехии и граждан бывшей Чехословакии, содержит ли информационная система бывшей службы государственной безопасности их персональные и сохранены ли они, а также по возможности предоставлять копии таких файлов гражданам.

В случае, если гражданин был указан в качестве лица, сотрудничавшего со спецслужбами, он имел право доступа только к тем данным, которые были составлены в тот период, когда этот гражданин не был указан в качестве сотрудничавшего лица. Другим важным изменением стала возможность доступа к личным (картотечным) данным сотрудников служб безопасности, содержащим информацию о возникновении, процессе и прекращении их служебных отношений, либо к получению выписки из этих документов.

Кроме того, министерство внутренних дел и министерство обороны обязали передать в письменной и электронной форме записи, составленные на базе сохранившихся или восстановленных протоколов, томов дел и других средств регистрации. Также следовало передать материалы о лицах, сотрудничавших с органами государственной безопасности и военной контрразведкой, включая данные о том, как заводились эти дела, какие изменения вносились, а также о людях (если это были не иностранцы) и объектах, которых эти дела касались.

Аналогичным образом министерство юстиции выпустило в письменном виде и в электронной форме стенограммы томов дел департамента исполнения наказаний министерства внутренних дел. Министерство также поступило и отношении соответствующих материалов и личных дел лиц, сотрудничавших с министерством, если подтверждалось, что эти документы использовались органами безопасности.

Министерства также должны были постоянно публиковать списки рассекреченных (кадровых) сотрудников служб безопасности, включая дату, когда они стали членами службы

безопасности, должность и дату окончания службы.

20 марта 2003 года Министерство внутренних дел опубликовало список тайных сотрудников (категории: резидент, агент, информатор, владелец квартиры, переданной спецслужбам в аренду, владелец конспиративной квартиры). Этот список был опубликован как в печатном, так и в электронном виде и насчитывал 12 журналов формата А4, которые в общем насчитывали 6 665 страниц. В период с 1997 по 2003 год соответствующие уполномоченные органы предоставили заявителям доступ к 3 391 единицам следственных, оперативных и агентурных материалов. В течение следующих двух лет министерство внутренних дел обнародовало только 108 личных дел бывших сотрудников тайной полиции.

В период с сентября 2002 года по март 2005 года вновь созданное Управление по рассекречиванию документов Министерства внутренних дел Чешской Республики, которое занималось обработкой документов (файлов), изданных за время работы контрразведки, получило в общей сложности 3671 заявки, оцифровало 402 документа (что составляет 358 522 страницы) и обработало информации о 210 заявителях. Кроме того, отделение опубликовало данные о 15 633 лицах, вошедших в список сотрудников военной контрразведки, а также 1881 запись соответствующих файлов, созданных за этот период.

В целях защиты персональных данных министерство внутренних дел сделало невозможными для прочтения даты рождения и адреса других людей, не интересующих заявителя, а также любые другие данные об их личной и семейной жизни, в том числе информацию об их преступлениях, здоровье и имуществе. Это делалось заранее, чтобы копия его файла была доступна. Если речь шла о покойном человеке (то есть, когда заявление было подано родственниками), делались невозможными для прочтения данные о личной жизни и семье.

Новый закон об архивации № 499/2004 был принят спустя несколько лет, и этот закон рассекретил архивные материалы, которые были созданы в результате деятельности организаций, объединенных в Национальный фронт и коммунистические службы безопасности. Этот акт значительно расширил ранее имевшийся доступ исследовательской общественности к изучению файлов Службы безопасности, поскольку в нем заявлялось, что к этим материалам не применим принцип, согласно которому рассекречиванию подлежат только архивные материалы старше 30 лет.

В ноябре 2005 года группа сенаторов представила законопроект об Институте национальной памяти - мемориальном учреждении, спроектированном по польской и словацкой модели. Наконец, в июне 2007 года был принят Закон № 181/2007 Sb. об Институте изучения тоталитарных режимов и архивов служб безопасности и поправки к некоторым законам, в соответствии с которыми 1 февраля 2008 года была создана новая административная служба, в ведение которой перешли все документы и материалы бывших коммунистических служб безопасности.

В этом законе указывалось, что министерство внутренних дел, министерство обороны, в том числе военная разведка, министерство юстиции, информационные отделы и управления внешних сношений служб безопасности должны были передать все записи и регистрационные материалы, архивные фонды, в том числе соответствующие оперативные файлы, материалы расследований и данные о сотрудниках, архивные собрания и индивидуальные архивные материалы, а также документы, созданные в результате деятельности служб безопасности Коммунистической партии Чехословакии и организаций Национального фронта, которые действовали под эгидой этих служб с 4 апреля 1945 года до 15 февраля 1990 года. Закон постановил, что эти учреждения должны были передать любые документы, ранее переданные

ими в архивы служб безопасности.

Таким образом, данный закон расширил либеральный подход в соответствии с Законом об архивации, распространяя свое действие также на документы других служб безопасности. Например, это также относится к полиции, пограничному патрулю, военной контрразведке, генеральному штабу разведывательного управления Чехословацкой народной армии, службе исполнения наказаний министерства внутренних дел и т. д.

Таким образом, практически любой исследователь может подать заявку на доступ к любому материалу, хранящемуся в архивах, независимо от того, имеет ли он какое-либо отношение к человеку, материалы о котором он запрашивает. Кроме того, он может получать цифровые копии, сканированные файлы или запрашивать фотокопии, или материалы в цифровой форме. Эта система является самой либеральной среди всех посткоммунистических стран.

К вопросу об уровне открытости и транспарентности исторических архивов во Франции. Несовершенная открытость и транспарентность

Георгий Мамулия,

*Доктор Школы высших исследований общественных
наук (EHESS) Франции*

Опыт почти восемнадцатилетней исследовательской работы в архивах Франции, позволил автору этих строк дать свою оценку уровню открытости и транспарентности исторических архивов во Франции. С этой целью следует вкратце коснуться тех архивов, в которых пришлось работать автору этих строк.

Наиболее хорошее впечатление с точки зрения описи, доступа и удобства работы производит архив министерства иностранных дел Франции³⁴. В настоящее время основная часть архивных материалов и документов французского МИД сосредоточена в открытом с 2009 г. главном здании архивов, находящемся в городе Ла-Курнёв (La Courneuve), в десяти километрах от французской столицы. Материалы превосходно описаны и каталогизированы, что дает исследователям полноценную возможность заказывать и работать с интересующим их архивным материалом. Большая часть архивного материала, в особенности охватывающая хронологические рамки до 20 века, с целью лучшего сохранения снята на микрофильмы и доступна исследователям лишь в таком виде. В настоящее время, как копии с микрофильмов, так и с оригинальных документов (в виде цифровых фотографий) делаются бесплатно, что крайне облегчает исследователям работу с упомянутыми документами. Несколько снижает уровень удобства работы с архивными материалами тот факт, что их некоторая часть (в основном касающаяся деятельности французских посольств, консульств и миссий за рубежом) находится не в Париже, а в открытом с 1987 г. так называемом Нантовском Центре дипломатических архивов³⁵. Этот факт значительно осложняет исследователям работу, требуя от них дополнительных расходов на передвижение и проживание в городе Нанте, на западе Франции.

Вторым по уровню описи архивных материалов, удобства доступа и работе над ними, следует назвать Национальный архив Франции³⁶. Описи материалов, хранящихся в находящемся **под Парижем** городке Пьерфит-сюр-Сен (**Pierrefitte-sur-Seine**) здании **Национального Архива**, сделаны вполне удовлетворительно. Условия работы исследователей в нем также вполне соответствуют современному уровню в смысле права на неограниченное копирование (фотографирование) документов, хотя кое-какие изъятия все же имеются. Например, до сих пор не существует полной компьютерной базы данных описей хранящихся там материалов, что в определенной степени затрудняет исследователям возможность работы над ними.

В определенной степени схожие проблемы наблюдаются и во время работы над материалами Исторического центра Военного архива Франции, находящегося в знаменитом Венсенском

³⁴ Archives du ministère des affaires étrangères (AMAE). France - - <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/the-ministry-and-its-network/archives-and-heritage/>

³⁵ Le Centre des Archives diplomatiques de Nantes (CADN) - <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/archives-diplomatiques/informations-pratiques/site-de-nantes/>

³⁶ Archives Nationales. Paris, France - <http://www.archives-nationales.culture.gouv.fr/en/web/guest/salle-des-inventaires-virtuelle>

замке³⁷. Описи архивных материалов, в целом, также сделаны более или менее удовлетворительно, хотя по точности описания и каталогизации они и уступают двум вышеназванным архивам. Определенные неудобства возникают и в связи с фактом необходимости заказывать материалы за несколько дней до их выдачи, так как часть архивных документов хранится в отдаленных хранилищах, и доставка их в читальный зал требует определенного времени. В остальном читателям предоставляется свободное право на снятие фотокопий (фотографирование) архивных материалов.

Архивы Префектуры парижской полиции³⁸, страдают главным образом изъяном неточного описания, что, конечно, изрядно затрудняет исследователям работу над ними. Это, в определенной степени объясняется обилием крайне разнообразных и богатых материалов, хранящихся в этом архиве. В остальном архивные документы в полной мере доступны исследователям.

Одной из самых больших проблем, с которыми сталкиваются исследователи во время своей работы во Франции, является отсутствие доступа к архивным материалам французских спецслужб – разведки и контрразведки. Отдельные материалы этих служб в рассеянном виде находятся в архивах МИД, Военного министерства, Национального архива и архива Префектуры парижской полиции, однако дела агентуры французских спецслужб все еще не доступны исследователям. В настоящее время в рамках «Академии разведки» (*L'Académie du renseignement*) – французской школы разведки, находящейся под патронажем премьер-министра Франции и возникшей в результате реформы, имеющей целью централизацию и сближение различных служб французской разведки, создана комиссия, состоящая из представителей соответствующих государственных структур и видных французских историков. Целью комиссии является разработка решений, позволяющих исследователям получить доступ к архивным материалам французских спецслужб, до сих пор остающимся закрытыми. Остается надеяться, что в скором времени вопрос допуска исследователей к архивным материалам и документам этой категории кардинальным образом изменится к лучшему.

Суммируя все вышесказанное, автор этих строк приходит к выводу, что открытость и транспарентность французских архивов в основном соответствует европейским нормам, хотя отсутствие доступа к материалам французских спецслужб отнюдь не позволяет считать эту открытость идеальной и совершенной.

³⁷ Service historique de la Défense (SHD), Centre historique des archives (CHA), Château de Vincennes. Paris, France - <https://www.servicehistorique.sga.defense.gouv.fr/en>

³⁸ Les archives de la Préfectures de Police - <https://www.prefecturedepolice.interieur.gouv.fr/Nous-connaitre/Services-et-missions/Service-de-la-memoire-et-des-affaires-culturelles/Les-archives-de-la-prefecture-de-police>

Доступность и публикация документов КГБ в Латвии за текущий год: опыт и проблемы

Гинтс Зелменис,

Исследователь, Национальный архив Латвии

На рубеже 1980-1990 годов много файлов КГБ Латвийской ССР было вывезено в Россию. Документы КГБ, оставшиеся в Латвии после распада Советского Союза, были распределены между несколькими учреждениями: Государственным архивом Латвии, Центром документации последствий тоталитаризма, а также различными структурами министерства внутренних дел. Публичный доступ к записям КГБ, хранящимся в Центре документации последствий тоталитаризма, был практически запрещен. Данная ситуация продолжалась до 2018-2019 годов.

В октябре 2018 года Сейм Латвии (парламент) принял поправки к закону «О сохранении и использовании документов бывшего Комитета государственной безопасности и выявлении фактов сотрудничества с КГБ» (далее – «Закон о документах КГБ»). Указанные поправки способствовали существенным изменениям в деле сохранения и доступа к документам КГБ в Латвии.

В первую очередь, документы КГБ, которые хранились в Центре документации и последствий тоталитаризма (далее: «Центре тоталитаризма») и других государственных учреждениях, надлежало перенести в фонды Национального архива Латвии. Перенос документов КГБ в Национальный архив Латвии фактически означал, что записи комитета государственной безопасности должны были стать более доступными для общественных исследователей. Перенос документов фактически был осуществлен в апреле 2019 года, а с мая того же года в Национальном архиве Латвии был открыт специальный читальный зал, где исследователи могли ознакомиться с этими документами.

Законом о документах КГБ был обеспечен свободный доступ к данным, касающимся сотрудников, агентов и информаторов комитета, а также информации о членах коммунистической партии и сотрудниках учреждений, имевших связь с КГБ. Однако, доступ к каким-либо документам о третьих лицах, а также о жертвах репрессий коммунистического режима запрещен. Согласно закону, доступ к отмеченным документам обеспечивается только для «научных, исторических и юридических исследований, а также академических, творческих, литературных и журналистских целях».

Другие запреты (распространяющиеся на все архивные записи в Латвии, а не только на документы КГБ) предусматриваются Законом об архивах. Запрет на доступ к персональным данным действует в течение 30 лет после смерти лица. В случае, если информация о дате смерти отсутствует, запрет на доступ к персональным данным лица действует в течение 110 лет с момента рождения данного лица. Если же отсутствует информация как о дате рождения, так и о дате смерти лица, запрет на доступ к персональным данным действует в течение 75 лет с момента издания соответствующего документа.

Другим вопросом, который регулируется Законом о документах КГБ, является публикация данных документов. Так 20 декабря 2018 года Национальным архивом Латвии был запущен интернет-сайт kgb.arhivi.lv, на котором впервые были опубликованы картотеки КГБ, а также некоторые другие документы. Сайт вызвал огромный интерес общественности в Латвии и за ее пределами. Было заявлено, что в первый день работы сайта, его посетило около 54 000 тысяч

пользователей. К началу января 2019 года количество посетивших сайт достигло более чем 200 000 пользователей.

С начала 2019 года Национальным архивом Латвии были опубликованы также и другие типы документов (Реестровые журналы КГБ Латвийской ССР, данные о вербовке бывшего генерала латвийской армии Роберта Клявинша как советского секретного осведомителя, документы о руководстве КГБ, данные об участниках сформированных после войны истребительных батальонов СССР и т.д.).

Расширенный доступ к документам КГБ и публикация архивов спецслужб в некоторой степени удовлетворили потребность латвийской общественности, которая заключалась в обнародовании документов КГБ. Однако, не все документы КГБ Латвийской ССР хранятся в Национальном архиве Латвии. Многие из них все еще недоступны обычным исследователям, поскольку находятся в архивных фондах и хранилищах в России.

Вторая Сессия: Правовое регулирование и практика доступа к архивам

Правовые регуляции доступа к архивам в Российской Федерации

Мы не разглашаем имя автора по его / ее запросу

Введение

За годы Советской власти миллионы людей подверглись политическим репрессиям. В 1991 году был принят Закон РФ от 18.10.1991 N 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» (далее – Закон «О реабилитации жертв политических репрессий»). Целью закона стала *«реабилитация всех жертв политических репрессий, подвергнутых таковым на территории Российской Федерации с 25 октября (7 ноября) 1917 года, восстановление их в гражданских правах, устранение иных последствий произвола и обеспечение посильной в настоящее время компенсации материального ущерба»* (преамбула Закона «О реабилитации жертв политических репрессий»).

На любом этапе в ходе длительного процесса реабилитации лица может возникнуть необходимость ознакомиться с материалами дела в отношении него. Например, такая необходимость может возникнуть: на этапе подготовки и подачи заявления о реабилитации – с целью подготовить обоснованное заявление; после получения решения об отказе в реабилитации – с целью проверить обоснованность отказа и возможного дальнейшего обжалования; после получения решения о реабилитации. В целом, доступ к материалам уголовных и административных дел (как в отношении реабилитированных, так и нереабилитированных) и получение копий архивных документов представляет огромную значимость для правомерных исторических исследований произвола тоталитарного государства.

Если лицо было признано подлежащим реабилитации, в этом случае проблем с ознакомлением с архивными документами в отношении данного лица у самого реабилитированного лица, у его родственников (с согласия реабилитированного лица или без его согласия в случае смерти) или третьих лиц, действующих по доверенности, как правило, не возникает.

Что касается других случаев, то есть любых ситуаций, когда лицо еще не было признано подлежащим реабилитации или уже было признано не подлежащим реабилитации, то в правоприменительной практике сложились непреодолимые (до недавнего времени) сложности в ознакомлении с делами в отношении таких категорий лиц.

Здесь важно сразу отграничить следующие случаи: 1) доступ третьих лиц (например, исследователей или общественных организаций) к архивным документам в отношении конкретного лица, у которых нет согласия от этого лица (или его родственников) на ознакомление с данными архивными документами до истечения 75-летнего срока с момента создания архивных документов; 2) когда архивные документы не рассекречены. Эти случаи в данной статье разбирать не будут, так как являются предметами отдельных исследований.

Данная статья будет посвящена анализу абсурдной проблемы, когда родственники и

третьи лица (например, исследователи или общественные организации), действующие по доверенности, не могут получить доступ к документам в лица, если оно было признано не подлежащим реабилитации или решение о реабилитации еще не было принято. Более того, абсурдность сложившейся правоприменительной практики, вероятно, не позволила бы и самом лицу, которое не было признано подлежащим реабилитации, получить архивные документы в отношении себя.

Первая часть данной статьи будет посвящена юридическому анализу и анализу правоприменительной практики; во второй части будут представлены статистические данные, указывающие на масштаб проблемы; в третьей части будет приведен анализ недавнего решения Верховного Суда РФ, которое, возможно, станет переломным моментом в порочной правоприменительной практике.

I.

Статьи 3 и 5 Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» определяют категории лиц, которые подлежат реабилитации. Заявления о реабилитации могут быть поданы самими репрессированными, а равно любыми лицами или общественными организациями (статья 6). В зависимости от категории дела заявление о реабилитации рассматривается или органами внутренних дел, или органами прокуратуры (последние при наличии определенных обстоятельств могут направить уголовное дело в суд, который признает лицо не подлежащим реабилитации либо признает, что лицо репрессировано необоснованно). У органов прокуратуры также есть полномочия самостоятельно проводить проверку дел, относящихся к определенной категории (статья 8). По итогу рассмотрения заявления или проведения проверки принимается решение о реабилитации или об отказе в реабилитации лица.

Как было указано в введении, на любом этапе в ходе длительного процесса реабилитации лица может возникнуть необходимость ознакомиться с материалами дела в отношении него.

Если лицо было реабилитировано, то в этом случае статья 11 Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» прямо предусматривает, что реабилитированные лица, а с их согласия или в случае их смерти – родственники имеют право на ознакомление с материалами прекращенных уголовных и административных дел и получение копий документов. В данном случае проблемы с ознакомлением, как правило, не возникают (с учетом особенностей, обозначенных в введении).

Что касается остальных ситуаций, когда лицо еще не было признано подлежащим реабилитации или уже было признано не подлежащим реабилитации, то правоприменитель толкует действующее законодательство таким образом, что создает препятствия в ознакомлении с материалами дел в отношении этих категорий лиц. Постараемся ограничиться наиболее кратким юридическим анализом сложившейся ситуации.

Государство, отказывая гражданам в ознакомлении с материалами дел в отношении тех, кто еще или уже не был реабилитирован, ссылается на пункт 5 Положения о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел, утв. Приказом Минкультуры РФ N 375, МВД РФ N 584, ФСБ РФ N 352 от 25.07.2006. В соответствии с данным пунктом «[н]а обращения граждан по доступу к материалам уголовных и административных дел с отрицательными заключениями о реабилитации проходящих по ним лиц архивами выдаются справки о результатах пересмотра». Руководствуясь этим пунктом, государство выдает только

справку о том, что лицо не было реабилитировано. И отказывает в ознакомлении с материалами дела.

Вместе с тем из системного толкования пункта 2 и абзаца 1 пункта 5 настоящего Положения оно не регулирует правоотношения, связанные с доступом к материалам дел лиц, которые не были реабилитированы. В таком случае должны применяться общие положения о доступе к архивным документам.

В соответствии с частью 1 статьи 24 Федерального закона от 22.10.2004 N 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» пользователь архивными документами имеет право свободно искать и получать для изучения архивные документы. Ограничения на доступ к архивным документам могут быть установлены только в случаях, указанных в частях 2 и 3 статьи 25 настоящего федерального закона, а именно: наличие в документах государственной и иной охраняемой законом тайны, а также наличие сведений о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни, а также сведений, создающих угрозу для его безопасности.

Вместе с тем даже эти запреты не абсолютные. Например, срок засекречивания сведений, составляющих государственную тайну, не должен превышать 30 лет (статья 13 Закон РФ от 21.07.1993 N 5485-1 «О государственной тайне»). Ограничение на доступ к архивным документам, содержащим сведения о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни, а также сведения, создающие угрозу для его безопасности, устанавливается на срок 75 лет со дня создания указанных документов.

Таким образом, если упрощать, документы до 1945 года уже должны выдаваться беспрепятственно. Мы сейчас не рассматриваем те случаи, когда документы еще не рассекречены или срок засекречивания сведений был продлен по заключению межведомственной комиссии по защите государственной тайны, поскольку это тема для отдельного исследования.

Более того, как указывал Конституционный Суд РФ, ограничения конституционных прав (а право на доступ к информации является конституционным правом в соответствии с ч. 4 ст. 29 Конституции РФ).

«должны быть необходимыми и соразмерными конституционно признаваемым целям таких ограничений; в тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, он не может осуществлять такое регулирование, которое посягало бы на само существо того или иного права и приводило бы к утрате его реального содержания; при допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство, обеспечивая баланс конституционно защищаемых ценностей и интересов, должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, не имеют обратной силы и не затрагивают само существо конституционного права» (п. 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. N 15-П).

Однако архивы, органы власти и суды отказывают в доступе к материалам дел в отношении тех лиц, которые не были реабилитированы, ссылаясь исключительно на уже упомянутый п. 5 Положения, неправильно его толкуя.

Как выглядит стандартный отказ:

На Ваше заявление разъясняю, что на основании ст.11 Закона Российской Федерации от 18.10.1991 «О реабилитации жертв политических репрессий» право на ознакомление с материалами прекращенных уголовных и административных дел и получение копий документов имеют реабилитированные лица, а с их согласия или в случае их смерти – родственники.

В связи с тем, что [REDACTED] был осужден за общеуголовное преступление и постановлением [REDACTED] признан не подлежащим реабилитации, ознакомить Вас с материалами дела не представляется возможным.

Таким образом, как мы видим, государство не указывает никакого разумного обоснования отказа, никакого объяснения, почему такое серьезное вмешательство в права лица на доступ к документам необходимо, не указывают социально значимые цели, для достижения которых отказывается в предоставлении возможности ознакомиться с архивными делами. Также не исследуется разумность такого отказа и возможность нахождения справедливого баланса между правом на информацию и социально-значимыми целями.

Необходимо отметить, что запрашиваемая информация имеет большое значение для истории семьи или для историков и исследователей, которые занимаются изучением политических репрессий. Без возможности доступа к документам в отношении тех лиц, которые не были реабилитированы, ни родственникам, ни другим заинтересованным лицам ничего не известно о данном лице, как будто бы его и не существовало.

В нашей практике и в практике наших коллег огромное количество таких дел. Ни в одном из них (до июля 2019 года) нам не удалось добиться доступа к материалам дел в отношении тех лиц, которые не были реабилитированы.

II.

Основываясь на ответах органов внутренних дел и органов прокуратуры:

- С момента вступления в силу Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» по состоянию на июнь 2019 года органами военной прокуратуры было реабилитировано 124 499 лиц, **отказано в реабилитации 176 760 гражданам**. По заключениям военных прокуроров **судами признано не подлежащими реабилитации 16 819 лиц**.
- За период действия Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» по 01 января 2019 года Генеральной прокуратурой РФ и прокурорами субъектов РФ реабилитировано 652 171 лицо. **Признано не подлежащими реабилитации 103 838 лиц**. Из них судами по заключениям прокуроров – 912 лиц.
- С 1988 по 1991 годы по протестам прокуроров на приговоры и решения внесудебных органов, осуществлявших судебные функции, судами реабилитировано 105 890 осужденных.
- Прокурорами прекращены уголовные дела в отношении 8 203 лиц.
- По результатам рассмотрения протестов прокуроров реабилитировано 6 849 лиц, направленных в административном порядке в ссылку, высылку, на спецпоселение.
- Во исполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.1989 № 10036-XI «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30 - 40-х и начала 50-х годов» и Указа Президента СССР от 13.08.1990 № 556 «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20-50-х годов» органами прокуратуры реабилитировано 961 666 лиц.

- Органами внутренних дел в период с 1992 по 2018 год выдано 2796697 справок о реабилитации в отношении лиц, репрессированных по политическим мотивам в административном порядке, **отказано в выдаче справок о реабилитации 824344 лицам.**

Таким образом, мы не можем ознакомиться с материалами дел в отношении сотен тысяч лиц, которых не реабилитировали. Более того, не стоит забывать, что такое толкование действующего законодательства правоприменителями не позволяет ознакомиться с материалами дела в отношении тех лиц, чей статус еще спорный (то есть до принятия решения о том, подлежит ли лицо реабилитации или нет).

Ситуации доходят до абсурда. Например, исследователь из Санкт-Петербурга при поддержке юристов добился от ФСБ России рассекречивания уголовного дела в отношении адмирала Александра Колчака. Но исследователи не смогут ознакомиться с ним, так как Колчак не был реабилитирован (решением Забайкальского окружного военного суда в 1999). Не имея возможности доступа к материалам дела, невозможно по существу оспорить отказ в его реабилитации³⁹.

III.

В итоге, в июле 2019 года удалось добиться первой победы в Верховном Суде РФ. Предположить мотивы такого решения Верховного Суда РФ сложно, но суд, однозначно, встал на сторону граждан и исследователей. Суд обязал ознакомить лицо с материалами уголовного дела его нереабilitированного деда⁴⁰. Это стало огромной победой и, надеемся, создало положительный прецедент, на который можно будет опираться в будущем. В итоге, заявителю удалось ознакомиться с материалами уголовного дела в отношении своего дедушки.

Параллельно с этим юристы работали над другим делом, которое касается реабилитации лица, расстрелянного по решению особой тройки НКВД 24 ноября 1937 года⁴¹. На момент рассмотрения дела в суде юристы имели возможность ознакомиться с материалами дела. Суд принял решение об отказе в реабилитации. Юристы стали готовить жалобу в Верховный Суд РФ на отказ в реабилитации. Для подготовки дальнейшей жалобы необходимо иметь доступ к материалам дела, включая протоколы заседаний. Однако информационный центр МВД России по Санкт-Петербургу отказал в доступе к материалам, с которыми юристы уже были частично знакомы, на том основании, что лицо не реабилитировано. Информационный центр отказал до решения Верховного Суда РФ. Юристы подали административный иск в суд после решения Верховного Суда РФ и выиграли дело⁴².

Вывод

После решения Верховного Суда РФ в июле 2019 года мы видим, что нижестоящие правоприменители опираются на него. Однако, представляется, что выводы пока делать рано. Можно говорить, что решение Верховного Суда РФ (несмотря на то, что в РФ прецедент официально не является источником права) имеет свой вес и задает настроение для нижестоящих правоприменителей. Вместе с тем, должно пройти время для того, чтобы делать выводы. Будем надеяться, что решение Верховного Суда РФ раз и навсегда поменяло порочную практику, когда ни родственники, ни исследователи не могут получить доступ к материалам дел в отношении тех лиц, которые были признаны не подлежащими реабилитации.

³⁹ подробнее - <https://www.kommersant.ru/doc/3917226>

⁴⁰ подробнее - <https://meduza.io/>

⁴¹ подробнее - <https://www.kommersant.ru/doc/3619291>

⁴² (подробнее - <https://www.kommersant.ru/doc/4103340>)

Доступ к архивным документам в Грузии

Нино Меребашвили-Фишер,

Старший юрист, Институт развития свободы информации (IDFI)

Введение

Свободный доступ к исторической информации, содержащейся в архивных фондах, имеет решающее значение для каждого общества, в особенности же для тех, которым удалось преодолеть горький опыт тоталитарных режимов. Данный факт распространяется в том числе и на Грузию. После распада Советского Союза, Грузия восстановила свою независимость и начала двигаться в сторону формирования демократического правления в стране, краеугольным камнем которого является уважение к фундаментальным правам и свободам человека, включая свободу выражения и право на доступ к информации. В одном из своих знаковых решений по делу «Кенеди против Венгрии» (Kenedi v. Hungary) Европейский суд по защите прав человека и основных свобод провозгласил, что гарантированный доступ к оригинальным документальным источникам в целях проведения правомерного исторического исследования является важнейшим фактором эффективного осуществления свободы выражения.

Ученые, исследующие прошлое Советского Союза, его дипломатические отношения с другими странами, региональную политику в отношении Кавказа и другие смежные аспекты истории СССР, могут получить доступ к документам, хранящимся в фондах ЮЛПП Национальный архив Грузии (Национальный архив), которые имеют исключительное значение с академической и исследовательской точки зрения. Однако, законодательство и практика доступа к архивным документам в Грузии все еще носят в большей степени запретительный характер. Грузия все еще существенно отстает от стран Европейского союза в плане доступа к историческим архивам.

Институт развития свободы информации (IDFI) является неправительственной организацией с более чем 10-летним опытом в сфере эффективного управления, в том числе в области свободы выражения. Открытость государственных архивов являлась краеугольным камнем деятельности IDFI с момента его учреждения в 2009 году.

Целью настоящей статьи является обсуждение существующих практических и законодательных проблем, связанных с доступом к архивным документам в Грузии. Статья ознакомит читателей с путями решения этих проблем и предоставит информацию об осуществленных IDFI мероприятиях, направленных на достижение позитивных изменений.

Вызовы

В Грузии большинство исторических архивов, охватывающие период досоветского прошлого, хранятся в фондах Национального архива. Особый упор делается на документы XIX-XX веков, относящихся к периоду, когда Тбилиси был военным и административным центром Южного Кавказа. Однако ученым и исследователям приходится сталкиваться с множеством сложностей, связанных с доступом к историческим документам.

- Чрезмерно строгие запретительные регуляции доступа к историческим документам, содержащим персональную информацию

Согласно действующему законодательству, в доступе к архивным документам, содержащим персональную информацию, может быть отказано, если не истек 75-летний срок с момента издания данного документа, либо субъект персональных данных скончался более 30 лет назад. В последнем случае следует предъявить свидетельство о смерти указанного лица. Данная процедура

приводит к неоправданным сложностям, в особенности если аппликанту нужно ознакомиться с сотнями документов, содержащих персональные данные. Заявителям приходилось на практике сталкиваться с данной проблемой, когда им приходилось предъявлять сотни свидетельств о смерти прежде, чем получить доступ к запрашиваемым историческим документам. В результате большая часть документов, описывающих ключевые исторические события и периоды, имевшие место после 1944 года, в Грузии недоступны.⁴³

- Чрезмерный запретительный характер регуляций, касающихся доступа к документам, которые содержат государственную тайну

Согласно Закону Грузии «О государственной тайне», документы в зависимости от степени их секретности могут быть рассекречены через 3, 5, 10 или 20 лет после их издания. Однако, законом предусматривается возможность получения доступа к секретным документам до истечения срока их секретного статуса в случае хорошо обоснованного исследования или в научных целях. Согласно Закону Грузии «О национальных архивах и национальных архивных фондах», доступ к секретным документам, содержащим государственную тайну может быть предоставлен только после их рассекречивания. Данным законом не предусматриваются никакие исключения из этого правила. Таким образом, Национальный архив отказывает в доступе к таким документам, даже если ознакомление с ними обусловлено обоснованным исследованием или научными нуждами.

- Запрет на фотокопирование архивных документов

Согласно действующим регуляциям, заявителям, получившим доступ к историческим документам, запрещено их фотокопирование, в том числе фотографирование документов, переведенных в цифровой формат и воспроизведенных на мониторах. В результате возникают совершенно излишние бюрократические проволочки, когда заявителю требуется делать отдельный запрос на получение соответствующей фотокопии, платить пошлину и ждать получения копий. При этом доходы, полученные от этой услуги, незначительны в сравнении с бюджетом Национального архива.⁴⁴ Отмена платы за фотокопирование документов не окажет сколь-нибудь значимого влияния на доходы публичного учреждения, но при этом снизит уровень бюрократии и сэкономит время и ресурсы служащих Национального архива.

- Неоправданно долгие сроки получения доступа к архивным документам

Действующими регуляциями устанавливаются неоправданно долгие сроки на предоставление заявителям доступа к архивным документам. Согласно действующему законодательству, Национальному архиву дается 5 рабочих дней на принятие решения о предоставлении права доступа к документу или соответствующем отказе, по истечении данного срока архиву дается еще 4 рабочих дня на то, чтобы подготовить документ и предоставить доступ к нему. Таким образом, заявителям приходится ждать почти две недели, прежде чем ознакомиться с интересующими их документами.

Решения

В целях устранения вышеописанных проблем IDFI осуществляет мероприятия в нескольких направлениях. IDFI ведет интерактивный рейтинг открытости архивов в постсоветских странах на веб-сайте Open-Archives.org. Сравнивая архивное законодательство Грузии с остальными постсоветскими странами, IDFI предлагает решения по устранению проблем, основываясь на международном опыте.

⁴³ Последние годы Второй мировой войны; события 5-9 марта 1956 года и 14 апреля 1978 года; документы, касающиеся Мераба Костава, Звиада Гамсахурдия и других диссидентов национального движения; события 9 апреля 1989 года, а также восстановление независимости Грузии; множество зверств, совершенных Советским Союзом в отношении своих граждан: аресты, принудительное лечение в психиатрических лечебницах, суды, расправы и т.д.

⁴⁴ Доход от данной услуги, получаемый Национальным архивом составляет всего 20 000 – 30 000 лари, а в случае других архивов эти цифры гораздо меньше.

	RATING					
	COUNTRY		ARCHIVE			
	Σ Total Score	Archival Laws	Other Laws	Archival Service	Website	Reading Room
Lithuania	86.36 %	89.93 %	87.5 %	79.78 %	82.5 %	82.75 %
Latvia	83.23 %	97.22 %	91.75 %	81.33 %	72.88 %	78.25 %
Ukraine	80.66 %	93.06 %	90.625 %	88.65 %	69.28 %	78.625 %
Bulgaria	80.04 %	86.805 %	78.645 %	78.705 %	81.715 %	73.52 %
Czech Republic	78.95 %	88.195 %	81.9 %	77.94 %	88.215 %	72.51 %
Poland	77.84 %	92.18 %	91.75 %	83.91 %	47.5 %	72.81 %
Hungary	75.65 %	88.61 %	76.04 %	58.925 %	60 %	68 %
Moldova	72.4 %	89.24 %	82.22 %	92.84 %	55.7	69.975 %
Romania	70.63 %	88.335 %	66.145 %	62.5 %	74.665 %	59.625 %
Kazakhstan	64.84 %	78.47 %	84.855 %	92.86 %	39.655	81.375 %
Russia	57.46 %	78.98 %	86.67 %	60.71 %	33.98	65.755 %
Armenia	55.12 %	69.965 %	82.855 %	81.555 %	32.5 %	64.375 %
Kyrgyzstan	41.62 %	64.21 %	37.3 %	44.37 %	32.5	20.7
Belarus	39.25 %	64.315 %	1	56.58 %	31.07	25.62

Сайт – Open-archives.org. 06.03.2020.

IDFI участвует в стратегическом судебном процессе против национального архива. В настоящее время суд принял иск IDFИ, особо подчеркнул важность доступа к историческим документам и предписал Национальному архиву раскрыть публичную информацию, запрошенную нашей организацией.

Осуществление данного судебного процесса очевидно важно для получения гарантий доступа к архивным документам, однако вовсе не рассчитано на заполнение всех законодательных пробелов и системных проблем. Таким образом, IDFИ призывает к позитивным изменениям посредством законодательных инициатив и добавления релевантных обязательств в рабочие планы международной организации Открытое правительство (Open Government Partnership (OGP)).

Заключение

Деятельность IDFИ уже привела к существенным позитивным изменениям в сфере доступности архивных документов в Грузии. Результатом деятельности IDFИ стало включение обязательства дигитализации архивов и создания системы электронного архива в план действий организации Открытое правительство на 2014-2016 годы. Система электронного архива была запущена в 2016 году. Впрочем, доступ к архивным фондам все еще чрезмерно ограничен, чем напрямую нарушается право на доступ информации и ограничивается свобода выражения. IDFИ продолжит работать над созданием справедливой, открытой и прозрачной системы доступа к национальным историческим архивам, тем самым осуществляя важные и ощутимые позитивные изменения в процессе создания открытого правительства в Грузии.

Третья Сессия: Доступ к архивам государственной безопасности

Реабилитация сталинизма и доступ к архивам в Республике Беларусь

Дмитрий Дроздь,

Исследователь Белорусского документационного центра

В методологии, разработанной Институтом развития свободы информации (IDFI) и исследователями из десятка постсоветских стран для оценки доступа к архивам бывшего КГБ, выделены два раздела для анализа архивного законодательства. Безусловно, закон – это основа государства. Но только государства правового, а Беларусь, к сожалению, таковым не является. Можно вспомнить, что самая лучшая, справедливая и свободная (как писали в советской прессе) конституция была принята Сталиным перед самым началом «Великого террора».

В Беларуси же толкование закона в первую очередь зависит от государственной идеологии, которую определяет один человек. Послания, выступления, интервью, пресс-конференции, совещания, поездки Александра Григорьевича Лукашенко имеют гораздо больший вес, чем любой закон. А его мировоззрение изначально было абсолютно советским. С годами же уверенный в незыблемости своей власти и своей личной безнаказанности он стал всё чаще приводить в пример товарища Сталина.

Так, на одном из заседаний он рекомендовал внедрять в производство «сталинские методы руководства».

В 2019 году во время сохранившегося только в Беларуси праздника бесплатного труда – ленинского субботника – Лукашенко посетил под Минском музей, который носит название «Линия Сталина». В своём интервью он сказал, что, создавая этот музей, он возрождал не имя Сталина, хотя последний этого заслуживает.

Всё это совпало с атаками на один из известнейших памятников жертвам сталинских репрессий на постсоветском пространстве – место массовых расстрелов под Минском – Куропаты. Это святое для всех потомков репрессированных место подвергалось неоднократным нападениям вандалов, найти которых белорусская милиция и КГБ оказались неспособными. В ходе этих атак на недавно поставленном памятнике были нарисованы шестиконечные звёзды, разбита «лавка Клинтона» (она сохранилась в память визита американского президента в Куропаты), спилены кресты.

ИСТОРИИ
ПРАВДА.RU

19 АВГ 2017 В 19:55

Лукашенко призвал к управлению по-сталински

МИР

9 КОММЕНТАРИИ

3 ПОДЕЛИТЬСЯ

Президент Белоруссии Александр Лукашенко заявил, что в стране необходимо повысить эффективность льноводческой отрасли. Он акцентировал внимание на необходимости выработать чёткую систему подготовки кадров в льноводческой отрасли и контроля за качеством работ на всех этапах, сообщает БЕЛТА.

"Ты должен управлять сталинскими методами. Сначала — сделали", — отметил Александр Лукашенко, обращаясь к директору Института льна НАН Белоруссии Ивану Голубу.

Ранее "Правда.Ру" сообщала, что Лукашенко рассказал, как следует поступать с безработными. Нельзя создавать в стране класс безработных, людей необходимо приучать к труду. В этом уверен президент Белоруссии Александр Лукашенко.

"Если мы их не станем вовлекать в общественно полезный труд, как раньше говорили, значит, мы будем создавать этот класс, и он будет увеличиваться. Нам

Скриншот новостной статьи на сайте ET. Вверху — меню с категориями: НОВОСТИ, ТЕЛЕВИДЕНИЕ, РАДИО, СПЕЦПРОЕКТЫ, ВЕДУЩИЕ, О КОМПАНИИ, РЕКЛАМА. Под ним — подменю: Новости, Президент, Политика, Экономика, Общество, Культура, Спорт, ЧП, В мире, Еще. Основной заголовок: "На субботнике Александр Лукашенко работает на территории историко-культурного комплекса «Линия Сталина»". Дата публикации: 21 Апрель 2019. Видео-превью с Лукашенко и участниками субботника. Справа — блок "Сейчас читают" с подборкой новостей и блок "Рекомендуем" с подборкой статей.

А. Г. Лукашенко на субботнике на «Линии Сталина»

Официальный мемориал в Куропатах

Вандализм в Куропатах

Однако всё это меркнет перед масштабами государственного вандализма, когда при помощи строительной техники среди белого дня были снесены десятки крестов, установленных общественными активистами за свои средства. Кадры этого кощунства обошли весь мир. За 25 лет своего правления Лукашенко ни разу не был в Куропатах и ни разу не почтил память жертв репрессий.

В Куропатах снесли кресты, несколько активистов задержано

опубликовано: 4 апреля 2019 в 09:54

обновлено: 4 апреля 2019 в 16:20

Елена Толкачева / Фото: Евгений Ерчак / TUT.BY

В Куропатах снесли кресты, которые Дмитрий Дашкевич установил летом вместе с другими активистами вдоль кромки леса, передает корреспондент TUT.BY. На подъезде к Куропатам задержали Павла Северинца, а позже и Дмитрия Дашкевича, и Нину Багинскую. Всего сегодня в Куропатах задержано 15 человек.

Фото: Елена Толкачева, TUT.BY

Государственный вандализм в Куропатах

Впрочем, по сути, происходящее в Куропатах является всего лишь эффектным видимым образом того, что происходит в Беларуси с возрождением сталинизма и оправданием его преступлений. Часто это происходит совершенно незаметно, как например, всё меньшее и меньшее упоминание коммунистических преступлений в школьных учебниках истории. В одном из них сказано, что во время репрессий пострадали и невинные люди. Т.е. в основном репрессии были правильны, заслужены и даже полезны для обороноспособности страны перед грядущей войной.

А об официально признанном Россией на высшем уровне расстреле польских военнопленных говорится: «...Проводились многочисленные расследования, но и сейчас из-за отсутствия необходимых документальных материалов и живых свидетелей этой трагедии точно не установлено, какая страна виновна в расстреле польских офицеров. В некоторых

исторических исследованиях утверждается, что “это преступление было осуществлено органами НКВД по решению Политбюро ЦК ВКП(б)”. На сегодняшний день упомянутая версия не имеет документального подтверждения». («История Беларуси, XIX – начало XXI в.: учеб. пособие для 11-го кл...» Минск : изд. центр БГУ, 2009)».

Одновременно с этим продолжаются нападки как на тему репрессий вообще, так и на отдельных исследователей, занимающихся этой темой в главной государственной газете «Советская Белоруссия». Тысячным тиражом выходит книга, которая якобы доказывает, что никаких массовых сталинских расстрелов в Куропатах не было, а лежат там жертвы Холокоста. «Куропаты — это геополитическое оружие, не имеющее аналогов в мировой истории, три десятилетия назад давшее успешный залп по СССР.. Эти холмы пропитаны идеей борьбы с советским прошлым и безбрежной, лютой ненавистью к России...» — утверждает автор. Книга выполнена в духе информационной войны, и, по сути, является наукообразным фейком.

Эту же противоречащую даже официальной позиции версию продвигают коммунисты. В советские праздники они возлагают цветы к памятникам идеологам большевистского террора, которые по-прежнему остались в городах Беларуси (даже два памятника Сталину). 9 мая в некоторых городах Беларуси прошли акции, аналогичные российскому «Бессмертному полку», на которых поклонники Сталина открыто несли портреты человека, чей договор с Гитлером дал старт второй мировой войне. Кроме того, Беларусь полностью находится в российском информационном пространстве, где культ Сталина и вообще советской системы постепенно занимает всё большее место.

Конечно, в таких идеологических условиях, диктуемых с самой вершины иерархии власти, в Беларуси сложно ожидать благоприятных изменений в проблемах доступа к архивам советских спецслужб. Согласно методологии, разработанной IDFI, Беларусь находится в тройке самых худших стран среди бывших советских республик. Хотя Национальный архив Республики Беларусь неплохо справляется со своей работой, Центральный архив КГБ по-прежнему недоступен для исследователей. Только потомки репрессированных могут при доказательстве родства частично ознакомиться с делом своего родственника. Доказать же своё родство с людьми, большинство из которых родились ещё в 19 веке, сегодня очень часто бывает невозможно.

Хотя Закон «Об архивном деле и делопроизводстве в Республике Беларусь», однозначно определяет, что «Ограничение доступа к архивным документам, содержащим сведения, относящиеся к личной тайне граждан, устанавливается на срок 75 лет СО ДНЯ СОЗДАНИЯ ТАКИХ ДОКУМЕНТОВ», сотрудники архивов спецслужб, основываясь на некоем комментарии, отсчитывают срок ограничения не с даты создания документа, и даже не со сдачи уголовного дела в архив, а с года реабилитации, что продлевает ограничение доступа к делам реабилитированных до 2035-2065 годов. Что же касается срока передачи дел из ведомственных архивов в государственные, определенного Законом в 30 лет, на основании новых договоров эти сроки продлены для архивов КГБ и МВД ещё на 75 лет. Что практически означает, что подобная передача белорусским правительством не планируется вплоть до 2081 и 2084 годов соответственно.

Таким образом, фонды КГБ и МВД не будут переданы в государственные архивы ни при нашей жизни, ни, скорее всего, при жизни наших детей и внуков. Т.е. сначала мы сможем ознакомиться с «личной тайной» реальных преступников: убийц, насильников или полицейских, участвующих в массовых акциях против мирного населения, — всех тех, кто совершил реальные преступления и не был реабилитирован, а уж потом с делами невинно убиенных сталинским режимом! Впрочем, не сможем — не доживём.

Секретность советских архивов как инструмент формирования новой истории

Ельдар Зейналов,

Журналист, Директор Центра прав человека, Азербайджан

После восстановления независимости Азербайджана, перед историками республики встала задача реконструирования национальной истории, включая советский, весьма насыщенный и фальсифицированный период. Эта работа еще не завершена, но в ней уже наметились некоторыестораживающие тенденции, как, например, преувеличение достижений короткого двухлетнего периода Первой Республики, сведение событий Первой мировой войны и гражданской войны в Азербайджане к этническим конфликтам, пересмотр роли коммунистического подполья и Турции в т. н. «советизации» Азербайджана, упрощению политических событий 1920-1930-х годов до склок внутри правящей элиты, персонализация и «этнизация» репрессий 1930-х годов, замалчивание роли азербайджанской эмиграции в пронацистском коллаборационизме и т.п.

Как и в России, хотя и в меньшем масштабе, у ряда историков наметилась тенденция реабилитации авторитарных тенденций (культы «эффективного менеджера») в политике советского периода 1930-1940-х годов. На этом фоне, хотя этот период истории с новых позиций оценивается как однозначно негативный, событиям после 1996 г., когда к власти в республике пришел будущий президент Гейдар Алиев, дается в целом позитивная оценка.

На фоне различных радикальных движений нового времени, непопулярной среди историков является и тема вооруженного сопротивления коммунистическому режиму, включая повстанческое движение 1920-30-х гг., которое тогда нередко имело религиозную окраску. Исподволь проводится зародившийся еще в советское время миф о том, что это сопротивление было легендировано чекистами и, если и существовало в реальности, то не было массовым и длительным. Закон о реабилитации 1996 г. лишает участников вооруженной борьбы с Советской властью статуса жертв репрессий.

Естественно, что широкий доступ к ранее закрытым государственным и партийным архивам не только для историков, но и для журналистов и общественных активистов помешал бы дозированию информации и манипуляции общественным созданием для создания новых исторических мифов. В этой связи необходимо упомянуть активное и целенаправленное законодательство 2004-2009 гг. в области архивного дела, охраны государственных и личных тайн, защиты оперативно-розыскной и контрразведывательной деятельности, в котором Азербайджан активно использует опыт РФ.

Вслед за Россией, архивные документы в Азербайджане засекречены на 75 лет, и этот период может продлеваться. Некоторые архивы не сдают документы в общий доступ и после истечения срока секретности (это касается, в частности, архивно-следственных дел бывших спецслужб). К несекретной части архивов ограничен доступ не только иностранцев, но и местных исследований. Не издана Книга памяти жертв политических репрессий, не определены места их массовых захоронений (хотя при этом были обнаружены, идентифицированы и перезахоронены останки одного из главных организаторов Большого Террора в Азербайджане М.Д.Багирова).

Все это поднимает вопросы о необходимости усовершенствования культуры использования национальных архивов, включая дигитализацию и дистанционное использование архивных документов. Необходимо также обеспечить более широкий доступ к архивам исследователей и проведение обмена информацией и мнениями по спорным темам общей истории.

Четвертая Сессия: Роль архивов в изучении памяти

Историческая политика и память о прошлом в РФ

Ян Рачински,

*Председатель правления Международного мемориала,
Российская Федерация*

При беглом взгляде на происходящее с историей в России может показаться, что царит бескрайний плюрализм. В столице одновременно существуют проспекты Андропова и академика Сахарова, улицы Солженицына и Менжинского, останки белых генералов Деникина и Каппеля перезахоронены в Донском монастыре под музыку возрожденного советского гимна – при том, что на Красной площади сохраняется Мавзолей и захоронения Сталина, Вышинского, Жданова и других палачей, в стране одновременно появляются памятники Колчаку и Сталину, чествуют Дзержинского и новомучеников.

Власти не препятствуют чествованию одиозных фигур и объясняют это лукавым тезисом – дескать, все это было в нашей истории, и мы не можем ничего вычеркивать.

При ближайшем рассмотрении среди всего этого информационного хаоса и эклектики выявляются определенные закономерности, часто повторяющиеся тезисы, сводящиеся в конечном счете к сакрализации государства и оправданию любых его действий – это касается и нынешней Российской Федерации, и Советского Союза, и Российской империи.

О неприглядных страницах отечественной истории прокремлевские историки и политологи говорят обычно, что все государства действовали так же, что диктатуры типа сталинской были в 1930-е годы во всех европейских государствах, что пакт Молотова-Риббентропа ничем не отличается от других пактов о ненападении, а все беды из-за Мюнхенского сговора, что преступления Ивана Грозного меркнут на фоне Варфоломеевской ночи, и так далее.

Другой способ оправдания государством совершенных в прошлом ошибок и преступлений – когда говорят, что их совершали конкретные люди, а не государство. Например, вину за репрессии возлагают на якобы вышедших из-под контроля чекистов, которых государство же якобы и наказало. Часто воспроизводят советские пропагандистские штампы – дескать, коллективизация была жестокой мерой, но «это позволило осуществить индустриализацию и выиграть войну».

По ряду вопросов мы видим возврат к позициям советской пропаганды – например, в оценке вторжения в Польшу в 1939 году, которое снова называют освободительным походом. То же самое можно сказать и про оценки вторжения в Венгрию в 1956 и в Чехословакию в 1968 (в Госдуме даже внесен законопроект о признании участников вторжения ветеранами боевых действий).

Но иногда нынешние российские власти идут гораздо дальше предшественников.

Например, памятников Ивану Грозному в России не было никогда – ни до 1917 года, ни после. На памятнике 1000-летия России, воздвигнутом в 1862 году в Великом Новгороде, изображение

Ивана Грозного отсутствует; и Сталин, симпатизировавший Грозному, все-таки не стал сооружать ему памятник. В 2016 году памятник Грозному появился в Орле, годом позже – в Москве, в 2019 еще и в Александрове.

Другой пример – уже упомянутый пакт Риббентропа-Молотова. Советская власть тоже любила повторять, что это был обычный пакт о ненападении, при этом существование секретного протокола яростно отрицалось. Коммунисты понимали, до какой степени неблагоприятно (мягко говоря) выглядит этот протокол. В годы перестройки союз Сталина с Гитлером был осужден. В этом году, по случаю 80-летия пакта российские официальные лица неоднократно заявляли, что пакт и секретный протокол были вполне правомерны, а по мнению министра культуры Мединского даже стали дипломатическим триумфом СССР.

Это отнюдь не случайность. Победа народа в Великой Отечественной войне присвоена государством, и ничто не должно разрушать ореол святости у «государства, победившего фашизм». Власти хотят обеспечить консолидацию населения вокруг славного прошлого и мобилизацию против мифического внешнего врага.

Государство превыше всего – именно это является главным содержанием исторической политики Кремля, которая сегодня заняла или по крайней мере пытается занять место коммунистической идеологии. Лояльность сегодня проверяется по взглядам на историю.

Поддерживаются и насаждаются представления об особой роли и особом пути российского государства, о том, что российское государство (Российская империя, Советский Союз и Российская Федерация) всегда боролось за мир, а если применяло насилие, то только в ответ или вынужденно, поскольку вокруг всегда были враги.

Резолюция Европарламента от 19.09.2019, в которой пакт Риббентропа-Молотова назван причиной Второй мировой войны, разрушает пропагандистские усилия по созданию сусального образа миролюбивого и непогрешимого государства.

Острую реакцию российского официоза нетрудно понять.

Для нынешних властей неприемлемо признание государства преступным – неважно, что речь идет об уже не существующем Советском Союзе, вполне заслужившем такую оценку. Неприемлемо и признание преступником главы государства – поэтому и могут появляться памятники Сталину и Ивану Грозному.

Поэтому история сегодня так тесно оказывается сплетена с политикой.

Формально цензуры не существует, но множество отдельных фактов складываются в несколько иную картину.

Так, за публикацию документов, доказывающих, что история о 28 панфиловцах, героически погибших при защите Москвы, является мифом и противоречит реальным фактам, директор Государственного архива РФ лишился своего поста.

Блогер, который воспроизвел чужую статью со вполне очевидным утверждением, что Вторую мировую войну развязали Гитлер и Сталин, был приговорен к большому штрафу – и оспорить этот приговор не удалось даже в Верховном суде.

Еще пример – историк Кирилл Александров защитил докторскую диссертацию об офицерском корпусе власовской армии (полное название «Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943–1946 гг.»). Однако после «экспертизы», сделанной с участием генерала госбезопасности, Александрова лишили докторской степени. Это было связано в первую очередь с позицией автора, расходящейся с устоявшимися пропагандистскими стереотипами.

По той же причине была внесена в список экстремистских материалов вполне объективная статья Александрова «Бандера и бандеровцы – кто они были на самом деле», опубликованная в «Новой газете». Это далеко не единственный случай использования обвинений в экстремизме в качестве инструмента исторической политики и цензуры. Например, в России запрещены книга Юрия Шаповала с соавторами «ЧК - ГПУ - НКВД в Україні: особи, факти, документи» и сборник статей польского публициста Яна Новака-Езераньского «Восточные размышления».

Все это разрушает память о прошлом, и так находящуюся в довольно плачевном состоянии, – 70 лет тотальной советской пропаганды сделали свое дело. К началу перестройки люди, помнившие досоветскую эпоху, были уже в весьма преклонном возрасте и не могли сколько-нибудь существенно участвовать в общественной жизни. Непосредственной передачи дореволюционного жизненного опыта быть не могло – и это существенно отличает российскую ситуацию не только от стран Восточной Европы и Прибалтики, но даже от Украины, западные регионы которой были присоединены к СССР только в 1939.

Отчетливые правовые оценки советского режима так и не были официально сформулированы – и в школьных учебниках они тоже отсутствуют; нет в школьных учебниках и сколько-нибудь внятного описания преступлений, совершенных коммунистической властью.

Казалось бы, для оптимизма нет особых оснований.

Однако память общества все же отличается от того, что старается внедрить пропаганда. Отчасти это связано с навязчивостью и примитивностью пропаганды – это порождало анекдоты и насмешки даже в советские времена, когда источники независимой информации были трудно доступны. Сегодня сомнения и отторжение возникают гораздо быстрее. Существование интернета и открытость границ – естественные противники любой пропаганды.

Но главное, что противостоит усилиям пропаганды – память о терроре.

Это проявляется по-разному. Например, общественность (если не считать некоторые верноподданические организации) обычно не поддерживает установку памятников убийцам (Сталину, Дзержинскому, Грозному) – а власти нередко участвуют в этих акциях. Совершенно противоположная картина с памятниками жертвам государственного террора. Как правило, их установки требует общественность, а власти не только не бывают инициаторами, но часто явно или скрытно препятствуют.

Другой пример – проект «Последний адрес», начавшийся в России, а сегодня действующий в Чехии, Грузии, Германии, Украине, Молдавии... Маленькие таблички, сохраняющие память о людях, убитых государством, в большинстве случаев, как ни странно, устанавливаются не родственниками, а просто неравнодушными людьми.

Постепенно оживает и семейная память. При советской власти помнить о репрессированных родственниках и хранить семейные архивы было небезопасно. Но помнить историю рода – естественное стремление человека, и сегодня все больше людей ищут сведения о предках. Увы, во многих случаях судьба этих предков трагична, и к нам все чаще приходят с вопросами внуки и правнуки репрессированных.

Узнав же правду, они многое переосмысливают. Или, во всяком случае, более критично подходят к информации из телевизора. Довольно трудно совместить память о расстрелянных предках с оправданием государства, которое их расстреляло.

Единица истории – не государство, а человек. И потому на длинной дистанции семейная память окажется сильнее пропаганды.

Роль архива (IPN) в процессе верификации «тоталитарной памяти». Результаты, опасности, миссия

Станислав Коллер,

*Отдел архивных исследований и источниковедения,
Национальный институт памяти, Польша*

Институт национальной памяти был учрежден 19 января 1999 года, чтобы сохранить память об огромном количестве жертв, потерь и ущербе польского народа во время и после окончания Второй мировой войны. Признавая, что противозаконные действия государства против его граждан, не могут охраняться грифом секретности или быть преданными забвению, необходимо также осуществить уголовное преследование в отношении фактов совершения военных преступлений и преступлений против мира и человечности, а также реабилитировать жертв нарушения прав человека.

Институт осуществляет свою деятельность под руководством президента Института национальной памяти, который избирается Сеймом Республики Польша. Президенту института предоставлена полная независимость в вопросе руководства вверенным ему учреждением. Единственным обязательным к исполнению требованием является предоставления ежегодного отчета Маршалу сейма.

Структура Института национальной памяти охватывает все компетенции учреждения, связанные с периодом истории, когда Польша являлась жертвой нацистской Германии и советского тоталитаризма. Данные компетенции включают расследование, люстрацию и проведение исследований, а также осуществление документальных, научных и образовательных мероприятий. После внесения соответствующих поправок в законодательство по состоянию на 2019 год ИНП состоит из семи тесно сотрудничающих друг с другом департаментов. Институт состоит из следующих подразделений: Главная комиссия по расследованию преступлений против польского народа (расследует преступления нацистов и коммунистов в период с 8 ноября 1917 года по 31 июля 1990 года); Архивы Института национальной памяти (заведует документами секретных государственных служб, изданных в период с 22 июля 1944 года по 31 июля 1990 года, а также документами о преступлениях и репрессиях против польских граждан, совершенных в период с 8 ноября 1917 года по 31 июля 1990 года); «Борьба и мученичество» (исследует и осуществляет памятные ритуалы в местах борьбы и мученичества польского народа, которые имели место как внутри страны, так и за ее пределами в период с 8 ноября 1917 года по 31 июля 1990 года), Бюро исследования и идентификации (разыскивает места захоронения жертв, убитых в борьбе за независимость польского государства в период с 8 ноября 1918 года по 31 июля 1990 года), Бюро общественного образования (осуществляет научные и образовательные проекты), Отдел исторических исследований (осуществляет исследования в области новейшей истории Польши), Бюро люстрации (проверяет правдивость заявлений о люстрации, осуществляет публикацию каталогов личных данных сотрудников государственных спецслужб, лиц, работавших на секретные службы и занимавших руководящие партийные посты и государственные должности ПНР). Институт имеет одиннадцать отделений в городах - местах пребывания апелляционных судов. Также офисы Института национальной памяти были открыты еще в семи городах.

Специфика архива ИНП заключается в том, что в его фондах хранятся в основном документы, изданные коммунистическими спецслужбами, содержание которых было неизвестно

польской общественности и историкам вплоть до недавнего рассекречивания. Данные документы имеют ключевое значение для изучения истории Польши в 1944-1990 годы, демонстрирующие все зверство, жестокость и беспощадность коммунистических властей и героизм, жертвенность и отвагу тех, кто осмелился противостоять тоталитарной системе. Архивы, составляющие рабочие ресурсы архивов ИМП включают по состоянию на 2018 год более 92 миллионов файлов, 39 миллионов фотографий, 2328 архивных единиц на пленках и 2127 единиц в виде аудиофайлов. В цифровом архиве, доступном сотрудникам посредством единой сети, к концу 2018 года была собрана информация, объединяющая 17,2 миллионов архивных единиц, 20,5 миллионов персональных данных, 6,8 миллионов карточек спецслужб, 641 тысячу записей и 17 миллионов отсканированных карточек и других архивных единиц.

Научные мероприятия, осуществляемые ИМП включают публикации, статьи и онлайн-публикации, а также издание источников и проведение научных конференций. Для выполнения всех вышеуказанных целей был учрежден отдельный Департамент по исследованию архивов и изданию источников. Архив ИМП проводит научно-популярные мероприятия независимо и в сотрудничестве другими отделами ИМП, а также другими архивами и научными организациями. Данные мероприятия представляют собой образовательные проекты, выставки, школьные практикумы, архивные проекты, концерты и т.д. Архив подготавливает постоянные выставки и открытые экспозиции, представляет посетителям презентацию архивных ресурсов, сотрудники архива также участвуют в таких мероприятиях случайного характера как возложение цветов на могилы жертв репрессий, юбилейные мероприятия, детские исторические практикумы и викторины на знание новейшей истории страны.

С самого начала своего существования ИМП столкнулся со сложностями в выполнении своих задач, предусмотренных законодательством. Левые силы страны всеми доступными способами стремились распустить ИМП, когда же невозможность этого стала очевидной, развернули открытую борьбу с ИМП в средствах массовой информации и начали блокировать его деятельность. Главной мишенью атак стали архивы ИМП. Основными сложностями, с которыми столкнулся Архив, были проблемы с местом размещения ИМП, недостаток финансовых ресурсов и административных мероприятий. Острая реакция общественности возникла после обнародования так называемого «списка Вильдштейна» в 2005 году, который состоял из имен 160 000 агентов спецслужб. В результате достоянием общественности стала информация о том, что Лех Валенса (занимавший пост президента в 1990-1995 годах) в период с 1970-1976 годы числился тайным сотрудником спецслужб под оперативным псевдонимом «Болек», а Александр Квасьневский (президент в 1995-2005 годы) также был зарегистрирован как тайный сотрудник под опер-псевдонимом «Алек».

Архив ИМП хранит и предоставляет доступ ко всем возможным документам о жертвах нацистского и коммунистического режимов. Проведенное исследование архива показало, что в 1956-1990 годы было уничтожено около 2 450 000 оперативных дел. Архив ИМП сотрудничает с архивами спецслужб бывших коммунистических стран с целью получения отсканированных копий документов, что позволяет пополнять знания о том, как действовала тоталитарная система.

Особая миссия ИМП заключается в проверке «тоталитарной памяти», в контексте которой следует понимать культурные, исторические, политические и социальные последствия коммунистической системы ПНР. «Тоталитарная память» проявляется в состоянии сознания общества, манипулируемого коммунистической идеологией, которое стало жертвой многочисленных актов социальной инженерии. Это своеобразная виртуальная реальность,

созданная коммунистической пропагандой, и последовательность намеренно искаженных событий и исторических процессов, имевших место в рассматриваемый период. Левые силы препятствуют отстраненному взгляду на историю. Основываясь на осуществленных исследованиях удалось установить, что уже в 1981 году началась трансформация коммунизма. Вместо оккупационного коммунизма в Польше постепенно возникает гибридный коммунизм, подразумевающий дезинтеграцию государства с использованием мирных дезинтеграционных средств, таких как: контроль экономики со стороны иностранных субъектов, перенос полномочий принятия решений в центры за пределами государства, разделение полномочий служб безопасности, манипуляции с социальными движениями, контролируемая пропаганда внутри страны и на международной арене, дезинформация средств масс-медиа, провоцирование политического хаоса, поддержка так называемых прогрессивных левых партий, парализация законодательства и т.д. В определенной степени подобный феномен можно наблюдать в каждой стране, где шла гибридная война. Характерными признаками гибридного коммунизма в Польше являются: 1 - советское происхождение; 2 - агентурная структура; 3 - четко определенная цель, заключающаяся в разрушения государственности; 4 - управление и финансирование центрами, находящимися за пределами Польши; 5 - осуществление с времен Октябрьской революции перманентного продолжения действий, направленных против Польши. Постоянные нападки на Институт национальной памяти со стороны разных организаций, включая, и тех, что обвиняют поляков в холокосте, продолжаются и в настоящее время.

Формирование коллективной памяти в Армении (На общесоветских и национальных примерах)

Грануш Харатян,

к.и.н., Ин-т Археологии и этнографии НАН РА

Наверно, никогда в государствах осознанно на формирование коллективной памяти и коллективного мировоззрения не было приложено столько политических усилий, сколько с 20-ых годов 20-го века. Это и понятно. С большевистской революцией 1917 г. в России, и особенно после Первой мировой войны рушились империи, переформировывались и модернизировались идеологии и системы власти, создавались новые государства, писалась новая история как ретроспективная, так и текущая и т.д. В то же время успели возникнуть новые возможности влияния на коллективную память через всеобщее образование. Образование - наивысший институт быстрого приобретения или передачи одних и тех же знаний сразу и многим миллионам людей – «государственным коллективам», и закрепить эти знания из поколения в поколение.

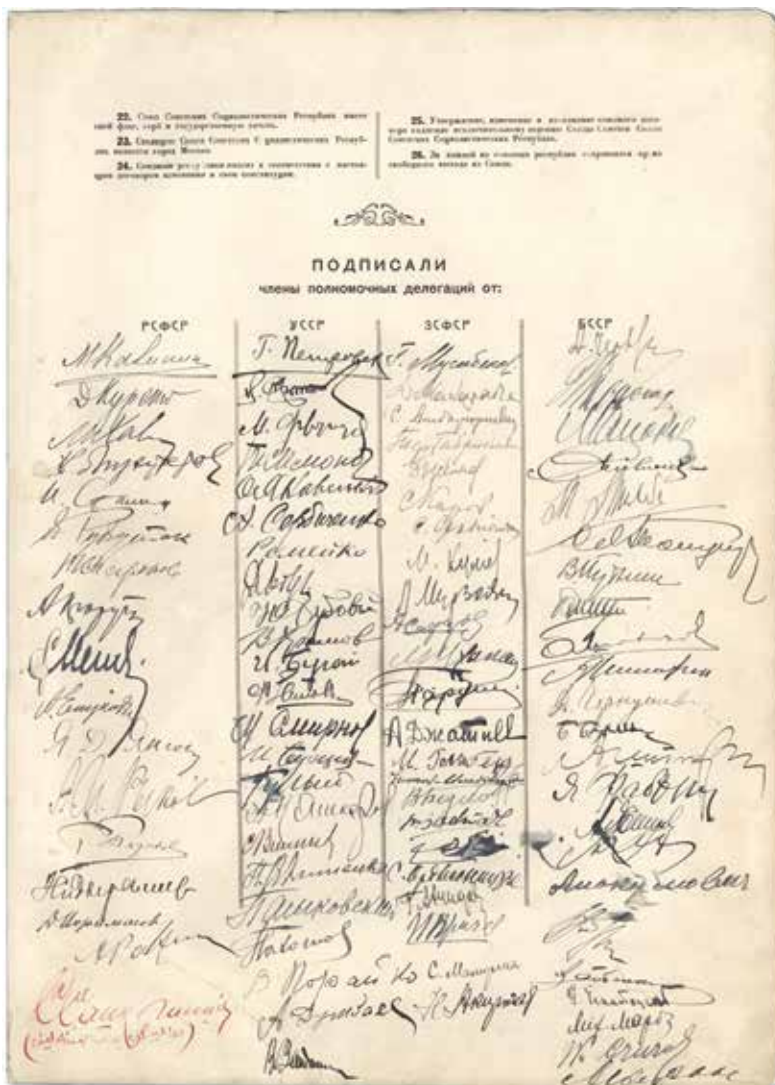
Точно так же можно формировать знание лжи как истины. На всем советском пространстве получившие школьное и профессиональное образование граждане знали, и в постсоветском пространстве до сих пор знают, что СССР образовался 30 декабря 1922 в результате договора, подписанного главами государств четырех советских республик – РСФСР, Украины, Белоруссии и ЗСФСР (Закавказской советской федеративной социалистической республики). Так было написано в учебниках, в советских энциклопедиях (как союзных, так и республиканских), в научных книгах, так писали газеты, передовало радио, а затем и телевидение. Так продолжают писать также во многих современных учебниках. Например, в учебнике «Всемирная история» для учеников гуманитарного потока 12-го класса в Армении⁴⁵. Это, мягко говоря, неправда. На самом деле на том съезде было решено «Декларацию и союзный договор в основном утвердить.... Поручить ЦИК-у Союза ССР подготовить ко второму съезду советов Союза окончательный текст декларации и союзного договора и представить его на окончательное утверждение второго съезда»⁴⁶. Участниками – делегатами четырех советских стран съезда было подписан, таким образом, только договор о намерении объединиться в одну страну. Причем делегатами, в особенности из Грузии и Украины, было высказано много возражений против принципов общего предполагаемого государства. В дальнейшем, поняв, что возражения не утихают, а наоборот усиливаются и обостряются, Москва так и не организовала никакого особого съезда по объединению советских государств, а вместо этого в 1924 г. представила на утверждению так называемого 2-го съезда советов СССР Конституцию СССР, которая по сути имела лишь две главы – Декларация об образовании СССР и Договор об образовании СССР. Почему «так называемого 2-го съезда советов СССР»? Да просто потому, что ни первый съезд делегатов советов советских республик-государств (декабрь 1922г.), ни второй (январь 1924г.) не могли называться съездами советов СССР, ибо государства СССР до этого просто не было. Оба эти съезда были съездами советов четырех советских стран, а не первым или вторым съездами советов несуществующего еще СССР.

⁴⁵ Ереван, «Зангак-97», 2011, с. 256 (на армян.яз.).

⁴⁶ Съезд Советов СССР, Стенографич. отчет, М, 1923//Съезды Советов Союза ССР, Союзных и Автономных Советских Социалистических Республик. Сб. документов. 1917-1936, т. 3, М., 1960, ст. 20).

Тем не менее в коллективном сознании и коллективной памяти граждан СССР до сих пор твердо сидит знание – СССР образовался на первом съезде советов СССР 30 декабря 1922г в результате договора, подписанного главами объединяющихся республик.

На Договоре о намерениях создании общего государства, судя по разборчивым подписям, от Закавказья подписали **Газанфар Мусабеков** (председатель СНК Азербайджанской ССР), **Сергей Киров** (1-й секретарь ЦК КП(б) Азербайджана), **М. Кулиев**(Азербайджан), **Левон Мирзоян** (ответственный секретарь Бакинского комитета КП(б) Азербайджана), **Филипп Махарадзе** (бывший председатель Всегрузинского ЦИК), **Саак Тер-Габриелян** (постоянный представитель ССР Армения при СНК РСФСР). Из представителей официальных властей Советской Армении – никого.

Все - жертвы политического террора 30-х годов. Та же участь постигла подписчиков не заключенного Договора из других советских республик впоследствии.

Незнание и непонимание исторической и юридической стороны так называемого Договора об образовании СССР довело до того, что при развале СССР некоторые республики объявили о денонсации фактически несуществующего договора (РФ, Грузия, Азербайджан, Белорус, Украина). Верховный Совет **РСФСР: «ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 12 декабря 1991 года № 2015-1, О ДЕНОНСАЦИИ ДОГОВОРА ОБ ОБРАЗОВАНИИ СССР**, Руководствуясь Декларацией о государственном суверенитете РСФСР и, в соответствии с пунктом 15 статьи 109 Конституции (Основного Закона) РСФСР, Верховный Совет РСФСР постановляет: Денонсировать Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик, утвержденный I Съездом Советов СССР 30 декабря 1922 года в городе Москве. ...12 декабря 1991 года, № 2015-1».

Позже, 15 апреля 2006 года, Совет Федерации РФ признал, что «Договор об образовании СССР 1922 года, который Верховный Совет РСФСР «денонсировал» 12 декабря 1991 года, не существовал в качестве самостоятельного юридического документа. Первоначальный вариант этого Договора был подвергнут коренной переработке и уже в переработанном виде вошел в Конституцию СССР 1924 года. В 1936 году была принята новая Конституция СССР, с вступлением в силу которой прекратила действовать Конституция СССР 1924 года, включая и Договор об образовании СССР 1922 года. Кроме того, постановлением Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года был денонсирован международный договор Российской Федерации, который в соответствии с кодифицированными Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 года нормами международного права вообще не подлежал денонсации»⁴⁷. Однако «коллективная память» в постсоветском пространстве продолжает быть носителем политически упакованным знанием ложного знания о формировании СССР, и образовательные институты начиная со школы поддерживают эту ложь.

⁴⁷ Об Обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «К членам Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 1996, №16, ст.1800, 15 апреля 2006г., - 3-ий пункт).

Проект: Deconstruction. Архивы КГБ для медиа

Анна Олийник,

Центр исследования освободительного движения, Украина

В 2015 году Парламент Украины принял закон об открытом доступе к архивам коммунистических секретных служб (1917-1991). Согласно данному закону, никто не вправе запрещать доступ к данным документам. Лишь жертвы политических репрессий могут на определенный период ограничивать доступ к информации о себе. Копирование всех документов бесплатно. Инициаторы данного закона объясняют свою позицию тем, что информация о массовых нарушениях прав человека, организованных советской репрессивной системой, должна находиться в свободном и бесплатном доступе.

Открытие архивов вызвало огромный интерес к рассматриваемой теме со стороны заинтересованных групп: от исследователей, получивших доступ к сотням и тысячам рассекреченных документов, которые они могут использовать в научной работе, до обычных граждан, которые начали искать в архивах информацию о своих репрессированных родственниках. Одной из самых важных заинтересованных групп стали представители средств массовой информации, которые также могут использовать архивную информацию для своих статей и публикаций.

Сотрудничество с масс-медиа в вопросе о рассекреченных архивах КГБ стало особенно актуальным с начала гибридной войны России против Украины. Множество антиукраинских кампаний по дезинформации, ложных новостей и пропаганды апеллируют к советскому периоду истории двадцатого века.

В 2018 году украинская НПО «Центр исследования освободительного движения», осознавая важность данного вопроса, инициировала международную образовательную архивную программу «Deconstruction. Архивы КГБ для масс-медиа». Программа преследовала следующие цели: 1) обучить представителей средств массовой информации «архивной грамотности»: алгоритмам архивного поиска, типам архивных документов, специфике документов советских спецслужб и т.д.; 2) ознакомить с методами деконструкции российских и советских мифов, тиражируемых в публичном и информационном пространстве при помощи архивной информации; 3) продемонстрировать, что в архивах есть много информации, которая может представлять интерес для их аудитории; 4) посредством включения масс-медиа в процесс еще раз довести до сведения общественности, что архивы КГБ открыты, и люди могут прийти и получить требуемую информацию.

В проект были включены исследователи и медиа профессионалы из Украины, Польши, Словакии и Чешской Республики (на начальном этапе развитие и внедрение программы поддерживали посольство Чешской Республики в Украине и Вышеградский фонд). Практикум для представителей масс-медиа состоял из четырех компонентов: что представляют собой архивы и какие документы в них хранятся (как отличить подлинники от фальсификаций), как писать интересные тексты на исторические темы (рекомендации от издателей и передовых средств массовой информации) и т.д. Участникам также была предоставлена возможность поработать с копиями архивных файлов и выполнить практические задачи.

Следующий компонент был посвящен архиву. Одним из партнеров проекта был Отраслевой архив службы безопасности Украины, в фондах которого хранится большая часть соответствующих документов (224 000 единиц - в Киеве и более 700 000 единиц - в региональных департаментах). Работники архива предоставили журналистам и консультантам возможность поработать в читальных залах архивов и помогли с подбором документов.

Эксперты центра также подготовили руководство «Архивы КГБ для медиа» на украинском, английском и русском языках, книги доступны для всех исследователей на вебсайте. Руководство состоит из двух частей: 1) архивная часть, в которой содержится информация о типах архивных документов, алгоритмах поиска, списки онлайн-архивов и электронных баз данных; 2) медиа часть, которая включает сведения о специфике журналистских текстов на исторические темы – советы издателей и представителей передовых украинских масс-медиа.

Участовавшие в проекте журналисты в результате подготовили свои материалы по архивным процедурам. Организаторы в свою очередь не влияли на выбор тем или специфику публикаций. Задачей экспертов заключалась в консультационной помощи и содействии в поиске документов.

Спустя четыре месяца после окончания теоретической части программы обучения участники (всего 24) представили свои материалы, основанные на документах коммунистических спецслужб. В кратчайший срок было издано более 55 материалов. Темы были разными и часто зависели от специфики каждой отдельной публикации или событий, которые составляли повестку дня на период публикации. Например, 10 разных публикаций были посвящены годовщине событий Пражской весны. Журналисты также активно работали над статьями о советских агентах, слежках и преследованиях в высших учебных заведениях, о деятелях культуры Украины, сотрудничавших с КГБ или находившихся под наблюдением спецслужб, попытках КГБ воспрепятствовать вещанию западных СМИ и т.д. информацию о проекте и ссылки на публикации участников можно найти здесь.

Материалы опубликованы в онлайн и печатной прессе, а также представлены на радио и по телевидению. После завершения проекта некоторые участники продолжили работу самостоятельно и подготовили новые статьи с использованием архивных документов.

В 2019 году Центр исследований освободительного движения совместно с партнерами (платформой EdEra при МООС-Украина и международным фондом «Возрождение») подготовил и представил онлайн курс “Declassified” («Рассекречены»), который был основан на материалах программы. Данный курс находится в свободном доступе на украинском языке.

Суммируя все вышеуказанное можно утверждать следующее: (1) открытие архивов КГБ в Украине путем принятия специального закона стимулировало интерес к этим документам не только среди историков и журналистов, но и среди широкой общественности; (2) доступ к архивам КГБ является важным элементом противодействия дезинформации об исторических событиях соответствующего периода; (3) образовательная программа «Deconstruction. Архивы КГБ для медиа» помогает представителям прессы в понимании алгоритмов работы с архивными документами и вызывает интерес к этим источникам путем публикации основанных на архивных документах историй в приемлемом для широкой аудитории формате. Опыт проведения подобных программ может оказать позитивное влияние на интенсификацию обсуждения вопроса раскрытия архивов КГБ в остальных постсоветских странах, которые все еще хранят секреты СССР под замком.

Пятая Сессия: Государственная политика памяти в постсоветских странах

Политика памяти и учреждения по изучению коммунизма в Румынии

*Александру-Мурад Миронов,
Преподаватель исторического факультета,
Университет Бухареста*

В институционализации истории и памяти о коммунистическом режиме в Румынии после глобальных перемен в 1989 году было два разных подхода: сеть классических исследовательских организаций, выставок и архивов, которые в некоторых случаях довольно устарели и не фокусируются конкретно на изучении коммунизма, а носят более общий характер; и новые государственные или частные инициативы.

Основные исследовательские организации, мониторинг и финансирование которых осуществляет Румынская академия, состоит из трех исторических институтов, основанных в трех главных румынских университетских городах. Данные институты прикреплены к региональным отделениям Румынской академии: Институт истории «Николае Йорга» в Бухаресте, Институт истории «А.Д. Ксенопол» в Яссы и «Георге Баритиу» в Клуж-Напока. Также есть специализированный исследовательский центр – Национальный центр изучения тоталитаризма в Бухаресте, основанный после Румынской революции (1989 года) в 1993 году. В издаваемом центром журнале «Архивы тоталитаризма» впервые начали публиковать рассекреченные документы из различных румынских архивов.

После 2004 года историческое исследование коммунизма стало слишком политизированным. В 2005 году правительство Румынии учредило собственное исследовательское учреждение – Институт расследования коммунистических преступлений и памяти румынской эмиграции. Несмотря на хорошую историю публикации серьезных книг, руководство института всегда оставалось весьма политически мотивированным.

Отображение коммунизма в музейных экспозициях носит скорее ностальгический, нежели образовательный характер. Главными объектами являются огромное здание парламента, ранее известное как «Дом республики» или «Дом народа», а также Весенний дворец – личная резиденция Николае Чаушеску в Бухаресте. В национальном историческом музее, который владеет коллекциями бывшего музея коммунистической партии, есть много предметов для экспозиции, однако он все еще закрыт на несколько лет из-за реставрационных работ.

Однако есть на севере Румынии есть мемориал Сигет, на месте бывшей тюрьмы, где содержали представителей «буржуазной» политической элиты в начале 1950-х годов. В 1997 году в Сигет была открыта постоянная выставка, а несколькими годами позже фонд мемориала Сигет открыл небольшую выставку в Бухаресте.

Музея коммунизма как такового в Румынии нет, но согласно новой инициативе президента с августа 2019 года открывается «Музей ужасов коммунизма», что звучит скорее как название парка аттракционов, чем настоящего музея.

Коммунистические архивы разделены между Национальным архивом Румынии и Национальным советом по изучению архивов Секуритате. Национальный архив Румынии представляет собой весьма дружественное учреждение, ориентированное на исследования. Назначением архива было заняться хранением всех основных политических и исторических архивов бывшего тоталитарного режима – документов центрального комитета компартии Румынии. После революции декабря 1989 года архив коммунистической партии перешел в ведение армии, но в начале следующего десятилетия было принято решение передать все собрание документов Национальному архиву Румынии. С момента создания партии в 1921 году до ее упразднения в 1989 году было издано огромное количество документов, состоявших из тысяч файлов отделений центрального комитета компартии, особенно много их было составлено начиная с 1944 года, когда коммунистическая партия возглавила правительство.

Изучать социальную и политическую историю Румынии 20 века невозможно без доступа к данным национально архива. Несмотря на недостаточное развитие технической инфраструктуры, Национальный архив Румынии представляет собой прекрасное место для исследований с высококвалифицированными профессионалами своего дела и стремлением всячески содействовать академической работе.

Главной целью основанного в 2000 году Национального совета по изучению архивов Секуритате является проверка прошлого кандидатов на высокие государственные должности на предмет их отношений с бывшей тайной полицией. Вторая группа граждан, представляющая интерес для НСИАС, состоит из лиц, считающих себя жертвами коммунистического режима. Каждое лицо, считающее что вправе требовать соответствующие репарации, имеет возможность доступа к персональным данным.

Научные исследования, хотя и четко определенные законодательством, рассматриваются скорее как дополнительное мероприятие. Новой организации были переданы секретные архивы тайной полиции, включая часть документов (изъятые из Сигуранца), представляющих историческую ценность и по большей части не относящихся к коммунистическому режиму. Несмотря на данное обстоятельство, доступ к ним ограничивается теми же запретами, что и доступ к документам политического характера. Процесс принятия решений чрезмерно политизирован – назначение руководства организации осуществляется исключительно по политическим соображениям парламентских партий. Несмотря на то, что большинство членов правления – ученые, занимающиеся академической деятельностью, не наблюдается единообразия в отношении к исследователям, которых подразделяют на две категории: «внутренние» исследователи – сотрудники Национального совета по изучению архивов Секуритате, и – «исследователей извне», которыми являются ученые, занимающиеся наукой за пределами Совета. Общая скрытность и бюрократия придала Совету образ заведения, недружественного к академическим исследованиям.

В настоящее время отображение истории коммунизма в Румынии, а также соответствующие публичные дебаты и академические исследования представляют собой политический инструмент борьбы политических партий за электорат.

«Прогрессивные» изменения и «стагнация» непрерывности: опыт исследования в Центральном государственном архиве Узбекистана

*Презентация, представленная на второй ежегодной конференции,
посвященной открытости архивов на постсоциалистическом пространстве, организованной
IDFI в Тбилиси, Грузия (04-06.12.2019).*

Мы не разглашаем имя автора по его / ее запросу

Презентация началась с краткой истории Центрального государственного архива Республики Узбекистан (CSAU)⁴⁸, с момента его основания в 1919 году. Также было вкратце затронуто расширение фондов в 1920-х и 1930-х годах. Среди наиболее примечательных приобретений фонда следует отметить документы кошбеги Бухарского эмирата, которые были случайно обнаружены в заброшенном складе в 1930-е годы. Данный фонд (#1-125) является крупнейшим собранием исламских документов персидского мира. Вопросы хранения и каталогизации данного собрания были рассмотрены в заключительной части презентации.

После обсуждения, посвященного советскому периоду деятельности архива, презентация перешла к деятельности в период независимого Узбекистана. Был дан краткий обзор архивного законодательства и соответствующих поправок, осуществленных в 1999-2016 годы. Основная суть секции сводилась к выводу архивов узбекской коммунистической партии и КГБ УзССР из законодательного поля, и как следствие - из фондов Центрального архива. Поскольку архивы партии были перемещены в фонды администрации президента республики⁴⁹, а архивы КГБ УзССР хранятся в фондах его правопреемника - Службы национальной безопасности⁵⁰.

Исключение столь важных массивов документов из поля законодательных регуляций и де-факто запрет на доступ к ним для исследователей весьма ограничили законодательство о доступе к архивам и свободе информации в этой области. В настоящее время деятельность архивов страны осуществляется в соответствии с законом об архивной деятельности, принятом парламентом Узбекистана 03.11.2009 и вступившим в силу 07.05.2010⁵¹.

В другой части презентации подчеркивается запретительный характер закона и правоприменительной практики с точки зрения доступа к архивам, в особенности для иностранных исследователей. В данной секции с точки зрения исследователя рассказывается обо всех препятствиях, с которыми приходится сталкиваться при подаче заявок, регистрации и получении разрешений в архиве (CSAU). Также давался краткий обзор объектов архива, моделей действия, локаций, процедур проникновения в архив, а также других схожих процессов. Например, всем иностранным гражданам следует подавать заявки на доступ к архивам через министерство иностранных дел, что в свою очередь – длительный и недостаточно прозрачный процесс. Даже местным исследователям приходится обращаться за поддержкой учреждений,

⁴⁸ Наименование на узбекском языке: Özbekiston respublikasi markaziy davlat arxivi (ÖZRMDA); in Russian: Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv respubliki Uzbekistan (TsGARUz), Центральный государственный архив республики Узбекистан (ЦГАРУз).

⁴⁹ The name in Uzbek: Prezident devoni.

⁵⁰ Позднее переименованной в Службу государственной безопасности, на узбекском языке: Davlat Havfsizligi Xizmati.

⁵¹ <https://lex.uz/docs/1645544> текст закона на русском языке

чтобы облегчить процесс получения разрешений. Доступ в читальные помещения и в хранилища архивов контролируется сотрудниками полиции, имеющими весьма скудный опыт в охране помещений и слабо владеющими иностранными языками. Комнаты для ознакомления с документами оснащены всего лишь 9-12 столами и зачастую, особенно в летнее время, эти помещения переполнены. Недавно установленный охладитель воды немного спасает положение, однако с другой стороны в самом здании архива предлагается весьма небогатый выбор напитков и закусок.

И последнее, но немаловажное: дается обзор текущих изменений в законодательстве об архивах и архивной практике. Хотя с данной точки зрения изменения и незначительны, но первые попытки дают основания для оптимизма. С 2020 года все документы, изданные до 1917 года, подлежат рассекречиванию. Однако при этом документы, изданные на протяжении всей советской эпохи, остаются вне досягаемости. Четкого механизма рассекречивания не существует, при том что согласно соответствующим подзаконным актам, данный процесс должен быть завершен не позднее 08.02.2020⁵². Будущее покажет, является ли данная инициатива единичной законодательной акцией, или она будет поставлена на регулярную практическую основу и создаст легальную культуру рутинного рассекречивания важных документов. Новые регуляции в архивном законодательстве вступили в действие с 08.02.2020⁵³. Также был издан декрет кабинета министров, касающийся совершенствования архивных практик в Узбекистане⁵⁴, однако новым законодательным актам, которые будут основаны на положениях данного декрета еще только предстоит быть разработанными и предложенными законодателям. В целом, архивные практики и доступ к архивным фондам, в отличие от других сфер, еще не затронуло реформаторское рвение нового правительства Узбекистана, оставив практически неизменным запретительный характер действующего архивного законодательства.

⁵² 3. Агенству [UzArkhiv agency]: а) до 1 июня 2020 года совместно со Службой государственной безопасности Республики Узбекистан принять меры по рассекречиванию в установленном порядке архивных документов исторического периода (до 1917 года), хранящихся в государственных архивах; <https://lex.uz/docs/4523388> приводится текст на русском языке

⁵³ <https://lex.uz/docs/4730178> текст на узбекском языке

⁵⁴ <https://lex.uz/docs/1993488> текст на русском языке

Восстановление «забытого» прошлого – польский опыт

Ева Охман,

*Старший преподаватель восточноевропейских исследований,
Манчестерский университет, Соединенное Королевство*

Переход к демократической политике в Польше после падения коммунистического строя вызвал активную переоценку национального прошлого. Данный процесс осуществлялся в основном под руководством новой политической элиты, которая стремилась наделить новое государство отличающимся набором основополагающих ценностей. Восстановление прошлого, официально стертого и цензурированного коммунистическим режимом, заявило о себе в исторических резолюциях, принятых новым польским парламентом, пересмотре официальных государственных праздников, спонсировании создания новых монументов, открытии музеев и принятии законов о памяти, в которых было сформулирована интерпретация событий, происшедших после 1989 года. Специальная институция – Институт национальной памяти также была учреждена в 1999 году, а ее задачей была переоценка истории Польши двадцатого века.

Процесс восстановления прошлого осуществлялся в двух взаимосвязанных плоскостях. Во-первых, были пересмотрены отношения Польши с соседними государствами и этническими меньшинствами в период Второй мировой войны. Основное внимание было сфокусировано на отношениях между Польшей и Советским Союзом, впрочем, польско-еврейские отношения, а также отношения Польши с Германией и Украиной были также пересмотрены. Такие события, как секретный протокол Пакта Молотова-Риббентропа (документа, на основании которого произошло разделение Европы на сферы влияния Германии и Советского Союза), Катынская расправа (массовый расстрел польских военнопленных «тройками» НКВД в 1940 году) и депортация польского населения СССР в 1939-1940 годы стали частью официального исторического знания. Вторая сфера ревизионистских мероприятий была связана с историей коммунистической Польши, в основном с консолидацией коммунистических сил в Польской Народной Республике и преследованием политических оппонентов коммунистического режима.

Процесс восстановления «забытого» прошлого был обусловлен множеством факторов. Первый: отношения Польши с Российской Федерацией в 1990 году формировались на основании таких внешнеполитических приоритетов как вступление в НАТО и Европейский Союз. Важно было обеспечить гарантии того, что на протяжении всего данного процесса разногласия с Россией по поводу интерпретации исторических событий не будут использованы для создания препятствий реориентации политического курса страны в сторону Запада. Второй: демократические политические преобразования стали предметом обсуждения с польскими коммунистами, в результате весьма осложнился процесс полного осуждения послевоенного коммунистического прошлого на раннем этапе. Более того первоначальный спад уровня жизни в стране во время первой фазы экономических преобразований дал коммунистической партии возможность выиграть парламентские выборы в 1993 и 2001 годах. Компартия же в свою очередь обновилась и в результате преобразования предстала в образе социал-демократической партии западного типа, поддерживая членство Польши в НАТО и ЕС, при этом не оставляя попыток сохранить памятное наследие коммунистического режима. Третье: административные реформы, осуществленные после 1989 года, которыми регулировалось функционирование местного управления, возложили на местные власти ответственность за воздвижение и демонтаж памятников, а также наименование (переименование) публичных пространств,

таких как улицы и площади. Таким образом, памятный «ландшафт» Польши в значительной мере формировался местными властями, которые напрямую ответственны перед электоратом и должны при принятии решений учитывать отношение местного населения к переоценке прошлого. В данном случае пришлось столкнуться с общим нежеланием переименовывать улицы ввиду финансовых и других бытовых последствий, связанных с этими мероприятиями. Однако, военный и послевоенный опыт страны, которые рознились в разных регионах Польши, также сыграли свою роль. Однако, одним из важнейших факторов, повлиявших на восстановление исторического прошлого в Польше, было ожесточенное противостояние между различными группами, сформировавшимися после «Солидарности». В 1980 годы движение «Солидарность» объединило оппозицию против коммунистического режима, однако после краха коммунизма стали очевидны расхождения в отношении к социальным ценностям и экономической политике. Как следствие, не был достигнут консенсус по поводу послевоенной эры (особенности эпохи сталинизма), а также по вопросу о том, как далеко должно зайти восстановление памяти и на кого должны быть возложены соответствующие полномочия в ходе осуществления этих мероприятий.

Наконец, переоценка прошлого была также обусловлена глобальными процессами. В последние десятилетия в демократических политических системах пошатнулось доминирующее положение центральных властей в вопросах формулирования и поддержки особого нарратива о прошлом. Развитие новых средств глобальной коммуникации и медиа-технологий, кросс-культурные связи и появление различных групп, вовлеченных в собственную политику идентичности, привели к некоторой фрагментарности национальной памяти, а также к ее демократизации и космополитизации. Как следствие это повлекло более плюралистическое понимание того, чья память о прошлом должна иметь решающее значение.

Таким образом, в масштабах всей Польши процесс оценки прошлого характеризуется не только конкретными достижениями, но также и неприятными конфликтами, часто упоминаемыми как «войны памяти». Данную ситуацию наилучшим образом можно охарактеризовать, обратившись к двум примерам. Главные, отмеченные многими наградами мультимедийные музеи были учреждены с целью предоставления информации о событиях, которые были удалены из официальной истории Польши под влиянием цензуры, такие как: Музей Варшавского восстания, Музей истории польских евреев (POLIN) и Музей Второй мировой войны в Гданьске. В то же время эти музеи являются источником непрерывных политически мотивированных разногласий в процессе назначения руководства и директоров этих учреждений. Другим полезным примером того, каким сложным может быть процесс оценки прошлого является деккоммунизация публичных пространств. После падения коммунистического строя множество памятников героям коммунизма исчезли с центральных улиц городов страны. Затем последовало переименование улиц, однако данный процесс был завершен не везде. Некоторые представители муниципальных властей по разным причинам не инициировали процесс полной деккоммунизации публичных пространств. Первая попытка навязать принудительное удаление памятников таких как памятники красноармейцам, которая объяснялась борьбой с «прославлением коммунизма», была предпринята в 2000 году. Однако соответствующий закон не был поддержан большинством в парламенте, так как представлялся чрезмерно радикальной формой государственного вмешательства в сферу монументальной исторической памяти. Тем не менее, соглашаясь с тем фактом, что «прославляющие коммунизм» символы несовместимы с ценностями современного польского государства, многие политики ставили под сомнение то, что мемориальный аспект исторической памяти может «очищаться» сверху на основании

приказа администрации. Сам процесс идентификации символов, «прославления коммунизма» также был весьма непростым. В конце концов, закон был принят в 2016 году, когда партия «Право и справедливость» добилась большинства в парламенте. Данный закон возлагает на власти обязательство удалять из публичных пространств имена и наименования, «символизирующие коммунизм». В октябре 2017 года была принята поправка к данному закону, распространявшая действие данной нормы также на памятники. Впрочем, имплементация данного закона о памяти прошла не без определенных сложностей, поскольку некоторые представители власти оспаривали необходимость переименования в судах.

Музей POLIN, Фото: Ева Охман

Музей Варшавского Восстания, Фото: Ева Охман

Соответственно, до сих пор польское государство не монополизировало и не распространило полный контроль над переоценкой истории Польши двадцатого века. В течение продолжительного периода посткоммунистической трансформации Польши, процесс восстановления «забытого» прошлого сопровождался международным и внутригосударственным давлением и разнообразными политическими повестками. Общего консенсуса удалось достичь относительно восстановления памяти, связанной с трагическими событиями польской истории, в особенности в период Второй мировой войны. Что же касается послевоенного периода истории Польши, консенсуса о том, что именно произошло и по каким причинам, достичь удалось в гораздо меньшей степени. Попытки центральной власти быть единственным субъектом, полномочным формулировать «историческую правду», не встретили поддержки всех групп, участвовавших в переоценке прошлого.

Демократические преобразования, включавшие административную децентрализацию, привели к тому, что местные власти и различные сообщества настаивали на более плюралистическом понимании расстановки сил. Вместе с тем, процесс восстановления прошлого подрывается оппозиционной политикой памяти. Ответственность за прошлое зачастую использовалась для дискредитации политических оппонентов и стала оружием в борьбе за власть внутри страны, как следствие некоторые группы польской общественности к восстановлению памяти относились с определенной долей скепсиса. В подобных условиях заслужить доверие нации (которое даст возможность оказывать эффективное влияние на процесс оценки прошлого) стало весьма непростой задачей.

Политика государственной памяти в Грузии и сходства с другими постсоветскими странами

Меги Карцивадзе,

Аналитик, Институт развития свободы информации (IDFI)

В процессе разработки общей методологии доступа к политике памяти в разных странах Институт развития свободы информации (IDFI) разделил схему оценки на четыре аспекта: законодательный, институциональный, памятный и монументальный. Следуя данной схеме, презентация фокусируется на обзоре политики памяти в Грузии с 1991 года и ее сравнении с постсоветскими странами - в основном прибалтийскими государствами.

В рамках законодательного аспекта, презентация охватывает три вопроса: люстрация, запрет на использование символов тоталитаризма и реабилитацию жертв режима. В Грузии ввиду напряженных политических процессов, а также в результате пожара в здании бывшего КГБ, повлекшего уничтожение 210 000 архивных файлов, принятие закона о люстрации откладывалось вплоть до 2011 года, когда Парламент Грузии наконец принимает Хартию свободы. Хартия свободы включает три основных направления: антитеррористические мероприятия, люстрация и запрет на использование советской символики. Каждое из этих направлений подробно описывается, а также обсуждаются все связанные с ними вызовы. Хартия свободы также сравнивается с соответствующими законами Эстонии, Литвы и Латвии.

В результате подчеркивается, что основным препятствием для принятия закона о люстрации в Грузии считается уничтожение архивов КГБ, поскольку во многих случаях невозможно предать огласке информацию о бывших сотрудниках советских спецслужб, установить степень их политической ответственности и предотвратить назначение этих лиц на важные публичные должности. Также представляется относительно расплывчатой оценка эффективности деятельности Комитета государственной безопасности, ответственного за сбор данных о людях, сотрудничавших со спецслужбами тоталитарных режимов на законных основаниях, а также ведение соответствующего реестра.

Что же касается запрета на использование тоталитарной символики, в презентации показано, как Хартия свободы запрещает публичное изображение определенных символов, и как данный запрет работает на практике. Специалисты пришли к выводу, что независимо от существования такого закона, механизмы его исполнения и эффективность комиссии, ответственной за осуществление мониторинга таких дел, остаются неясными. Согласно информации, полученной IDFI в службе государственной безопасности, комиссия с момента своего создания вплоть до 2015 года провела только одно заседание, в то время как в 2016-2017 годы всего лишь пяти организациям было выдвинуто требование о прекращении демонстрации символов коммунистического тоталитаризма. Грузинское общество и по сей день наблюдает как периодически в разных местах страны воздвигают памятники Сталину, а многие городские улицы названы в честь не только Сталина, но и других советских лидеров.

Что же касается реабилитации жертв режима, в презентации дается обзор соответствующего законодательства, а также изменений, которое оно претерпело. В Грузии реабилитация жертв коммунистического режима регулируется законом «О признании граждан Грузии жертвами политических репрессий и социальной защите репрессированных лиц», принятом в 1997 году.

Согласно данному закону, политические и социальные права, воинские и специальные звания, награды и частная собственность лиц, признанных жертвами репрессий, будут восстановлены.

Отдельной статьей также регулируется вопрос выплаты компенсаций жертвам с указанием о том, что данные лица вправе требовать компенсации от государства, если же репрессированного лица нет в живых, его законные наследники также имеют право на соответствующее возмещение. В настоящее время минимальная компенсация назначена в размере 1000 лари, а максимальная – 2000 лари. В презентации дается сравнение терминов «жертва» и «репрессии», определенных законодательством Грузии и Эстонии. В заключение делается вывод, что основные проблемы реабилитации жертв тоталитарного режима в Грузии обусловлены уничтожением в ходе гражданской войны в Грузии большей части документов КГБ, содержавших информацию об этих лицах.

В рамках институционального аспекта оценки в первую очередь дается сравнительный анализ деятельности государственных комиссий по установлению исторической правды в Грузии, Эстонии, Литве и Латвии. В Грузии такая комиссия, которая называется «Комиссия по установлению исторической правды», была учреждена в 2011 году, а уже в 2012 году ею был опубликован пятидесятистраничный документ о 200 годах русской оккупации. Упомянутый доклад соответствовал текущему государственному дискурсу, основанному на мета-нарративе о российской оккупации, связывающем нынешнюю оккупацию Абхазии и Южной Осетии Российской Федерацией с оккупацией территорий Грузии большевиками и Российской Империей в прошлом. Таким образом, можно считать, что в отличие от стран Балтии, деятельность комиссии в Грузии в большей степени заключалась в объяснении и осмыслении современных отношений между Россией и Грузией в историческом контексте, нежели переосмыслении событий прошлого и реабилитации жертв тоталитарного режима. Дополнительно Музей советской оккупации Грузии сравнивается с Литовским музеем оккупации и борьбы за свободу, Музеем оккупации Латвии и Эстонским музеем оккупации и свободы Vabamu.

В контексте памятного аспекта, в первую очередь подчеркивается, что празднование 9 мая имело особое значение в постсоветском пространстве, которое в первую очередь заключалось в легитимации нарратива о монополии России на победу во Второй Мировой Войне, что стало весьма спорным вопросом во многих бывших советских республиках. Хотя Грузия и Украина решительно заявили о западном политическом курсе, 9 Мая все еще является официальным государственным праздником в наших странах. Презентация показывает, что все пятнадцать постсоветских стран празднуют победу во Второй мировой войне, также подчеркивается, что только в странах Балтии 9 Мая не является государственным праздником. Далее обсуждается наименование улиц как особая форма проявления исторической памяти. Показано, что, хотя в большинстве постсоветских государств и переименованы улицы, названные в честь советских лидеров и идеологов, а также Хартия Свобод запрещает использование советской символики, в Грузии все еще есть несколько улиц, названных в честь Сталина.

Наконец, касательно монументального аспекта, презентация показывает, как демонтируются советские монументы в постсоветских странах, например, демонтаж статуи Сталина в Гори и памятников Ленина в Украине, а также перенос памятника «Бронзовый солдат» в Эстонии. В то время как разрушение памятников Ленина в Украине было проявлением протеста в рамках Евромайдана, в Грузии и Эстонии подобные акции были проявлением государственной политики, которая отражала геополитический выбор в этих странах, что повлекло за собой масштабный протест среди определенных групп населения.

В заключение следует отметить, что основной целью презентации является предоставление информации о схеме политики памяти в разных странах, состоящей из четырех аспектов. Подобное подразделение дает исследователям со всего мира возможность осуществлять деятельность по стандартизированному образцу в процессе оценки политики памяти в отдельных странах, а затем проводить сравнительный анализ разных подходов. Сравнение политики памяти в разных странах наглядно демонстрирует наилучшие и худшие практики, а также возникающие в процессе вызовы, требующие немедленного решения, что собственно и является главной целью деятельности международного проекта IDFI.

Деятельность Комиссии по изучению и оценке тоталитарного коммунистического режима в Республике Молдова: почему она оказалась частично неудачной?

Игорь Кашу,

*Центр исследования тоталитарных режимов и Холодной войны,
Факультет истории и философии, Государственный университет Молдовы.*

Политика памяти играла важную роль во многих парламентских кампаниях с 1991 года, но особенно актуальной она стала в последние десять лет. В 2009 году антикоммунистическая либеральная партия попыталась добиться поддержки электората ссылаясь на необходимость запрета коммунистической партии и тот факт, что коммунизм является не менее преступной идеологией, чем фашистские идеологии, в частности – национал-социализм. Другая влиятельная политическая партия Альянса за европейскую интеграцию – либерально-демократическая партия весьма критически относилась к нежеланию коммунистической партии осудить преступления, совершенные в эпоху коммунистического строя. Она обещала восстановить прорумынский и проевропейский национальный дискурс, главенствовавший в истории с 1990-х годов. Привлекательность двух этих партий для молдовского электората обуславливалась тем, что их лидеры представляли собой новое поколение молдовских политиков, получивших образование в Румынии и на Западе, и не имевших номенклатурного прошлого. Даже оппозиционное движение альянс «Наша Молдова» под руководством бывших представителей партийной номенклатуры среднего звена, разыгрывали антикоммунистическую карту. Одержав победу на выборах, эти три партии вместе с демократической партией под руководством Мариана Лупу сформировали коалиционное правительство в сентябре 2009 года. Хотя коммунистическая партия Молдовы проводила политику реабилитации Сталина и почитания Ленина, в ходе предвыборной кампании 2009 года она изменила отношения к жертвам массовых депортаций. Ощущая утрату популярности после ожесточенных антикоммунистических массовых выступлений в Кишинэу 7 апреля 2009 года, коммунистическое правительство выделило около тринадцати миллионов леев (миллион долларов США) на выплату репараций жертвам сталинских депортаций. Это был прекрасный пример того, как политика памяти стала инструментом электоральных интересов. Возможность люстрации публично обсуждалась в 2005 и 2006 годах. Одно из ведущих национальных периодических изданий Jurnal de Chişinău опубликовало около двухсот интервью с местными политиками и деятелями культуры, задавались вопросы об их отношении коммунизму, перспективах закона о люстрации, а также о том, сотрудничали ли они с КГБ в советский период. Несмотря на то, что большинство опрошенных коммунизм осуждало, только меньшинство поддержало идею закона о люстрации, а некоторые и вовсе не выказали сожаления по поводу сотрудничества со спецслужбами в советский период.

Прорыв в политике памяти случился в январе 2010 года, когда была создана Комиссия по изучению и оценке тоталитарного коммунистического режима по распоряжению исполняющего обязанности президента республики Михая Гимпу, который также был лидером либеральной партии. Комиссия включала тринадцать членов, среди которых были историки, писатели, социологи, юристы и лингвисты. В результате были открыты доселе недоступные архивы, включая архивы КГБ и Министерства внутренних дел Молдавской ССР. Комиссия должна была представить предварительный отчет к 1 июня 2010 года, однако его не удалось завершить ввиду

отсутствия единого мнения по поводу окончательной версии документа. Комиссия разделилась на две группы: представители первой группы – бывшие советские историки – разыгрывали национальную карту, а вторая группа состояла из молодых историков, получивших образование в Румынии и на Западе, последние настаивали на более сбалансированном подходе, отрицая этнизацию репрессий коммунистического режима. Наконец, издание о вкладе членов комиссии было опубликовано осенью 2011 года в Кишинэу. Данное издание включало обзор основных аспектов, связанных с репрессивной политикой Москвы в отношении тогдашней Молдавской ССР, несколько глав посвящалось советской национальной политике, также в одной обширной главе говорилось о политике памяти властей Кишинэу после 1989 года. Первая часть издания содержит статьи, написанные историками и исследователями политики из Восточной и Центральной Европы, включая несколько членов Президентской комиссии по анализу коммунистической диктатуры в Румынии. Исследователи из Румынии помогли молдавским ученым, щедро делясь опытом работы с румынскими архивами и административными вопросами, связанными с доступом к ранее засекреченным данным. В результате деятельности было опубликовано несколько томов документов, остальные готовятся к публикации в ближайшие годы.

Результаты деятельности Комиссии по изучению и оценке коммунистического тоталитарного режима в Республике Молдова были кратко подытожены одним из молодых членов комиссии Андреем Куско, получившим степень доктора истории в Центрально-европейском университете: «Эффективность комиссии была ограничена неопределенностью ее мандата, краткими сроками деятельности, недостатком действенных законных средств (полномочий на выдачу повесток и ордеров), ограниченной политической поддержкой ее работы и тенденции, при которой определенные политические силы пытались использовать деятельность комиссии в собственных интересах, а также недостаточной представленности в Комиссии членов гражданского общества и организаций, представляющих интересы меньшинств и жертв тоталитарного режима. Впрочем, работа комиссии помогла рассекретить недоступные ранее архивы (включая архивы спецслужб) и повысить осведомленность общественности о природе и последствиях предыдущего строя. Данная комиссия представляет собой только первый шаг в процессе создания сложной и многоплановой институциональной структуры, которая в итоге должна привести к осуществлению исторического правосудия в Молдове переходного периода». Данная точка зрения наилучшим образом характеризует успехи и неудачи в деятельности вышеуказанной комиссии «правды» в Молдове.

Шестая Сессия: Общая память после окончания тоталитарной коммунистической эры

Пределы иконоборчества: советские военные мемориалы с времен падения социализма

Миша Габович,

Исследователь, Форум Эйнштейна в Потсдаме, Германия

Существует широко распространенное мнение о том, что страны бывшего советского блока удалили большинство публичных монументов и памятников эпохи коммунизма вскоре после распада социалистического строя. Данное мнение, основанное на ряде широко растиражированных примеров постсоветского иконоборчества, весьма преувеличено. Данная статья, фокусируясь на примерах военных мемориалов, предоставляет обзор деконструкции и удаления памятников начиная с советского периода. В статье демонстрируется, что централизованные кампании по удалению советских военных мемориалов (в отличие от местных инициатив) являются скорее исключением, нежели правилом. Таким образом самая последняя кампания по декоммунизации Польши является исключением с точки зрения постсоциалистической политики в отношении советских мемориалов. Данный документ также контекстуализирует случаи удаления или уничтожения памятников, указывая на такие виды отношения к памятникам, как символическая маргинализация, различные художественные эксперименты, а также создание новых сооружений.

Осуществленные в последнее время в Польше кампании по удалению памятников Красной армии с новой силой разожгли дебаты о судьбе монументов социалистической эпохи в Восточной Европе даже в большей степени, чем недавние события в Украине 2014-2015 годов, связанные с разрушением памятников Ленину. Основываясь на более детализированном обзоре⁵⁵, данное краткое эссе контекстуализирует пример Польши, фокусируясь на уничтожении советских военных мемориалов за пределами национальных границ.

Является ли Польша в данном случае исключением, или данные мероприятия представляют собой просто завершение процесса, начатого в 1989 году?

Существует широко распространенное мнение, согласно которому страны бывшего советского блока удалили все или большинство публичных монументов коммунистической эпохи сразу после отмены социалистического строя. Данное мнение, основанное на ряде широко растиражированных примеров постсоветского иконоборчества, весьма преувеличено. В данном случае ретушируются серьезные различия между странами и не демонстрируются важные отличия между несколькими примечательными кампаниями по удалению памятников по распоряжению центральных властей и более частыми примерами удаления или модификации монументов по инициативе местных властей. Самое важное, что не дается подразделение по различным типам памятников.

⁵⁵ To be published in English in: Lana Lovrenčić, Sandra Križić Roban, Marko Špikić, eds., *War, Revolution and Memory: Post-War Monuments in Post-Communist Europe* (Zagreb: Institute of Art History), and in German in: Jürgen Danyel, Thomas Drachenberg, Irmgard Zündorf, eds.: *Kommunismus unter Denkmalschutz?* (Worms: Wernersche Verlagsgesellschaft), 49-64.

Однако иногда военные мемориалы, схожие по стилю с другими монументами, являются особыми объектами, так как многие из них связаны со противоречивыми и спорными моментами истории. Некоторые памятники, особенно установленные в центральных публичных локациях, стоят на военных кладбищах. Такие памятники часто охраняются по Женевской конвенции⁵⁶ и ряду двухсторонних соглашений, заключенных с Россией, Беларусью и Украиной⁵⁷, даже при том, что содержание многих из этих актов расплывчато и дает широкое поле для интерпретаций.

- в то время как другие претерпели изменения по политическим соображениям:

⁵⁶ In particular, article 34, paragraph 2b of the Additional Protocol of 1977.

⁵⁷ The texts of the agreements to which Russia is a signatory can be found on the Russian foreign ministry's web site; for an overview see <http://mil.ru/commemoration/foreign/agreements.htm>.

В дополнение следует отметить, что на постсоветском пространстве в зоне влияния бывшего Советского Союза в последнее время воздвигнуто неожиданно много новых мемориалов солдат Красной армии (зачастую не обязательно на военных кладбищах) даже в таких удаленных странах как США, Израиль и Китай. Зачастую строительство таких монументов спонсируется государственными службами и богатыми донорами из России или Казахстана, впрочем, иногда это могут быть новые эмигранты и долгосрочные резиденты стран, имеющие тесные биографические связи с бывшими советскими республиками. Вместе с представителями политических меньшинств, ввиду множества разнообразных причин симпатизирующих советским или российским взглядам на события Второй мировой войны, данные группы также начали использовать существующие мемориалы в качестве центров новых памятных ритуалов в честь сражавшихся и погибших в войне.⁵⁸ В то время как подобные ритуалы раньше как правило проходили под руководством властей, сейчас это скорее целый ряд практик, инициированных «снизу», участники которых подчеркнуто проводят памятные мероприятия в честь некоторых лиц, даже при том, что существует мнение, что распространение подобных активностей может прийти вплоть до прямой поддержки геополитических проектов, поддерживаемых Кремлем. В качестве примера можно привести весьма популярную процессию, известную как «Бессмертный полк» и другие различные шествия к советским военным памятникам в разных странах.

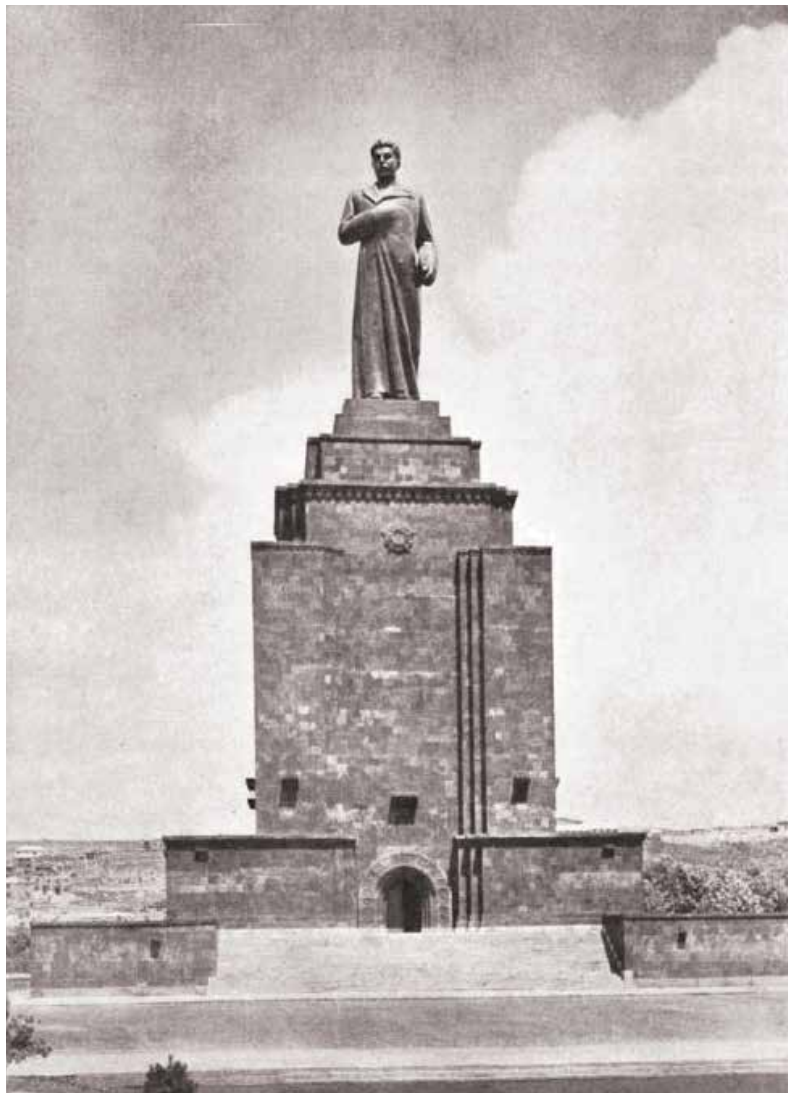
Таким образом, разрушение или удаление памятников является одним из многих способов отношения к советским военным памятникам и, пожалуй, самым распространенным.

Самый примечательный и самый трагичный акт разрушения советского военного мемориала осуществлен 19 декабря 2009 года в Грузии. В рамках проекта децентрализации политических институтов было запланировано строительство нового здания парламента в Кутаиси – втором по величине городе страны. Президент Михаил Саакашвили отдал распоряжение освободить место для строительства и взорвать кутаисский Монумент воинской славы, что одновременно стало символическим жестом десоветизации страны. В результате неудачной детонации обломки 40-метровой конструкции разлетелись на сотни метров. Осколки попали в женщину и ее восьмилетнюю дочь, что привело к их гибели, несколько человек также получили ранения в том числе и тяжелые. Интерпретация памятника как символа советской оккупации была

⁵⁸ See Mischa Gabowitsch, Cordula Gdaniec, Ekaterina Makhotina, eds., *Kriegsgedenken als Event: Der 9. Mai 2015 im postsozialistischen Europa* (Paderborn: Schöningh, 2017); Mikhail Gabovich [Mischa Gabowitsch], ed., *Pamiatnik i prazdnik* (Moscow: NLO, forthcoming).

весьма сомнительна: в конце концов это было произведение искусства грузинских художников, которым, используя национальные народные мотивы, авторы чтят память павших в войне. В любом случае, навязанное сверху решение об уничтожении памятника в течение долгого времени было исключительным случаем, однако, как это ни парадоксально, подобные примеры были и в предшествующую советскую эпоху.

Подрывы и уничтожения индивидуальных военных мемориалов имели место в 1950-е и ранние 1960-е годы. До 1953 года некоторые памятники, установленные местными жителями и отдельными военными подразделениями, иногда разрушались, чтобы увязать их с официальной идеологией. После смерти Сталина памятники победе в 1945 году памятники в виде монументальных статуй Сталина были демонтированы. Памятник победы в Ереване - столице Армении можно считать одним их таких примеров: статуя высотой 16,5 метров на 33-метровом пьедестале, указывающая в сторону Турции, была разобрана в 1962 году и впоследствии заменена на статую «Мать Армения».

Статуя победы (памятник Сталину) в Ереване (открыт в 1960 году, разобран в 1962 году). Источник Ю.С.Яралов «Памятник И.В.Сталину» (Москва, «Советский художник», 1952 г., иллюстрация обложки).

В 1960-у бесчисленное количество ранних военных монументов, как правило - бетонных обелисков, облицованных гранитными плитами, было разрушено и заменено на более продуманные памятные сооружения. Вдобавок многие памятники советским солдатам и военные мемориалы стали объектами атак некоторых лиц – например в Эстонии, Польше и Восточной Германии, так как олицетворяли российскую оккупацию.

С 1989 года также осуществлялись спонтанные атаки и акты вандализма подобного рода; впрочем, большинство мемориалов избежало удаления и тем более уничтожения, инициированного государством. В Риге или Львове, Будапеште или Брно статуи Ленина и первого руководителя советской тайной полиции Феликса Дзержинского систематически демонтировались, в то время как случаи удаления военных мемориалов были гораздо более редкими, а отдельные случаи полного уничтожения были скорее исключением. Памятниками, которые подлежали деконструкции в основном были монументы лиц, входивших в пантеон советских военных героев либо монументы-танки.

В Литве большинство не связанных с войной статуй, которые не расположены на местах военных кладбищ, испытало на себе волну спонтанного иконоборчества в 1990-91 годы, однако это происходило не по инициативе центрального правительства. Многие статуи были перенесены впоследствии в Парк Грутас, открытый в 2001 году. Наряду с другими военными мемориалами там можно встретить несколько памятников литовской партизанке Марите Мельникайте и военными командирами, служившими до 1941 года. Также, впрочем, в парке Грутас можно увидеть могильные камни, перенесенные сюда с советских военных кладбищ.⁵⁹

Акты удаления памятников советской эпохи продолжались на протяжении всего постсоветского периода. Большинство таких случаев было инициировано местными властями и обуславливалось местными же обстоятельствами. Типичным обоснованием было желание найти более приемлемое место для памятных монументов. Иное развитие политики памяти было в разных регионах России и Беларуси, где новые монументы войны возводились и в постсоветский период в центральных или легкодоступных локациях.

Самым знаменитым примером политически мотивированного конфликта связан с переносом статуи «Бронзовый солдат» в Таллине из центра города на военное кладбище в 2007 году⁶⁰. Приняв такое решение, центральное правительство Эстонии фактически вмешалось в разногласия между разными группами. Памятные ритуалы, связанные с празднованием Дня победы (9 Мая) набирают все большую популярность среди русскоязычного населения страны, которые усматривают в данном монументе своеобразный образ коллективной самоидентификации. В свою очередь эстонские националисты интерпретируют 9 Мая как символ оккупации и проводят контр-демонстрации. Попытки правительства разрешить конфликт технократическим образом⁶¹ путем удаления противоречивого монумента подлило масла в огонь противостояния, что через несколько дней привело к столкновениям, в результате которых погиб человек. В свою очередь конфликт в Эстонии привел к тому, что дебаты по поводу монументов войны разгорелись с новой силой.

Конфликты другого типа возникли после того, как данные монументы приобрели новое значение в общественной жизни: туристические достопримечательности, импровизированные скейт-парки и др. Так город Легница, в котором был расположен штаб командования Советской армии в Польше, стал использовать памятники и преподносить себя как своего рода «Маленькую Москву»⁶², вдохновившись успехом одноименного фильма, – достаточная причина противостояния

⁵⁹ Ekaterina Makhotina, *Between Heritage and (Identity) Politics: Dealing with the Signs of Communism in Post-Soviet Lithuania*. Unpublished manuscript.

⁶⁰ Karsten Brüggemann and Andres Kasekamp, *The Politics of History and the "War of Monuments" in Estonia*, in: *Nationalities Papers*, vol. 26, no. 3, 2008, 425–448.

⁶¹ Alexander Astrov, *States of Sovereignty: "Nature," "Emergency," and "Exception" in the "Bronze Soldier" Crisis*, in: *Russian Politics & Law*, vol. 47, no. 5, 2009, 66–79.

давлению Варшавы. Софию – столицу Болгарии можно отнести к той же категории: здесь советский военный мемориал защищали не только официальные представительства посольств и политических групп левого толка, но также софийские скейтбордисты, защищавшие памятник как место проведения своих спортивных мероприятий.⁶³

В Украине законы о декоммунизации 2015-16 годов главным образом фокусировались на памятниках коммунистическим лидерам, которые легче было интерпретировать как символы оккупации, чем мемориалы павшим воинам армии, в которой воевали миллионы украинцев. Многие военные мемориалы были переосмыслены и вписаны в новые памятные практики, но не демонтированы. Отдельные исключительные случаи касались военных командиров, занимавших высокие политические должности. Даже этот критерий не исключал некоторых двусмысленностей. Например, в случае с повсеместно уважаемым лидером украинских партизан Сидором Ковпаком даже авторы законов о декоммунизации признавали, что не имели четкой позиции, касающейся этой исторической личности. С другой стороны, администрация города Харькова исключила статую советского маршала Георгия Жукова из списка декоммунизации ссылаясь на его художественную ценность. Еще одним памятником, которому угрожало уничтожение во время написания законов о декоммунизации, был монумент воинской славы во Львове, который посвящен победе во Второй мировой войне, но также и советской армии в послевоенный период. Данный монумент был символически воздвигнут у внешних границ Советского Союза после подавления «Пражской весны» советскими вооруженными силами. Впрочем, кампания по демонтажу не ограничивалась только законами о декоммунизации, она была инициирована местными активистами, при этом большинство противников данной кампании были также местными сотрудниками служб по охране памятников и специалистами по истории города.

Таким образом, несмотря на то, что Украину и другие страны можно считать предшественниками Польши, начало кампании национально-консервативной партии Польши в октябре 2017 года можно считать первым прецедентом систематической, организованной центральными властями программы по удалению советских военных мемориалов в постсоциалистической стране. Поправка к закону 2016 года, запрещающая коммунистическую пропаганду четко указывала на прославляющие монументы и военные мемориалы. Исключения были возможны на основании соответствующих заявлений, однако закон предоставляет назначенным правительствам воеводам (губернаторам) и аффилированному с государством Институту национальной памяти широкие полномочия в плане толкования закона и принятия решений. Поскольку вмешательство государства временами встречает противодействие со стороны местной администрации и населения, подобные контрмеры не всегда успешны.

Таким образом, самым проблематичным аспектом кампании польского правительства является намеренное принятие решений, при которых обходятся стороной противоречивые смыслы монументов социалистической эпохи. Разумеется, дебаты вокруг военных мемориалов зачастую представляются как конфликт между двумя историческими нарративами, что задело российских комментаторов, обвиняющих польскую сторону в своеобразном геополитическом вызове и попытках переписать историю. Однако, памятники – это больше, чем текст: на протяжении всей своей истории они часто обретают многослойные смыслы помимо тех, что в них вкладывали создатели или усматривали историки и политики. Это необязательно делает их менее противоречивыми, но означает, что дебаты вокруг монументов советской эпохи – это не только просто разногласия о том, у кого более правильное понимание истории.

⁶² See the travel guide: Wojciech Kondusza, *Śladami Małej Moskwy* (Legnica 2012), 10–12.

⁶³ Daniela Koleva: *Pamiatnik sovetskoj armii v Sofii: pervichnoe i vtorichnoe ispol'zovanie* (Neprikosnovennyi zapas no. 101, 2015), 184–202, 197.

Искусство как медиум памяти

Александра Цай,

Культуролог, куратор, "Open Mind", Казахстан

В Казахстане современные художники все чаще обращаются к темам исторической памяти и коллективной травмы в своих работах. В этой презентации, на примере кураторского проекта "Живая память" я бы хотела кратко рассказать о том, как искусство становится медиумом для памяти, а художники - активистами памяти, которые ведут работу с осмыслением трудного прошлого художественными средствами и восстановлением памяти о нем. Искусство, приближаясь к эмоциональному, аффективному восприятию жизни, к синтезу между аналитическим и чувственным, вмещает и передает то, что не может вместить и передать текст. Для работы с коллективной травмой и памятью это свойство искусства становится очень важным, так как помогает приблизить зрителя к тому страшному опыту, через который прошли тысячи людей в прошлом.

В выставочном проекте "Живая память" художники работали с историей сталинских репрессий в Казахстане в 1930-1940х годах - коллективизацией, принуждением к оседлости кочевников и вызванному этими действиями голоду, в результате которого погибла треть населения Казахстана и еще треть была вынуждена бежать в соседние страны, массовыми депортациями, организацией системы исправительно-трудовых лагерей, с коллективной и семейной памятью о сталинизме и осмыслением репрессий современным казахстанским обществом. Художники выставки, среди которых Александр Угай, Олег Карпов, Роман Захаров, Асель Кадырханова, Саид Атабеков, Бахыт Бубиканова, Зоя Фалькова, Рашид Нурикеев, обращаются ко взаимоотношениям между памятью личной и коллективной, к самой возможности памятования, к вопросу архива, как накопления знания, к обращению к архиву, как коллективному вспоминанию самих себя.

Фотография - один из основных медиумов памяти. Возникшая из желания остановить мгновение, победить бег времени, она является по определению Ролана Барта «сертификатом присутствия». «Сертификат присутствия», фотография еще и артефакт времени, доказательство подлинности произошедшего. Подлинность в работе с памятью скорее не характеристика и не качество, а отношение, направленность мысли и действий. Коллективная память на советском и постсоветском пространстве слишком часто становилась объектом манипуляций, идеологическим конструктом, который выстраивался в зависимости от политической повестки. Государство, применившее репрессии, стремилось подчинить себе и память о них - что и как следует помнить. В этом контексте, художники, восстанавливающие память и справедливость, ставят вопрос и о необходимости подлинного - покаяния перед невинно погибшими и погубленными.

На невозможность передачи опыта прожитого, в особенности опыта трудного, опыта травмы указывает в своей работе «Объекты памяти - архив» Александр Угай. Он представляет серию снимков, переснятых в архивах Карагандинского исправительно-трудового лагеря (Карлаг) и Акмолинского лагеря жен изменников родины (Алжир). Но показывает художник обратную сторону фотографии, на которой обычно оставляют пометки, маленькие комментарии. Александр делает отсылку к тому, что остается за пределами образа - к чувствам, мыслям, ощущениям, слезам, неровностям почерка. Художник говорит, что даже архивный снимок только лишь след, слепок, который не передаст того, что можно только пережить. Исследователи травмы пишут

Александр Угай, Олег Карпов, Роман Захаров

о том, что трагический опыт, болезненный опыт очень сложно понять и ощутить тем, кто с ним никогда не сталкивался. И это один из ключевых вопросов при работе с памятью, как сказать о том, о чем сказать нельзя?

С архивами на протяжении нескольких лет работает и Олег Карпов. В серии «Зияющие пустоты» он представил портреты с групповых виньеток тридцатых годов, лица, которые были выцарапаны или закрашены после того, как человека осуждали или приговаривали к высшей мере наказания. Репрессивный аппарат уничтожал не только человека, он хотел стереть любые упоминания о нем, изъять из групповых фотографий. Ранг и должность не имели значения, гонениям и забвению мог быть предан каждый, от первого секретаря Центрального Комитета коммунистической партии до рядового ее члена. Олег ведет обратную работу, возвращает имена, собирает портреты. Его работа - метафора на многие попытки вернуть утерянную память, желание приблизить, навести фокус на то, что хотели изгнать и уничтожить. Ряд портретов напоминает советскую и современную традицию украшать изображениями лидеров свои кабинеты, только «доска почета» здесь иного рода, свидетельствующая об оборотной стороне истории, которая тоже наша и касается нас, «потомков – плодов отрицательного отбора», как пишет автор.

Олег Карпов, "Зияющие пустоты"

Роман Захаров тоже использует архив, но обращается к личному архиву, к семейной истории, достает с дальней полки старые фотографии. «Семейный альбом» - это история семьи, история очень личная, но траектория судьбы которой стала общей для тысяч человек. Сюзан Зонтаг в эссе о фотографии писала, что через фотографии каждая семья конструирует собственную хронику – портативный комплект изображений, свидетельство своего существования и связей, что соединяют их друг с другом. Семейный альбом создается и хранится почти в каждом доме, рассказывает о счастливых моментах, о любимых лицах. «Семейный альбом» Романа Захарова это не только личная хроника художника, в листы этого альбома можно вставить сотни и тысячи разных и очень похожих семейных историй.

Асель Кадырханова, художница и докторантка университета Лидса, исследует постсоветскую память и травму как предмет осмысления через искусство. Для книги Асель написала эссе о том, как она работает с теориями постпамяти и травмы в своей художественной практике, объясняя, почему последствия травмы – экстремального события или события предельной жестокости, могут длиться теоретически бесконечно. Симптомы травмы появляются с опозданием, так как в момент происшествия сознание не способно принять случившееся. Но позднее травма возвращается в виде навязчивых повторений и отсылок к ней. Переживший травму индивид, пишет Кадырханова, ссылаясь на исследовательницу травмы Кэти Карут, стремится не забыть ее, а вспомнить. «Окна толерантности» - это воспроизводство, повторение травмы, которая существует в теле города в виде оконных решеток. Сталинский террор как коллективная травма становится одним из предметов художественной практики и исследований Асель, которая, являясь носителем собственной семейной памяти, как художница становится и актором памяти коллективной, создателем культурной памяти. Искусство как медиум памяти, позволяющий сохранять ее и в то же время ставящий вопросы о конструировании и манипуляциях с памятью, помогающий преодолевать последствия травмы – центральный предмет работы Кадырхановой.

Асель Кадырханова, "Окна толерантности"

Зоя Фалькова, "Рот открытого неба"

Гибели людей и гибели скота во время коллективизации в 1930-х годах работа Зои Фальковой посвящена. По разным оценкам, в результате голода в Казахстане погибло от 800 тысяч до 2,5 миллионов человек. Художница использует реальные предметы – человеческие, конские и бараньи зубы, показывая тесную связь и зависимость, которая была между кочевниками и домашним скотом, когда жизнь первых напрямую зависела от последних. Отражения создают эффект повторения, бескрайнее пространство степи и бескрайнюю степь памяти о тех событиях.

Рашид Нурекеев собирает инсталляцию с воронами. Черный ворон – символ несчастий, предвестник беды во многих культурах. В тридцатые годы «черным воронком» называли машины, на которых увозили арестованных. Предвестником беды стал звук шин, останавливающихся по вечерам у подъезда. Черная, черная птица, летающая над черным лесом – рефрен сгущающихся сумерек, страха, который опутывает и возникает вновь и вновь, страха, в котором заложена опасность повторения, возвращения. Ведь птицы улетаются и возвращаются обратно.

Искусство – это форма памятования, часть культурной памяти общества, но в то же время, оно – форма ставить вопросы о тупом прошлом и его осмыслении, форма сопротивления инструментации памяти, использовании ее для политической повестки сегодняшнего дня. Для человека сохранять память – это сохранять свое я, а для общества сохранять свою память – это очень часто сохранять возможность и надежду на иное будущее, в котором нет страха и есть чуть больше свободы и свобод. Критически направленная коллективная память, которая вопрошает, судит, разрушает идеологические конструкции, этически-мотивированная память, которая возвращает имена, признает чужие страдания, дают нам надежду. Память и надежда, эфемерные, ненадежные, хрупкие – как и все, что делает человека человеком.

Культурная оппозиция – Смелость – Объединение коллекций. Проект COURAGE (СМЕЛОСТЬ)

Шандор Хорват,

Институт истории, Венгерская академия наук

COURAGE (СМЕЛОСТЬ): Культурная оппозиция – Осмысление культурного наследия несогласия в бывших социалистических странах <http://cultural-opposition.eu/>
Вступительное видео Евроньюс - <https://youtu.be/B9Tl28csyVY>

1. Вызов

Восточная Европа все еще остается весьма непонятной для стран Запада, несмотря на то, что многие страны ВЕ являются членами Европейского Союза. Отчасти это обусловлено ее историей и культурой, которые не были интегрированы в общую культурную память Европы. Несмотря на попытки изменить ситуацию к обратному, которые предпринимает целая когорта выдающихся ученых, в новейшей истории региона все еще главенствует нарратив, слишком строго фокусирующий на политических событиях, что же касается культуры при коммунистическом строе, то последняя ассоциируется со скучной и вызывающей тоску пропагандой. Однако это - всего лишь часть общей картины. Подобный подход пренебрегает множеством персональных стратегий и практик несогласия и протеста, которые не обязательно формировались в политическую оппозицию или активное сопротивление режиму, но проявлялись в нонконформистских культурных активностях. В конечном счете за передним планом официальной пропаганды процветала потрясающая культура, которая откликалась – и не только в имитативной форме – на культурную жизнь по ту сторону «железного занавеса». Далее: упрощенные смыслы, пропагандируемые современной правительственной политикой памяти по всей Восточной Европе, говорят, что история коммунистических диктаторских режимов - это история жертв и угнетателей, которых весьма просто идентифицировать. Деятельность проекта COURAGE (СМЕЛОСТЬ) направлена на изменение этого клише, из-за которого игнорируется огромная «серая зона» факторов, и создание действенных инструментов

понимания исторической динамики в восточно-европейских обществах и ее последствиях, проявляющихся в настоящее время.

Проблема заключается в том, что альтернативная культура при коммунистическом строе была в свое время (и по сей день) очень скудно документирована. Причины этого вполне очевидны: поддерживаемая государством культура без труда находила свое место в музеях и отображалась в архивах, а ее проявления занимали все городские пространства, в то время как собрание воедино и документирование произведений неконформистского искусства представлялось весьма нелегкой задачей. Зачастую в лучшем случае это были проявления подпольных практик, поддерживаемых некоторыми институциями. Существует опасность того, что весь этот пласт, в особенности его контркультурная часть, будет предан забвению, при том что это не только примечательная часть нашей культуры, но и фактор, необходимый для осмысления нашего прошлого и современной Европы.

2. Ключевые результаты, касающиеся данного вызова.

Во-первых, проект COURAGE (СМЕЛОСТЬ) создал платформу для разрозненных и спрятанных коллекций произведений неконформистского искусства и контркультуры, с тем чтобы повысить потенциал в области сотрудничества между различными институциями и привлечь внимание исследователей, преподавателей, студенчества и общества в целом к интереснейшим материалам, содержащимся в этих собраниях. Постоянно расширяющийся портал, который мы зазываем «Реестр» уже доступен онлайн на 15 языках (<http://cultural-opposition.eu/registry/>).

Во-вторых, нам удалось перевернуть традиционный подход к культурной истории. Вместо простого изучения течений, мы сфокусировали внимание на то, как эти течения в искусстве были документированы. История в первую очередь творится в частных и публичных архивах. То, как коллекция объектов (изображения, рукописи, музыкальные и аудиозаписи) хранится, а также способы демонстрации и порядок расположения данных объектов оказывают огромное влияние на то, как исследователи будут воспринимать и интерпретировать эти материалы. Даже такой простой факт, что некоторые собрания и коллекции могут быть более, а некоторые - менее доступны для обозрения, может оказывать влияние на то, о каких исторических фактах будут говорить историки. На нашей платформе мы стремимся представить, как коллекция была собрана, кто и как создавал и пополнял ее, а также какое социальное и политическое назначение она имела. Таким образом портал представляет собой не просто базу данных, а уникальный и комплексный исследовательский инструмент.

В-третьих, мы направляем наше исследование на разработку учебных программ среднего и высшего образования, интерактивных обучающих материалов, а также исчерпывающего пособия по изучению культурной оппозиции в целом. Нашей целью является вовлечение молодежи в игровые методы обучения. Мы работаем с огромным количеством аудиовизуальных материалов: произведения изобразительного искусства, фотографии, классическая и популярная музыка, тайно опубликованные книги самиздата, афиши подпольных концертов и альтернативных театральные постановок, экспериментальных видеоматериалов, документальных фильмов, записей с различных представлений и перформансов и многими другими материалами. Мы обращаемся к широкой аудитории, организуя фестивали документального кино в разных городах Восточной Европы, которые сопровождаются передвижными выставками и концертами. Мы знакомим граждан с протагонистами андерграунда коммунистической эпохи.

Общая память после окончания тоталитарной коммунистической эры в Латвии

Эдгарс Энгизерс,

Преподаватель, Балтийская международная академия, Латвия

В первую очередь необходимо определить термины. В контексте данного отчета под термином «тоталитарная коммунистическая эра» подразумевается весь период коммунистического правления в Латвии (1940-1990), поскольку тотальный контроль над обществом наблюдался не только в течение насильственной и репрессивной эры сталинизма, но и до нее (безуспешная попытка установления власти большевиков в 1918-1919 годы) и после сталинской эпохи (включая оруэлловское понимание тотального контроля общества). Автор разделяет мнение, что тоталитаризм определяется не только уровнем насилия и репрессий, осуществляемых режимом против народа, но и уровнем контроля над различными сферами жизни людей, включая идеологический контроль различными насильственными и ненасильственными средствами.

Порой современное латвийское общество, основанное на различиях в коллективной памяти о советском «наследии», характеризуется двояко (в действительности существует гораздо более широкий плюрализм общей памяти в Латвии). Существуют определенные предпосылки этого дуализма: социальный, исторический и экономический бэкграунд так называемого «русскоговорящего населения» среди мигрантов советского периода (включая представителей политических и военных властей оккупационного режима), которые не имеют сильных семейных связей с Латвией, однако идеологически связаны с обществом, сформировавшимся вокруг военного контингента Прибалтийского военного округа с центром в Риге. Многие жители Латвии имеют личные связи с людьми, репрессированными советами во время сталинизма. Противостояние Народного фронта Латвии и Интернационального фронта трудящихся ЛатССР трансформировалось в латентную форму идеологической борьбы. Эту воображаемую двойственность можно проиллюстрировать заблуждениями по поводу утраченного величия и примата личности в обществе, жертвенности и стремления к восстановлению справедливости. В реальности большая часть активного общества сформировала совершенно иную группу – поколение, не отягощенное памятью об СССР, персональными сантиментами и знаниями о событиях недавнего прошлого. В основном, воспоминания о советском прошлом распространяются не через семьи, они конструируются системой образования, масс-медиа и различными фигурантами (государственными и негосударственными) исторической политики. Среди этих двух мета групп существует значительный плюрализм других групп, а также ведутся мнемонические диспуты, наблюдаемые в антикоммунистически настроенной части общества Латвии. Восстановление независимости на основе концепта преемственности государств повлекло некоторые латентные противоречия в общем восприятии исторических событий: во-первых, концепция восстановления независимости 18 ноября 1918 года не дает четкого ответа на вопрос о том, была ли утрачена государственность Латвии вследствие советской оккупации в 1940 году, либо это случилось во время государственного переворота 1934, в результате которого была свергнуто демократическое правительство. Этот диспут подогревается государственной политикой восстановления демократии, и воспоминания членов семей, живших в 80-е и 90-е годы, охватывали больше довоенный период истории Латвии. Этот период субъективно

укоренился в сознании людей как «золотой век», существовавший до начала войны и советских репрессий. Во-вторых, рассматривались две формы восстановления независимости – путем победы на выборах в Верховный Совет Латвийской ССР или посредством так называемого Гражданского конгресса. В конце концов, роль так называемых «умеренных» коммунистов в борьбе против сторонников жесткой линии, латышских эмигрантов, бывших «лесных братьев»⁶⁴ и националистического/диссидентского подполья приводит нас к различным оценкам процесса восстановления независимости в целом.

Антикоммунистический ревизионизм (1987-1999)

Первый сдвиг в формировании общей памяти связан с переоценкой прошлого во время «перестройки» не только в Латвии, но и в высших эшелонах власти СССР, которой в 1989 году был публично осужден пакт Молотова-Риббентропа. Следующее десятилетие отмечено отказом от всего советского и возвращением к довоенным историческим нарративам и их адаптацией эмигрантским сообществом. Также важно упомянуть, что социально активное поколение поздних 80-х и ранних 90-х прожила молодость несколько десятилетий назад. Несмотря на ограничения советского образа жизни, воспоминания молодости и о том, что те времена были не такими суровыми как сталинская эпоха, а также ощущение неопределенности 90-х годов являются важными формами общей памяти этих людей. Уже в 80-е годы отчужденность советского строя от людей стала в сознании общества совершенно очевидной. Политические анекдоты того времени доказывают, что режим утратил свой тоталитарный характер.

Вестернизация (2000-по настоящее время)

С приходом нового поколения тех, кто не был вовлечен в советские властные отношения и получил образование в западно-ориентированных государствах или же непосредственно на Западе, наблюдаются признаки значительных изменений в написании истории и формировании общей памяти. Выросшие дети перестройки не только сформировали западную ориентацию государства, но и западные подходы и практики создания коллективной памяти. Одной из последних эволюций формирования коллективной памяти связана с почитанием памяти жертв холокоста, где фокус памяти переводится с притеснения евреев как этнической группы, на идентификацию жертв как полноправных граждан Латвии. Данный шаг в значительной степени повысил уровень сочувствия широкой общественности, поскольку он перевел идентификацию группы (в том числе и коллективную память) из эксклюзивно этнического в инклюзивно гражданский аспект. Данный факт иллюстрирует более расширенный переход от этноцентризма к самоидентификации и практикам общей памяти, что являлось главной целью идеологической борьбы за восстановление независимости в целях создания более глобализованного и граждански ориентированного подхода.

Распространение памяти зачастую трансформируется из индивидуального в коллективный феномен, однако если индивидуальная память действует как форма исцеления от персональных и семейных травм, коллективизация данного процесса часто приводит к формализации

⁶⁴ Лесные братья (латыш. mežabrāļi, лит. miško broliai, laisvės kovotojai, partizanai, эст. metsavennad) — неофициальное наименование вооружённых националистических формирований, действовавших в 1940-е — 1950-е годы на территории прибалтийских республик: Литвы, Латвии и Эстонии). Они вели партизанскую войну против советской власти во время советского вторжения и оккупации трех балтийских государств.

нарративов и мифотворчеству, переводу персональных травм в коллективное поле и неоправданному упрощению, как в голливудских фильмах. Такая «голливудизация» общей памяти приводит к двоякому (плохое/хорошее) представлению о прошлом и стиранию граней между правдой и вымыслом.

Недавнее распространение памяти и эволюции процесса открытия архивов (при этом испытывавшее серьезный недостаток академического анализа и глубины исследования) наблюдалось после обнародования материалов КГБ, содержавших информацию о тайных агентах. Провал назначенной государством Комиссии по исследованию материалов КГБ и последовавшие за ним журналистские исследования реально привели к своеобразной «КГБ-агентизации» общей памяти о периоде позднего советского строя (всеобщее требование осудить агентов КГБ без четкого понимания сути ЛЦС, КГБ, КПСС и советской политической системы в целом). В публичном дискурсе распространено мнение, что вся советская система контроля и репрессий строилась на агентах КГБ, а не штатных офицерах комитета, уполномоченных должностных лицах КПСС, профсоюзах и комсомольских организациях, которые являлись истинными активными проводниками государственной политики, - нет, по мнению авторов публикаций такого рода, именно агенты КГБ были важнейшей угрозой для осведомленности общества о событиях прошлого.

Другим примечательным фактором, влияющим на коллективную память в Латвии, является «Кремлевская война памяти». Коллективное представление о прошлом как средство оценки и определения настоящего воспринимается как важный элемент геополитической позиции. История Латвии (и память народа Латвии) как составная и неоспоримая часть советской истории – это представление, на котором многие участники социально-политических процессов строят политику памяти и идентичности. Однако повышение геополитической напряженности после аннексии Крыма Россией привело к подъему консервативных настроений и антисоветского нарратива в общей памяти о советском прошлом в Латвии. Прославление без какой-либо критики и безапелляционная демонизация любых попыток переосмысления советской истории являются главными точками столкновения мнений в общей памяти о советском строе среди представителей российских властей, которые являются краеугольным камнем национализма и дипломатического давления на Латвию, после провозглашения намерения Латвии вступить в НАТО и ЕС.

Помимо недостатка человеческих ресурсов в исторических исследованиях есть и другая проблема - Россия закрыла архивы, в которых хранится много исторических материалов Латвии. Фрагментарность архивных источников в Латвии, а также психоэмоциональное отрицание виктимизации и общее негативное отношение в исторических нарративах молодой аудитории, равно как неприятие краха советского режима в идеологически разделенном старшем поколении привели к коллективной амнезии вместо общей памяти. Семьи не могут делиться памятью о тоталитарном коммунистическом режиме, так как зачастую эти воспоминания запрещены или частично утрачены еще в коммунистический период, и с тех пор практики распространения памяти институционализированы другими людьми. Однако в других случаях эти воспоминания обрамлялись в форму «утраченного величия» представителями политической власти тоталитарного режима. Западная ориентированность нового поколения «детей перестройки» привела к ситуации, когда большинство не делится памятью о советском строе, не помнит его и фактически не особо им интересуется.

Седмая Сессия: Забвение преступлений тоталитарных режимов и как его избежать

АРХИВЫ, ЗАГОВОРЫ, ТЕОРИИ ЗАГОВОРА: ДЕЛО БОЛГАРСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Момчил Методиев,

Исследователь Институт исследований недавнего прошлого, Болгария

По понятным причинам ожидания общественности после рассекречивания архивов спецслужб коммунистических режимов весьма высоки. Общество надеется, что данные архивов дадут долгожданные ответы на такие острые вопросы, как суть коммунистических режимов и причины их краха, что приведет к большей прозрачности институтов и восстановлению справедливости, а также проторит путь формированию новой элиты, основываясь на принципах меритократии. Все эти чаяния вполне понятны и оправданны. Вместе с тем открытие архивов повлекло за собой множество непредвиденных вызовов, основным из которых стало несоответствие между архивной информацией и определенными убеждениями, сложившимися у общественности, которые успели сформироваться в ранние годы после смены режима. Как общественность и институции реагируют, когда обнародованные архивные данные не только не подтверждают сформировавшееся мнение, но более того, противоречат ему?

В этой связи хорошим объектом для исследования можно считать вопрос, касающийся Болгарской православной церкви. После падения коммунистического строя в Болгарии в 1989 году проблема рассекречивания архивов органов государственной безопасности оставалась по-прежнему важной, и в то же время все еще нерешенной. Сразу же после 1989 года сотрудники служб государственной безопасности уничтожили около 40 процентов персональных данных, что впоследствии дало этим лицам основание утверждать, что рассекречивание архивных данных было делом бессмысленным, а истину установить не удалось бы никогда. Впрочем, после нескольких неудачных попыток Парламент Болгарии принял закон «О доступе к архивам бывших органов государственной безопасности». Соответственно, в 2007 году была создана так называемая комиссия «Досье», деятельность которой преследовала три цели: первая – создание централизованного архива всех документов органов государственной безопасности коммунистической эпохи, а также осуществление соответствующего контроля; вторая – предоставление доступа к архивным данным для всех жертв и исследователей коммунистического режима; и третья – проверка связей представителей государственной и общественной элиты различных категорий посткоммунистического периода с органами государственной безопасности (Комитета государственной безопасности Болгарии). Неожиданно для многих (в том числе – и для меня), комиссия начала выполнять свои задачи и достигла определенного уровня общественного доверия. После ряда отчетов, касавшихся различных групп политической и экономической элиты страны посткоммунистического периода, в начале 2012 года комиссия заявила, что следующий отчет будет касаться руководства Болгарской православной церкви.

Церковь в то время совсем недавно преодолела глубочайший кризис. Представлявшаяся

как своеобразная опора национальной идентичности в начале переходного периода Болгарская православная церковь считалась жертвой коммунистического режима, и большой сегмент общества ожидал, что она поддержит демократические преобразования и декоммунизацию государства. Однако, вопреки этому мнению, в начале 1990-х Церковь оказалась вовлечена в ряд весьма неприятных внутренних споров и разногласий. В 1992 году часть руководства Болгарской православной церкви требовала отрешения патриарха Максима, мотивируя это тем, что Максим взошел на патриарший престол при поддержке Болгарской коммунистической партии, доказательства чего были обнаружены в рассекреченных архивах. Это стало началом широкомасштабной и продолжительной схизмы внутри Церкви. Конфликт сопровождался захватом культовых сооружений и церквей, взаимными обвинениями и даже открытыми столкновениями между представителями двух противоборствующих групп. Общественность была убеждена, что группа, возглавляемая патриархом Максимом (так называемый «канонический Синод») была тесно связана с бывшими коммунистами, в то время, как вторая группа – так называемый «альтернативный Синод», требовала декоммунизации Церкви и церковной жизни. Группа возглавлялась тремя митрополитами: Пименом – митрополитом Неврокопским (избранным «альтернативным патриархом»), Панкратием – митрополитом Старозагорским и Каллиником – митрополитом Врачанским. Кризис, который стал известен как «Схизма в Церкви», был разрешен в конце 2004 года, когда при поддержке Вселенского Патриарха Варфоломея и государства единство церкви было восстановлено.

Правда открылась спустя десять лет. В 2012 году предстоятели Церкви попытались отсрочить опубликование доклада комиссии «Досье» на основании того, что данный документ является примером антидемократического вмешательства государства в дела Церкви. Однако, несмотря на препятствование, Комиссией был опубликован доклад о принадлежности митрополитов к органам государственной безопасности. Позднее Комиссия также предоставила исследователям доступ к собранным в период коммунистического правления персональным данным лидеров Болгарской православной церкви. Доклад выявил факт сотрудничества двенадцати митрополитов из пятнадцати иерархов, занимавших эту должность, которые были завербованы органами государственной безопасности Болгарии, будучи еще молодыми священниками и епископами. Данная информация, естественно, была воспринята как исключительно неприятная неожиданность. Единственным утешением являлось то, что самого Патриарха Максима (в то время уже бывшего в преклонном возрасте) в числе лиц, сотрудничавших в Комитетом государственной безопасности Болгарии, не было. В то же время из доклада явствовало, что среди завербованных священников были все руководители так называемого «альтернативного Синода». Митрополит Неврокопский Пимен – «альтернативный Патриарх» – был агентом Комитета государственной безопасности Болгарии; с 1950-х годов упоминался в документах спецслужб под кодовым именем «Патриарх»; Панкратий – митрополит Старозагорский, известный как «министр иностранных дел Церкви», координировал внешние сношения Болгарской православной церкви не только с органами госбезопасности Болгарии, но и с КГБ СССР; что же касается Каллиника – митрополита Врачанского, то он считался одним из важнейших «агентов влияния», внедренных в Синод БПЦ.

Однако самым вопиющим среди этих случаев было состоявшееся из тридцати томов дело митрополита Западно- и Среднеевропейского Симеона, который оставался преданным «каноническому синоду» в 1990-е годы. Оказалось, что в 1966 году молодой священник был направлен в США, а спецслужбы коммунистической Болгарии намеревались сделать его «болгарским Рихардом Зорге». Работая под прикрытием, викарий Симеон являлся глубоко засекреченным агентом Комитета государственной безопасности Болгарии и членом Коммунистической партии Болгарии. С согласия своих кураторов Симеон получил гражданство США, что дало ему возможность беспрепятственно путешествовать по всему миру, при этом

продвигаясь вверх в церковной иерархии. Утратив доверие своих руководителей в органах госбезопасности, Симеон был отозван в Болгарию в 1978 году, его паспорт был аннулирован, а сам священник удалился от публичной жизни. Посол США в Болгарии, обеспокоенный судьбой гражданина Америки, потребовал предоставить информацию о Симеоне у заместителя Министра иностранных дел Болгарии, на что, вполне ожидаемо, получил ответ, что Церковь в Болгарии отделена от государства и будущая судьба священнослужителя является сугубо церковным делом. В начале 1979 года сотрудников госбезопасности Болгарии ошеломила новость о том, что епископ Симеон вернулся в США. Оказалось, что консул США в Софии смог выйти на Симеона и помог ему нелегально покинуть Болгарию и перебраться в Америку. Это был сокрушительный провал спецслужб Болгарии, который стал достоянием общественности. Более того, все эти события совпали с шумевшим убийством в 1978 году в Лондоне болгарского писателя Георгия Маркова в результате так называемого укола «болгарским зонтиком». До сих пор не известно, какую информацию и в каких объемах Симеон передал американцам, однако руководство в Софии предложило ему принять пост епископа Западноевропейского. Сделка была заключена в Упсале в Швеции на встрече, где присутствовали митрополит Панкратий, митрополит Симеон и сотрудник департамента разведки Христо Маринчев, который вел их дело. К рапорту Маринчева прилагались фотографии всех троих участников встречи с пометкой о том, что митрополиты «путешествовали в гражданской одежде, чтобы не привлекать внимание местных жителей».

Вновь обнародованные архивы службы госбезопасности выявили множество других важных фактов и подробностей, включая информацию о репрессированных священнослужителях или представителях духовенства, находившихся под наблюдением госбезопасности, в том числе, о двух предстоятелях церкви, преследовавшихся при коммунистическом режиме. Внимательное изучение архивных данных доказывает, что подавляющее большинство членов священного Синода находились под наблюдением Комитета государственной безопасности Болгарии, а число священнослужителей, сотрудничавших со спецслужбами, с середины 1970-х годов начало увеличиваться. Подтвердилось, что открытие архивов является весьма важным шагом на пути к открытости информации.

Все указанное, впрочем, затмевается скандальными разоблачениями в докладе комиссии «Досье» за 2012 год. Как же общество и Церковь отреагировали на эти разоблачения? Спустя некоторое время потрясение общественности уступило место теориям заговоров, которыми некие лица пытались объяснить противоречие между публичным восприятием «альтернативного Синода» как антикоммунистической силы и материалами архивов. Особую популярность обрели две теории. Согласно первой, Комиссия (подразумевается государство) скрыла данные, касавшиеся действовавшего Патриарха Максима. Основывалась данная теория на отдельной информации из архива, согласно которой некий сотрудник службы государственной безопасности утверждал, что Патриарх Максим, якобы, также сотрудничал с комитетом госбезопасности. Комиссия провела тщательную проверку, однако не смогла найти никаких подтверждений данного заявления.

Согласно же второму конспирологическому объяснению, ставшему весьма популярным, весь раскол в Болгарской православной церкви был инициирован бывшими сотрудниками госбезопасности с целью подорвать авторитет Церкви. Это – весьма привлекательное объяснение, однако оно вступает в противоречие с фактами: число священнослужителей, сотрудничавших со спецслужбами, было равномерно распределено между «альтернативным» и «каноническим» синодами. Таким образом, наиболее правдоподобным, однако наименее привлекательным объяснением раскола в БПЦ, является то, что часть руководства церкви, в особенности священники, наиболее активно сотрудничавшие с органами государственной безопасности, инициировали раскол в попытке «обелить» собственные биографии в условиях

нового политического режима.

Каков был ответ Церкви? Молчание, что, впрочем, неудивительно. Попытки меньшинства членов Синода инициировать что-то наподобие публичных извинений, потерпели неудачу, так как не были поддержаны синодальным большинством. Молчание Церкви по такому деликатному вопросу отвратило от Церкви ту часть общественности, которая на протяжении многих лет настаивала на открытии архивов. Утратив поддержку этих слоев населения, предстоятели Церкви все в большей степени стали зависеть от настроений общественности и во всеуслышание заявили о поддержке модной сейчас «политики идентичности».

Теории заговора в сочетании с политикой идентичности стали идеальной средой для возникновения новой популистской элиты, которая в настоящее время становится все более влиятельной в Центральной и Западной Европе. Открытие архивов является важным элементом процесса демократизации общества, и этот процесс должен продолжаться. Новый популизм вовсе не является следствием открытия архивов. Однако пример Болгарской православной церкви доказывает, что только открытия архивов для выявления истины и установления справедливости в обществе недостаточно. Это всего лишь одна, пусть и немаловажная, часть процесса демократизации, которая должна дополняться утверждением верховенства закона и наличием сильной и независимой масс-медиа. При отсутствии хотя бы одного из этих элементов открытие архивов может стать объектом злоупотребления со стороны людей, движимых не вполне честными демократическими мотивами.

Слева направо: митрополит Симеон, Христо Маринчев, митрополит Панкратий, Упсала, 1979 г. Источник: Комиссия «Досье» (штамп в верхнем углу)

Как избежать забвения преступлений тоталитарного прошлого: пример Эстонии

Меелис Сауаеук,

Старший научный сотрудник, Институт исторической памяти, Эстония

Политика памяти о преступлениях тоталитарного прошлого более или менее отличается в каждой стране. И не только политика, так как память о преступлениях продолжает жить также и без соответствующей политики и даже – при политике забвения. По этой причине государственные и правительственные деятели, а также их политическая воля имеют особое значение. Говоря о соответствующих мерах, мы в основном имеем в виду исследования, поддержку жертв, а также законодательные меры в отношении виновных.

В случае с Эстонией мы можем говорить о преступлениях нацистов и коммунистов. Поскольку тема конференции по большей части касается коммунистического прошлого, следует сконцентрироваться на этом периоде, в частности 1940-1941 годах (в 1941-1944 годах Эстония была оккупирована Германией, однако были тысячи политических заключенных, включая представителей эстонской элиты, против которых в советское время были совершены преступления: убийства, аресты, заключения и депортации в нечеловеческих условиях). Можно с уверенностью утверждать о приблизительно 75 000 лиц из Эстонии, убитых, заключенных под стражу или депортированных советскими властями по политическому признаку. Это довольно внушительно число, если принять во внимание что общая численность населения Эстонии до 1940 года составляла всего 1,3 миллиона жителей.

Историческое исследование преступлений стало важной темой общественного обсуждения уже в 1988 году. В 1991 году Национальный архив Эстонии сменил архивы коммунистической партии Эстонии, а КГБ передало лишь незначительную часть архивов эстонскому правительству, которые были перенесены в фонды национальных архивов в 1993-1995 годах. Было решено, что правительство Эстонии не будет считать тайны бывшего Советского союза государственной тайной Эстонии, и по этой причине архивы КГБ и другие документы советской эпохи не были засекречены, а исследователям был гарантирован полный доступ к материалам. Документы КГБ по большей части состояли из материалов следствия, дел о депортации и специальном контроле. Хотя, когда вскоре были опубликованы первые исследования, стало очевидно, что необходимо создание специального учреждения для изучения периодов оккупации. В результате были созданы Комиссия по исследованию политики репрессий и Эстонская международная комиссия по расследованию преступлений против человечности (IKUES, 1998). Под эгидой IKUES сформировали группу историков. IKUES в 2008 была реорганизована, а в 2017 году был создан Эстонский институт исторической памяти. Обе комиссии были созданы для осуществления исторических исследований без каких-либо правовых обязательств. Их целью было поддерживать и обеспечивать исторические исследования, а работавшим в комиссиях исследователям были предоставлены те же условия доступа и публикаций, что и другим университетским ученым и исследователям из других организаций.

Полная реабилитация лиц, подвергнувшихся преследованию по политическому признаку, началась с закона о реабилитации, принятом в 1992 году (до тех пор реабилитация носила только частичный характер). Также была осуществлена реституция собственности. После этого правительство инициировало закон о поддержке выживших жертв преступлений и репрессий

тоталитарных режимов. В 2003 году Парламентом Эстонии был принят Акт о репрессированных лицах. Другим аспектом осуществления политики памяти в отношении жертв режима и преступлений стало создание мемориалов. Только в 2018 году был воздвигнут Национальный мемориал жертв коммунизма в Таллине. На мемориал нанесены имена 22 000 человек, но существует также Электронный мемориал, содержащий обновленные сведения обо всех вероятных жертвах тоталитарного режима.

В начале 1990-х годов Эстония присоединилась к международным конвенциям, касающимся преступлений против человечности и других международных преступлений. В 1994 году были приняты дополнения к Уголовному кодексу Эстонии, предусматривающие наказания за геноцид, военные преступления и преступления против человечности. Также в целях законного расследования преступлений подобного рода был создан специальный следственный отдел при Оборонной полиции Эстонии. В настоящее время за совершение преступлений против человечности осуждено 10 человек. Большинство из них – сотрудники спецслужб, участвовавшие в операциях по депортации. В последние годы в судах не было дел по преступлениям данного типа. Становится очевидным, что расследование преступлений тоталитарных режимов постепенно полностью трансформируется в область исторических исследований. Изучение, повышение уровня знаний и образовательные мероприятия могут стать наилучшей гарантией предотвращения того, что преступления тоталитарного прошлого будут преданы забвению.

Историческая память, декоммунизация и десоветизация: роль нынешнего правительства России и постсоветских элит

Парвиз Мулоджанов,

Приглашенный исследователь Упсальского университета

Основные тезисы презентации

Процесс декоммунизации и десоветизации постсоветского пространства представляется особенно сложным и неоднозначным, поскольку на него влияет целый ряд факторов политического и исторического характера. В основном всеми бывшими советскими республиками сразу же после распада СССР была заявлена цель, которая заключалась в избавлении от советского и коммунистического прошлого, однако ни одной из стран не удалось завершить этот процесс.

Эта неудача обусловлена совокупностью нескольких основных факторов:

- Роль Российской Федерации, которая остается главной заинтересованной стороной и наиболее влиятельным геополитическим игроком в регионе. Россия официально представляется единственным законным правопреемником Советского Союза, а нынешнее правление Путина придает существенное значение вопросам, связанным с советским прошлым;
- Местные постсоветские политические режимы, которые идеологически и структурно продолжают оставаться тесно связанными с советским прошлым и коммунистической историей региона;
- Одним из важнейших, однако в меньшей степени обсуждаемых факторов является восприятие общественностью советского и коммунистического прошлого и Советского Союза в целом. Общественное мнение и менталитет в центрально-азиатском регионе отличается сильными ностальгическими чувствами к советскому прошлому и некритическим отношением к истории политических репрессий сталинского периода;

В этой связи возникает ряд вопросов, таких как: каково реальное влияние данных факторов? Почему они настолько жизнеспособны? Каковы реальные перспективы процесса декоммунизации постсоветской Средней Азии? Чтобы ответить на эти вопросы, рассмотрим ниже каждый из этих факторов в отдельности.

1. Российская Федерация

Нынешнее политическое руководство России весьма болезненно воспринимает вопрос декоммунизации и десоветизации постсоветских республик ввиду следующих основных причин:

- Во-первых, политическая элита России преимущественно воспринимает критику советского прошлого как попытку подорвать процесс политической и экономической реинтеграции постсоветских республик. Правительство Путина продвигает различные модели интеграции, очевидно воспринимая их как ключевые инструменты утверждения главенствующих позиций России на постсоветском пространстве. Таким образом, Россия крайне политизирует вопросы исторической памяти; в рамках данной политической структуры осуждение сталинизма зачастую увязывается с отрицанием текущих интеграционных процессов;
- Во-вторых, существует феномен идеализации общего исторического прошлого (в особенности – его советского периода), что официально представляется как славный период, повод для общей гордости и пример для подражания. Нынешняя официальная идеология

России переосмысливает роль и степень сталинских репрессий, а зачастую и оправдывает их «необходимостью укрепления государства и развития процесса индустриализации». Идеализация общего исторического прошлого наряду с ностальгией по советскому периоду, который широко поддерживает население Центральной Азии, являются важными компонентами российской политики «мягкой силы» в регионе. Советское прошлое является значительным аспектом геополитических амбиций лидерства России во всем евразийском регионе. В этой связи руководство России принимает большинство инициатив чисто культурного и неполитического характера с долей подозрения и недоверия. Например, российское правительство крайне негативно воспринимает процесс перевода местных алфавитов с кириллицы на латиницу в Казахстане и Узбекистане; такая же негативная реакция была продемонстрирована в отношении изменения форм фамилий в Таджикистане (местное правительство издало запрет на русские окончания таджикских фамилий). Российское правительство и официальные масс-медиа уделяют особое внимание местным учебникам истории и академическим трудам, зачастую публично осуждая любые попытки критики неоднозначных аспектов советской истории, например, роль КГБ в содействии массовым беспорядкам в союзных государствах во время «перестройки».

- В-третьих, геополитическая реальность заключается в том, что Российская Федерация с ее «мягкой силой» вынуждена полагаться на наиболее консервативные и коммунистические партии в странах региона, подавляющее большинство которых крайне негативно и критически относится к процессам декоммунизации и десоветизации. Этот дополнительный и крайне важный феномен существенно влияет на все аспекты внешней политики России в регионе.
- В противовес этому местные националистические партии Центральной Азии, представители интеллигенции и оппозиция традиционно придерживаются крайне критических взглядов на советское прошлое и сталинский период. Со времен «перестройки» многие национальные движения и либеральные политические партии заявляли, что десоветизация является ключевым элементом их идеологии и важным аспектом будущей долгосрочной стратегии. В свою очередь, Российская федерация и правящая элита стран Центральной Азии зачастую выступают как союзники в борьбе с националистически настроенной интеллигенцией, политической оппозицией и, соответственно, их планам по пересмотру советского и коммунистического наследия.

2. Политическая элита в Центральной Азии

Следует упомянуть, что правящие режимы в Центральной Азии проводят довольно амбивалентную политику декоммунизации и десоветизации в регионе. С одной стороны, правящая элита, в особенности после развала СССР, поддерживала декоммунизацию как часть национальной идеологии (ссылаясь на «национальную идею» или «национальные задачи») и стратегии строительства нации. Правительства стран Центральной Азии стремились заполнить идеологический вакуум, возникший в результате краха коммунистической идеологии, новым набором идеологий, опирающихся в основном на досоветское историческое прошлое и наследие. Для этих целей в 1990-е годы местные постсоветские элиты инициировали широкомасштабный пересмотр истории, включая ее советский период. Наиболее последовательной в этом плане была политика, которую проводил президент Узбекистана Ислам Каримов. Следуя этому плану, Узбекистан предпринял широкомасштабный и основательный пересмотр истории нации, включая также и ее советский период. В результате важная часть национальной постсоветской идеологии в Узбекистане состоит из осуждения сталинских репрессий, которые официально описывались как стратегия Москвы, направленная на намеренное истребление национальной интеллигенции

и «свободолюбивых национальных кадров». Ислам Каримов использовал это крайне негативное описание советского прошлого как инструмент укрепления собственной власти и оправдания права узбекского народа на независимость, и очертил связь между текущим положением в государстве и ее досоветским прошлым. Однако с другой стороны, правящие режимы Средней Азии под конец приняли решение существенно ограничить процесс декоммунизации и десоветизации. Преследуя эти цели, большинство среднеазиатских правительств (включая и Ислама Каримова в последний период его правления) сдерживали процесс переосмысления истории и исследования сталинских политических репрессий в советский период. Как следствие в настоящее время вопрос сталинских репрессий замалчивается (как в Таджикистане) или описывается слишком расплывчато и неопределенно.

Двусмысленность нынешнего отношения со стороны правительств центрально-азиатского региона можно объяснить следующим образом:

Во-первых, правящие режимы в Средней Азии все еще поддерживают тесные идеологические связи с коммунистической идеологией, многие верховные лидеры этих государств выросли и получили образование, основанное на идеалах марксизма и коммунистической партии. Их мировоззрение, восприятие советской истории, экономика и политика все еще во многом строятся на этом прочном идеологическом фундаменте. Кроме того, нынешние режимы, применяя соответствующую методологию и строя свою власть на манер сталинской, желали бы, чтобы эта взаимосвязь была очевидна для местной общественности. Во-вторых, сегодня политические режимы стран Средней Азии в вопросах осуждения советского прошлого и процесса декоммунизации должны учитывать позицию путинского правительства. Например, правительству Казахстана пришлось принять во внимание позицию российского руководства по поводу голода в советском Казахстане в 1930-е годы. В-третьих, в каждой отдельной стране есть ряд внутренних политических факторов. Например, в Таджикистане правительство вступило в противостояние с оппозиционными партиями, многие из которых активно продвигали вопросы декоммунизации и десоветизации.

3. Гражданское общество: восприятие общественности и менталитет

Ввиду двойственной политики российского руководства и местных правящих режимов на уровне менталитета общества уровень десоветизации все еще остается довольно низким. Более того, зачастую имеет место и обратный процесс – рост популярности Сталина, растущее чувство ностальгии по Советскому Союзу, увеличение пропорции населения, оправдывающего политические репрессии 1930-х годов и т.д. Например, в 2009 году более 36% россиян позитивно оценили личность Сталина; в 2008 году, согласно данным Левада-центра, 70% российских граждан положительно оценили Сталина, и лишь 14% отзывались о нем с возмущением. В Центральной Азии происходят схожие процессы. В Казахстане 35% опрошенных высказали позитивное отношение к Сталину, 39% - негативное, 19% - нейтральное, а 6% - затруднились ответить определенно. В Киргизстане 61% респондентов позитивно оценивают личность Сталина, 11% - высказали негативное отношение, а 19% - ответили нейтрально. В Таджикистане позитивное отношение выказало 57% опрошенных, 14% - негативное и 19% - нейтральное. В Узбекистане пропорции разделились следующим образом: 53% - положительное отношение, 12% - негативное и 18% - нейтральное.

Заключительные замечания: различные представления об исторической памяти

Сегодня каждая постсоветская страна придерживается довольно различных взглядов на ключевые события советского прошлого. В целях демонстрации разницы и определения ролей

разных участников процесса автор приводит анализ различного восприятия четырех главных событий советской истории, которые являются объектами публичного обсуждения в регионе:

- I. Репрессии 1920-1930-х годов – становление советской власти, коллективизация и период сопротивления – движение басмачей;
- II. Голод в Казахстане в 1930-е годы;
- III. Сталинские репрессии 1930-х годов;
- IV. Насильственное перемещение населения в период правления Сталина, такие как переселение таджикских горцев в долины на культивацию хлопка в 1950-е годы и переселение так называемых «репрессированных народов и групп населения».

Каждое из этих исторических событий находилось в центре общественного внимания в течение десятилетий. В тоже время они по-разному воспринимаются представителями российского руководства, местными правительствами и гражданским обществом. Различия демонстрируются в приведенной ниже таблице 1; Налицо очевидное расхождение в восприятии, которое заслуживает более глубинного изучения и анализа в будущем.

Таблица 1. Различия в восприятии основных исторических событий советского прошлого с точки зрения разных сторон общественности региона

№	Вопрос публичного дискурса	Россия	Правительства	Гражданское общество региона
I.	Репрессии 1920-1930 годов, установление советской власти, коллективизация и период сопротивления – движение басмачей	В основном запутанные и неопределенные интерпретации и строгое осуждение басмачей	Реабилитация политического руководства стран региона, репрессированного в 1930-е годы и частичная реабилитация басмачей	Наблюдается отсутствие единой позиции, однако современные НПО, молодежные объединения и свободомыслящая интеллигенция осуждают репрессии и частично оправдывают басмачество
II.	Голод в Казахстане в 1930-е годы	Неосведомленность, отрицание или интерпретация голода как ошибки политики коллективизации	Частично признан правительством Казахстана, но при этом учитывается и позиция России	Склоняется к квалификации событий как геноцида
III.	Сталинские репрессии 1937-1939 годов	Нарастающая тенденция умалчивания, поощрения невежества, а порой оправдания	Частичное признание. Введение дней памяти жертв репрессий во всех странах, кроме Таджикистана	
IV.	Насильственное перемещение населения в период сталинского правления, такое как переселение таджикских горцев на равнины для культивации хлопка в 1950-е годы, а также насильственное переселение «репрессированных народов и групп населения»	Главенствующий дискурс заключается в попытках оправдать данные действия «исторической необходимостью»	Молчание	Свидетельства сохранились в памяти общества и менталитете репрессированных этических и социальных групп

Эсимде (я помню) - память: наука, активизм и гражданственность

Елмира Ногомбаева,

Директор аналитического центра "Полис Азия"

Memory studies – гуманитарное направление, которое очень кстати актуализировалось в последнее время. Особенно это важно на постсоветском пространстве, где процессы деколонизации и де-советизации еще не завершились, и более того очевиден явный отход назад. Идеи ностальгии, верховенства автократии и ее прошлых лидеров – Сталин, Иван Грозный, Дзержинский и другие, вновь витают над пространством еще не прожившим, и часто так и не узнавшим всю трагичность заточения за железным занавесом. Когда, как выяснилось в период открытости, внутренние потери иногда превышали внешние, в постоянной "праведной борьбе" с чем-либо или с кем-либо. И это был не только враг понятный как в период Великой Отечественной Войны, но и постоянный внутренний, с которым боролись не менее беспощадно, судя по плотной сети внутренних концлагерей ГУЛАГ.

История повторяется. Сегодня эта "война в ведьмами" внутри стран бывшего СССР возвращается, собственно под тем же флагом "иностранный агент", которому часто инкриминируются различные "нарушения". Истинная вина известна и очевидна – Память. "Человек помянший" – сам по себе опасен, он помнит и знает что есть – свобода, достоинство и личность.

Конференция в Тбилиси дала возможность собраться людям, организациям изучающим Память. Сегодня, это уже не просто – наука. Заниматься Памятью не просто, часто опасно. Возможно потому, эта вид деятельности – вспоминать, говорить, восстанавливать те события, просто вспоминать через дневники, улицы, биографии и судьбы – это активизм. Гражданский активизм. Мы имеем право помнить. Мы хотим знать и помнить. Мы хотим передавать эту память детям.

Потому нам важно знать опыт наших соседей, государств, всех тех кто смог открыть эту память и сохранить. В Тбилиси мы жадно рассматривали, вникали и фиксировали Музей истории и особенно часть репрессий, где грузины сотворили свою ретроспективу независимости как государства, так и народа. Через невзгоды, предательства, потери и убийства, как и через память о диссидентах, о тех кто пронес этот дух свободы. Мы побывали в Архиве, в открытом храме памяти, такой недосыгаемый для нас – большинства стран Центральной Азии, Кавказа, России и др.

Возможно, сегодня Тбилиси одно из немногих мест на территории огромного некогда Советского Союза, где теперь вот так можно обменяться мнениями, послушать разные практики, возможности и угрозы. Как это сегодня переживает российский "Мемориал" – маяк гражданственности и гражданской памяти в России.

В Центральной Азии сейчас понемного открывается окно в прошлое через память, устные истории, дискуссии и исследования. Эти движения часто встречают мощное сопротивление. Вчерашняя монополия вспомнив о своем прошлом величии и былом, в том числе территориальном наследии, хронически пытается вернуть было. Фантомно множа пропаганду в духе ностальгии. Сопrotивляясь тому, что уже не возможно запрятать обратно. Шаламов и Солженицын, а также голоса в других уже независимых государствах, заговорившие о том что было, уже не умолчишь.

Наш проект в Кыргызстане, мы назвали "Эсимде" (Я помню). Это дискуссионная площадка для изучения и понимания событий, фактов, процессов и «пустых страниц», которые остаются в истории и памяти людей.

OPEN SOCIETY
FOUNDATIONS

Institute for Development
of Freedom of Information